

1581
357

Михаил
Владимиров



В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА



75	72795	4.3
857	Владимирова	
	Брюкзакс мөөн	
	зүгдэг	
	2415	220
249		

Михаил
Владимиров

72795 4.3



В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Артемовский

2015

Артемовская ЦБС

Свердловской обл.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогу осилит идущий
(Из заповедей Иисуса Христа)

Да, я решил написать кое-чего для родных, друзей, товарищей-спутников по походам, для моих юных туристов, и для всех, кто хочет видеть землю не из окна поезда, автобуса или личного автомобиля. В первой книге – «Телега жизни» - я объяснял, для чего взялся за перо. Когда стал рыться в своих дневниках, отчётах о походах, рассматривать фотографии, любительские кинофильмы, рисунки в альбомах, вырезки из газет (где пропагандировал туризм), понял, что в одну книгу не уложиться. Уж очень много за полвека мне пришлось побродить по родной стране - от холодного Севера до границ с Монголией, от Полярного Урала до южных границ с Казахстаном и Китаем, от далёкой Камчатки до Карпат... Альбом для рисунков, фотоаппарат, кинокамеру, этюдник я таскал в походах как личный груз. Курсовую работу в Нижне-Тагильском пединституте и диплом по рисунку, живописи я делал по результатам работы в походах по Дальнему Востоку и защитил на «отлично». Мои однокурсники смеялись - зачем я лезу во второй институт? А мне это в жизни очень помогло. Надоело бы твердить каждый год, что Волга впадает в Каспийское море. У меня жизнь сложилась по-иному. Учитель начальной школы (после окончания педучилища), учитель

географии, рисования, черчения в средней школе, помощник начальника Егоршинского отделения Свердловской железной дороги по архитектуре и эстетике, преподаватель технического, машиностроительного, радиотехнического черчения в техникуме точного приборостроения, старший инструктор-методист спортивного туризма и ориентирования. Как инструктор туризма, я готовил как юных, так и взрослых туристов - как выживать, преодолевать сложные препятствия в тайге, в горах, зимой на лыжах во время походов, как уметь ориентироваться в далёкой от дома глухомани. Я могу гордиться тем, что всегда выводил команду из путешествий живой и невредимой, нас никогда не искали спасатели. В Областном Совете по туризму меня спрашивали - почему я вожу в поход команды только из своего города? Да потому, что я хорошо знаю каждого участника, я готовил их в учебно-тренировочных походах и на соревнованиях, они всегда доверяли мне как руководителю.

Если сложить все километры пути в пеших, водных, лыжных, горных, велосипедных походах (тех, что зарегистрированы в маршрутных книжках) в одну линию, то набирается более 40 тысяч километров, то есть я обогнул земной шар по экватору и пошёл на второй круг. Жалко, что с распадом Советского Союза мы практически потеряли для спортивных путешествий Карпаты,

Крымские горы, Кавказ, Тянь-Шань, Памир. Туда, в «чужие государства», надо оформлять визу, делать немалые транспортные расходы. Да и кто может поручиться за нашу жизнь и здоровье, если они своих режут и убивают?! Да и местное население зазналось своей независимостью и не очень то дружелюбно относятся к «пришельцам»: «Вы нашу землю топчете»!

Может, кто и подумает, что я в жизни только тем и занимался, что бродил с рюкзаком по стране. Нет! Это в свободное от основной работы время – в выходные, праздничные дни, в каникулы, отпуска. Я ни разу не был в домах отдыха, на курортах и санаториях, не бывал за границей. А работать начал с 9 лет во время Второй мировой войны. В деревне, где остались женщины, старики, даже таким «малявкам» находилась работа: собирать колоски, теребить лён, полоть колхозные грядки, собирать грибы и ягоды для фронта, лекарственные травы, боронить, возить сено в стога, зимой сушить картошку для фронта. Из техники была только лошадь, а на ней верхом мы, сельские ребята. А в 14 лет приходилось и пахать плугом землю, метать сено в стога. А ведь ещё надо было учиться в школе. После седьмого класса, который я окончил с Почвальным листом, меня в 14 лет наградили медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.». А позже

и награждён медалью «Ветеран труда», знаком «Отличник народного просвещения Российской Федерации». А закончил я работу в 70 лет. После распада Советского Союза плохо стало не только в экономике, но и в образовании. И туристами сейчас называют богатеньких, которые лезут отдыхать на заморские курорты. А ведь только зарегистрированных самодеятельных туристов в стране раньше было больше 10 миллионов человек!

(А это моё «клеймо» - упрощенный «клибрис»: на контуре палитры мои инициалы, стрелка компаса, карандаш, стилизованная карта и много шара. Где в книге мои рисунки или фотографии, стоит мое клеймо).



ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ – ИЛИ: КАК Я СТАЛ ТУРИСТОМ

1957 год. Я на Урале. Студент географического факультета Свердловского государственного педагогического института. Вначале всё кажется необычным после военной казармы: старинное здание (бывшая женская гимназия), коридоры и аудитории с тяжёлыми полукруглыми сводами и гипсовой лепниной на потолках. Мои будущие однокурсницы – вчерашние школьницы, с косичками и бантиками, с интересом смотрят на мою военную форму (я сдавал экзамены ещё будучи в армии, солдатом).

В коридоре, напротив аудитории геофака, висела огромная – в четыре ватманских листа - стенгазета «ГЕОГРАФ», где меня заинтересовали фотографии, рисунки, рассказы старшекурсников о походах за лето. Впервые я узнал, что туристы – это не те «матрасники», которые приезжают на турбазы на всё готовень-



КАК Я СТАЛ ТУРИСТОМ

кое, которых водят за ручку инструктора. И не те богатенькие люди, что едут отдыхать на курорты дружественных нам стран социалистического лагеря. А здесь звучит романтика дальних дорог с её трудностями и победами над собой и теми опасностями, что подстерегают их в пути.

И вот в один день после занятий к нам в аудиторию заходят студент второго курса Владимир Скутин и студентка третьего курса Аля Новикова. Они так интересно рассказывали, кто такие настоящие туристы и какое большое значение будут иметь совершённые походы в будущей работе учителя-географа. Когда они предложили нам в следующее воскресенье пойти в поход на Исетское озеро – у всех заблестели глаза. Тут же они продиктовали нам, как одеться, что взять с собою из еды, какой будет маршрут.

- А какие же вы будете туристы, если не знаете наших песен? Для начала разучим две походные песни – «Кружка» и «Котелок».

Они покорили нас своим пением. В 7 часов утра на железнодорожном вокзале собрался почти весь наш первый курс. С нашими инструкторами появилась высокая спортивного вида женщина в штормовке, с рюкзаком. Ну, наверное, кто-то из родителей – решили мы.

- Это Раиса Борисовна Рубель – наш преподаватель географии и туризма, первый «Мастер спорта по туризму» на Урале. Ну, вы её ещё узнаете, – пояснил Володя Скутин.

Сели в электричку и сразу же подхватили «Кружку», которую запели наши инструктора. А сами думаем, чем же будем заниматься целый день, ведь не только есть да песни петь. Но когда пришли на берег огромного озера, расположились на живописной поляне, инструктора построили нас, разбили на четыре команды, по своему усмотрению назначили капитанов и объявили план дей-

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

ствий. Первое: кто что взял с собой на обед – сложить на общий стол. Первая команда заготавливает дрова на общий костёр. Вторая команда – дежурит, варит обед. Третья команда моет посуду, убирает лагерь перед уходом домой. Четвёртая команда помогает инструкторам готовить соревнования. Всем нашлась работа! И пусть суп был недосоленным, а чай – солоноватым, все были довольны и неподдельно рады. А потом мы учились лазать по скалам, ставить палатку, брать азимут по компасу, определять горные породы и минералы, разжигать костёр. Радостные и довольные, мы уже уверенно распевали на перроне:

...И в наплыве кострового дыма

Рассуждает туристский едок:

Это всё для меня постижимо,

Эх, лишь бы только варил котелок!

Последние строчки особенно понравились, каждый вкладывал в них особый смысл. А потом были походы выходного дня и многодневные: на озеро Песчаное и Пшеничную гору, на Чёртово Городище, на скалы «Семь Братьев», на Шунут-Камень, в Нижне-Сергинские пещеры и в другие интересные места в окрестностях Свердловска.

За первый курс многие выполнили требования на значок «Турист СССР». Тогда надо было совершить пеший или лыжный поход протяжённостью 180 километров и сдать экзамены. Некоторые за год вместе со значком «Турист СССР» ещё получили удостоверение «Третий разряд по туризму». В числе этой группы был и я. А пока в электричке мы уверенно распевали:

...Будешь помнить в ущельях Алтая

И в долине, где мчится Вилюй,

Прелесть нашего горного края

Камень Денежкин и Таватуй.

РАИСА БОРИСОВНА РУБЕЛЬ

РАИСА БОРИСОВНА РУБЕЛЬ



Нам очень повезло. Душой туризма в институте была преподаватель геологии Раиса Борисовна Рубель. Да её знали туристы по всей стране. Она по праву именовалась первым туристом и пропагандистом туризма на Урале, издавала красочные буклеты и путеводители по интересным местам. Её первая книга «Урал - туристская страна». Все, кто собирался путешествовать по нашим местам, мечтали получить эту книгу. Маршруты описаны подробно – от Полярного Урала до Южного, указаны достопримечательности, категории, километраж, опасности. В условиях жесточай-

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

шей цензуры, она умудрялась давать и схемы походов. Раиса Борисовна ещё всех увлекала заниматься спелеологией. Она показала нам красоту подземного царства. И в своих маршрутах, если на пути попадались пещеры, я всегда тянул своих спутников заглянуть в этот загадочный мир. От близких друзей я узнал немного о её личной жизни. О себе она никогда ничего не рассказывала.

Окончила МГУ геологический факультет, ещё до Второй мировой войны. Вместе с мужем и сыном (тоже геологами) работала на Урале в Ильменском минералогическом заповеднике. Перед войной это была глухая тайга. Мужа и сына задрал медведь. Оставшись вдовой, она больше не выходила замуж, а всю заботу отдавала студентам. Строгая и требовательная, но справедливая на занятиях, дома



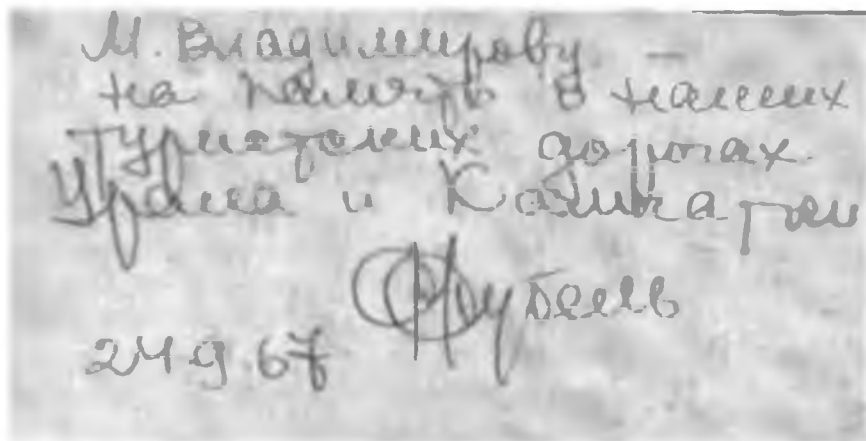
РАИСА БОРИСОВНА РУБЕЛЬ

была радушной и хлебосольной. У неё голодному студенту всегда можно было взять запросто до стипендии денег. А то и рюкзак или палатку в поход. На квартире часто бывали её бывшие ученики. Есть на Северном Урале вершина, рядом с Денежкиным Камнем, названная Рубель. И какая бы группа туристов ни шла на Денежкин Камень - обязательно завернёт на вершину Рубель. В каменном туре найдёт пожелание, комариную мазь или шоколад, непромокаемые спички и вновь положит от неё посылочку, даже если это и туристы из других городов страны.

Меня Раиса Борисовна почему-то ценила. Я был влюблен в минералогию, палеонтологию, кристаллографию. Узнав как-то, что я рисую – привлекла в редколлегию факультетской газеты «Географ» и сатирической газеты «Стегозавр». Наши газеты всегда признавались лучшими на городских конкурсах. Однажды, во время полевой практики по геологии на реке Уфе, я сделал этюды Соколино-го Камня и реки. Ей эти этюды понравились. Я написал картину с них, она всё время висела в коридоре, напротив нашей аудитории. А потом я уехал работать в город Артёмовский. И спустя несколько лет получаю письмо от РБ (как меж собой мы звали её), репродукцию моей картины. Она писала, что когда геофак сделали биогеофаком, развели науки пожиже, часы на геологию значительно урезали – она ушла из института, стала писать новые книги. Пришли новые люди, факультет переехал на новое место, она забрала картину, а то бы она в суматохе «затерялась» у кого-нибудь. Трудно было представить этого страстного геолога и туриста, корпящего над книгой. Но она всё успевала делать вовремя.

Мы с Борисом Подшиваловым, когда с группой артемовских туристов путешествовали по Камчатке в 1966 году,

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА



встретили Раису Борисовну с командой своих бывших учеников (уже учителей-географов). Она в 54 года вела группу на самый высокий вулкан Камчатки – Ключевскую Сопку. У меня в библиотеке есть несколько её книг с автографами: «Моему лучшему ученику, художнику, спутнику по совместным походам - М. Владимирову». Я так много пишу о Раисе Борисовне потому, что благодарен ей за то, что стал туристом, что смог учить ребят видеть под ногами не просто камни, а горные породы и минералы... А какая была у нас полевая практика по геологии, минералогии, палеонтологии! Мы очень много ходили по Уральским горам, лазили в старые рудники, шахты, «закопушки», где горщики раньше добывали камни-самоцветы, и сами находили их. Став учителем, я всегда приносил в рюкзак горные породы или минералы с тех вершин и мест, где побывал, и потом сдавал в школьный краеведческий музей.

С именем Р.Б. Рубель связаны и Всесоюзные слёты туристов на условной границе Европы и Азии. В ясное февральское утро студенческих каникул в 1952 году, по приглаше-

РАЙСА БОРИСОВНА РУБЕЛЬ

нию туристов Свердловского пединститута во главе с Райсой Борисовной Рубель, на встречу возле границы Европы и Азии – столба на 42-м километре Московского тракта – пришли после похода по Уралу команды туристов Московского МВТУ им. Баумана и Челябинского пединститута.



Встреча и знакомство были такими дружественными и интересными, что решили через год снова встретиться здесь.

На Второй слёт, в 1953 году и Третий слёт – в 1954 году, были ещё и команды из Киева, Харькова. А на Четвёртый и Пятый, кроме этих команд, были туристы из Северной Осетии, Воронежской, Новосибирской областей. В 1956 году прибыли команды из Украины, Латвии, Эстонии, Молдавии, Узбекистана. Свирепые уральские морозы не испугала южных гостей. Теперь уже было участников не 39, как на Первом Слёте, а несколько сотен. Снова проводились соревнования по технике туризма, жарко горели костры, звучали песни, шёл обмен опытом. На Шестом Слёте было решено, что пора сделать Слёт на границе Европы и Азии – Первым Всесоюзным Традиционным.

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

В 1960 году мне довелось участвовать во второй команде пединститута. Было очень интересно: парад, экскурсии, песни, вечер дружбы, обмен адресами, значками, заключительный концерт в ДК ВИЗа. Все отмечали радушие хозяев Слёта – уральцев. Незаметно и интересно пролетели три дня. А на Пятом Всесоюзном Слёте, я был уже с командой города Артёмовского. Команда была ещё слабо подготовлена, но это было не главное, а всех радовало общение с туристами разных городов страны. Можно было и познакомиться с фотостендами походов, посмотреть любительские кинофильмы о походах, обменяться значками, эмблемами, завести знакомства с интересными людьми. И простая дружеская атмосфера царила на Слётах. Все были на «ГЫ», будь он хоть профессор, какой-нибудь начальник или простой рабочий, или студент. И обязательный народ: если пообещал что-то сделать для тебя – он лучше твоего родственника исполнит. Можешь быть спокойным: если тебе дал адрес твой новый знакомый в другом городе – он примет тебя как родного.

На всех последующих Слётах мы, артёмовцы, принимали участие. Я привлекал в команду молодых спортивных учителей, инженеров заводов, рабочих, учеников-старшеклассников. В типографии мы научились делать туристские значки на металле, а потом изготовили штампы на радиозаводе и «ковали» значки на металле, вручную раскрашивали эмалью. А так как тираж у нас был небольшой, а коллекционеры были все, мы выгодно выторговывали за один значок несколько штук у других команд.

Больше всех команд было на Десятом – Юбилейном Слёте. Даже из далёкого Магадана прилетела команда, сверкая своей нарядной нейлоновой формой. Нам было это в диковинку. Простые, потрёпанные, прожжённые у костра штормовки вызывали почтение у новичков:

– Вот это настоящие, опытные бродяги!

Всего участников соревнований было около восьмисот. Нам не нужны были гостиницы – были довольны местом в спортзале какой-нибудь школы, а спальные мешки приносили с собой. В соревнованиях по ориентированию за нами стартовала команда Магадана. Мы тут же выкинули лозунг: «Отступать нам некуда, за нами Магадан!» Несмотря на свою шикарную нейлоновую форму, команда была из новичков, слабо ориентировалась в наших горно-таёжных местах. Жалко было их, если займут последнее место. На дистанции мы помогали им правильно отметить контрольный пункт, за что они были нам благодарны. А дистанция по ориентированию на Слётах Европа-Азия была огромная – 16 или 18 километров, больше десятка контрольных пунктов (КП). Надо было точно проколоть на карте иголкой место нахождения КП, отклонение на один миллиметр – штраф одна минута. А ведь выигрывал тот, кто быстрее всех пришёл к финишу, уложился в контрольное время и меньше всех получил штрафного времени. У некоторых участников штраф достигал нескольких часов. Но никто особенно и не переживал за неудачу.

В конце Слёта во Дворце культуры «Урал» был всегда заключительный концерт туристских бардов. Помню, как наш земляк – учитель географии из Буланашской школы Владимир Афанасьевич Скутин поднялся на сцену и залел «Гимн уральских туристов», и весь огромный зал подхватил: «Если хочешь туристскую дружбу испытать среди сосен и скал – не стремись на Белуху и Ушбу, собирайся в поход на Урал!»

МОЯ РАБОТА ПО ТУРИЗМУ В ГОРОДЕ АРТЁМОВСКОМ



П о с л е
окончания
института
в 1961 году
я приехал
работать
учителем
географии
в Школу
Рабочей
Молодёжи
№1. К тому
времени
имел пер-

вый разряд по спортивному туризму и удостоверение Инструктора. Город не имел спортивного туризма. Только заведующий ГОРОНО Г.М. Некрич, когда работал учителем истории в школе №1, много водил ребят в краеведческие походы по родному краю и по Среднему Уралу. В его лице я встретил единомышленника, а потом и спутника в сложных категорийных походах не только по Уралу, но и по Тянь-Шаню, Карпатам, Уссурийскому Краю на Дальнем Востоке.

В ШРМ №1 мне удалось в первый же год создать команду из «великовозрастных» учеников и молодых учителей. Это и математик Виктор Щербаков, биолог Юрий Калугин, библиотекарь Галина Реутт. В первые походы пошли и рабочие-ученики Владимир Мельников, Борис Кузнецов,

МОЯ РАБОТА ПО ТУРИЗМУ В ГОРОДЕ АРТЕМКИН. КОМ

Валерий Близниченко, Геннадий Евдокимов, Ренат Курбангалеев, Юрий Подшивалов, Николай Антонов, Нина Тырышкина, Владимир Упоров.

Со мной вместе приехали в город мои однокурсники, опытные туристы: Илья Овчинников (стал директором Покровской школы), Татьяна Скутина (географом школы №28). Годом раньше в посёлок Буланаш в среднюю школу №8 приехал работать географом её муж Владимир Скутин. Это он мне на первом курсе геофака дал «путёвку в туризм». Вместе с Г.М. Некричем у нас создан своего рода штаб по организации туризма в городе и районе. Мы уже летом 1961 года в составе сборной области под руководством Владимира Скутина совершили поход высшей категории сложности по Тянь-Шаню. Впервые нам пришлось познакомиться с ледорубами, горными ботинками, страховочными поясами, карабинами и крючьями, пользоваться верёвкой. Нам пришлось преодолевать ледники, снежные перевалы, каньон Чаткальской стены, бурные реки, курумники, каменные осыпи. Наш руководитель имел значок «Альпинист СССР», а Анатолий Шумков из Карпинска прошёл альпинистскую подготовку в Восточной Германии. Они и были нашими инструкторами. Описания, фотографии, фильмы прибавили авторитета нам у начинающих туристов.

Я понимал, что развитие туризма в городе будет зависеть от подготовки школьников. Пошёл работать (по совместительству) в городской Дом пионеров и создал там Клуб Юных туристов, где младшая группа занималась по программе подготовки на значок «Юный турист», а старшая группа - по программам «Турист СССР» и «Младший Инструктор туризма». Юные туристы не только овладевали техникой туризма, умением ориентироваться, но

52795

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

обязательно делали краеведческую и исследовательскую работу в походах. Команда Дома пионеров успешно выступала не только на городских соревнованиях, но и занимала призовые места на областных слётах.

В 1964 году мне предложили работу учителя географии в средней школе №11 – единственной средней школе в городе (не считая железнодорожную школу №56 на станции). Ребята из восьмилетних школ, которые занимались в Доме пионеров, пришли в 9-е классы школы №11. Они создали костяк будущего школьного Клуба туристов. Мы его назвали ГОРИЗОНТ – Горит Огонь Романтиков-Искателей, Зовёт Отважных На Тропу. Это ещё и стало нашим девизом. Первым Председателем Правления Клуба была избрана ученица 10-го класса Галина Трифонова (Потибенко). А когда она уехала учиться на геофак СГПИ, Председателем стала Светлана Муксимова (Широкова). В правление Клуба были избраны старшая пионервожатая Людмила Манькова (Козлова), Толя Зуев, Владислав Гладышев, Сергей Леонтьев, Таня Чадова, Ольга Стаханова. Школьному Клубу помогали учителя Борис Подшивалов, Анатолий Грачёв, Леонид Краснопёров, Тамара Зайкова. У нас была оформлена комната для занятий, сшита своя спортивная форма, отпечатаны удостоверения, были свои флаг и значок члена Клуба «Горизонт». На следующее собрание Клуба были приглашены туристы с Егоршинского радиозавода, Артёмовского машиностроительного завода, стройуправления, учителя школ. Наш школьный Клуб «Горизонт» перерос в городской Клуб. В Правление Клуба туристов были избраны Михаил Владимиров (председатель), В.И. Мельников, Рауф Низамутдинов, Александр Логинов, Г.М. Некрич, Таисия Евдокимова, Галина Трифонова, Илья Овчинников, Татьяна Скутина.

Теперь на городских летних и зимних соревнованиях по туризму выступали команды не только городских школ, но и всех сельских школ. В этом большая заслуга Г.М. Некрича. Эти туристские слёты и соревнования были хорошей подготовкой к походам и путешествиям. Школа принимала активное участие во всех делах Областной станции юных туристов.

Чтобы повысить знания и квалификацию директоров и учителей, занимающихся туризмом со своими учениками, решено было провести с ними учёбу и многодневный поход в Майские праздники 1966 года. Маршрут выбрали через Шунут-Камень в Нижне-Сергинские пещеры. В команде были учителя, некоторые директора школ 1, 2, 3, 6, 7, 10, Мироновской, Покровской, Писанской школ. Руководил походом Г.М. Некрич. После этого похода и зачёта участники получили значки «Турист СССР», «Турорганизатор».

Но надо было привлекать и учить туризму молодёжь города. Владимир Мельников собрал желающих заниматься по программе «Младшего инструктора туризма» большую группу на радиозаводе. Занимались в ДК имени А.С. Попова. К ней примкнули несколько учителей, работников машзавода. Собралось 30 человек. Занятия начались с января 1967 года. Руководить Школой инструкторов пришлось мне, завучем был Г.М. Некрич, теоретические занятия чередовались с походами по родному краю – отрабатывались практические туристские навыки.

Школа совершила зачётный поход первой категории сложности на Северный Урал (на Конжаковский Камень, Косьювинский Камень, гору Семичеловечью). После сдачи экзаменов всем были вручены Удостоверения младшего инструктора туризма и значок третьего спортивного разряда по туризму. Это так заинтересовало молодёжь,

что в 1968 году был новый набор и ещё отряд опытных туристов в городе пополнился на 30 человек. Командовал зачётным походом Борис Подшивалов. Конечно, не все новоиспечённые инструктора работали, не у всех были организаторские способности, но и то, что они стали сами опытными туристами, многое значило. Особенно привлекал к себе молодёжь одарённый Николай Кожемякин. Он писал стихи, песни, играл на гитаре, трубе. Хорошо работал Клуб туристов на радиозаводе. Это и понятно, большинство инструкторов туризма были здесь. Среди лучших инструкторов-активистов можно назвать Володю Чичкина, Костю Ознобихина, Виталия Лекомцева, Алё Шадрину, Лиду Гладышеву, Володю Мельникова, Виктора Птужина, Арнольда Маштакова, Виктора Володина, Таню Лусникову, Лиду Тараторкину, Бориса Кузнецова, нашего туристского баяниста Сашу Кошечева, Володю Мотовилова, Люсю Барышкову, Юрия Жарова, гитариста Сашу Соломина, Тасю Евдокимову, Толю Логинова, Виктора Фадеева.

В машзаводском «Кентавре» активистами Клуба были Николай Кожемякин, Нина Кожемякина, Вячеслав Лаптев, Нина Лаптева, Владимир Свалов, Владимир Барыбин, Фания Миньярова, Рита Ульянова, Николай Дорощенко, Виктор Кузнецов.

В 1967 году горком комсомола к 50-летию Октября организовал конный поход по местам боёв Полка Красных Орлов. Большинство отряда составляли туристы. Одетые и экипированные в конников-будённовцев, они проехали от посёлка Красногвардейского до города Свердловска, делая остановку в местах боёв, где делали доклады, концерты. Жители очень тепло встречали отряд. На следующий год, конники-будённовцы совершили ещё поход – по местам боёв 1-го Камышловского Полка. Успех походов был огромный и

МОЯ РАБОТА ПО ТУРИЗМУ В ГОРОДЕ АРТЕМОВСКОМ

получил резонанс по всей стране. На обложке Всесоюзного журнала «Военные Знания» была фотография Лиды Тараторкиной - на коне, в форме буденновца. Туристы мужественно переносили все тяготы непривычного конного похода. В эти годы туристы городского Клуба «Горизонт» совершали каторжные походы не только по Среднему, Южному, Северному Уралу, но и в другие районы страны – на Камчатку, по Дальнему Востоку, в Саяны, по Тянь-Шаню, по Забайкалью, по Карпатам, по Полярному и Приполярному Уралу. Во Всесоюзном конкурсе среди районных Клубов туристов в 1969 году «Горизонт» занял ТРЕТЬЕ место и был награждён Дипломом Центрального Совета по туризму (г. Москва).

В 1968 году произошло обновление Правления городского Клуба. Покинули город Татьяна Скутина, Илья Овчинников, Гансия Евдокимова, Владимир Мельников. Вошли новые туристы - Николай Кожемякин, Рауф Низамутдинов, Владимир Чичкин, Борис Подшивалов. Секретарем Клуба стала медсестра Нина Корина. В декабре 1968 года меня пригласили на работу в аппарат Начальника Егоршинского отделения Свердловской железной дороги. Свои полномочия я передал Рауфу Низамутдинову, но он вскоре уехал работать и жить на Север. Был избран Николай Кожемякин. Он тоже уехал - работать в посёлок Красногвардейский. Тогда Председателем Клуба «Горизонт» стал Борис Григорьевич Подшивалов. Он работал успешно почти двадцать лет, до самого распада СССР, когда туризм отобрали у профсоюза и перевели на коммерческую основу. Это привело к закату туризма в стране. Сейчас организованным спортивными походами остались заниматься только фанатики. Раньше было 10 миллионов зарегистрированных туристов, а «дикарей», от которых всегда стонала природа – в два раза больше. С незарегистрированных туристов (дикарей) нет спроса и сейчас.

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

В первый же день, когда я занял своё место на новой работе, в кабинет ко мне ввалился начальник отдела энергетики Иван Васильевич Коснырев. С ним вместе пришёл коренастый молодой мужчина спортивного вида. Коснырев представил его:

- Это Николай Андреевич Башкатов, тоже начальник и тоже турист. Да ты его ещё узнаешь!

- Ещё одного начальника посадили на нашу шею, - добродушно улыбаясь, подаёт руку. Я сразу почувствовал, что мы споёмся. И действительно, вот больше сорока лет мы поддерживаем дружбу. Коснырев обрисовал мне обстановку с туризмом в Егоршино. Есть у него команда, с которой он выступает на соревнованиях, ходит в походы. Это в локомотивном депо машинист Сергей Фотеев, в ЭЧ-10 - инженеры Елена Пальмина и Мария Кокшарова, начальник вокзала Анатолий Казанцев, Катерина Михальчук в НГЧ-10, в ДСО «Локомотив» - Тамара Писчикова и Алексей Губин. В железнодорожной больнице врач Юрий Бут. Это, говорит, костяк нашей секции. Маловато, конечно, решил я. Придётся заняться агитацией. Тем более, мой статус помощника начальника отделения поможет легче найти язык с людьми. Агитацию начну с хорошего похода: если он понравится – пойдут люди. Объявил желающих пой-



ти в двухдневный поход на Дикарь-Камень в Вишнёвых горах в Челябинской области. Ночёвка в палатках. Собрались человек пятнадцать. Со станции Уфалей двинулись вечером, а когда в тайге стало темно – зажгли факел-свечи и при их свете ночью пришли на место. Каменная стена почти на три километра прорезает густую тайгу, а под ней блестит красивое озеро Аракуль – всё это произвело впечатление на новичков. Железнодорожникам и легче (бесплатный проезд) и сложнее (работа по графику – даже в выходные и праздничные дни). Были и другие походы по Уралу, участие в городских, дорожных турслётах, где мы всегда попадали в призовую тройку. У нас появились новые активисты-туристы и в НОД-7 (Тина Винникова, Таня Владимирова, Наташа Костенко, Тамара Иванова, Олег Ермаков, Людмила Сорока, Галя Перова, Людмила Майстренко). На станции Егоршино - Николай Есин, Юрий Губа, в ПЧ-15 - Олег Ловыгин, Саша Лозда, Володя Емельянов, Сергей Платонов, Люба Иванова, в ПЧ-25 – Павел Корелин, в вагонном депо - Анатолий Ефремов, Раиса Лазукова, в ЭЧ-10 – Юрий Малых, Володя Мельников. В ДСО «Локомотив» – Наташа Анучина, Николай Рогалев, в НГЧ-10 – Юра Алафонов, Катя Михальчук. Впервые в железнодорожной больнице создавалась стабильная команда из врачей и сестер. Это и главный врач И.И. Баканов, врачи М.В. Каспров, В.Д. Сачков, техники Наташа Чайка, Наташа Антонович, сестра Людмила Старикова, врач-педиатр Капитолина Борисова. Я назвал самых активных туристов, они увлекали и других.

Туристам пошло навстречу и руководство отделения. Нам выделили подвал по улице Свободы. Материалы – песок, цемент. Мы, туристы, сами, не привлекая рабочих, бетонировали, штукатурили, красили, оформляли. Сами

сделали санузел, фотолабораторию, склад для снаряжения, мастерскую, большую комнату для занятий. Теперь мы имели возможность готовиться к походам, к соревнованиям, оформлять итоги походов. Каждую среду, без объявлений, приходили туристы на «огонёк», занимались подготовкой к походам. Такого Клуба туристов не было никогда в городе, да и туристы Свердловской дороги завидовали нам. Туристы нашего отделения ходили в походы не только по Уралу, но и на БАМ, на стройку железнодорожной ветки на Надым, в Якутию, на Дальний Восток. Сейчас на дорожные слёты мы выставляли больше команд, чем все вместе взятые всех других отделений. Теперь мы стали участвовать командой и на Всесоюзном традиционном слёте «Европа-Азия».

Материалы – песок, цемент, доски, ДВП, ДСП, нам дал НГЧ-10, СМП-386 не пожалел дать лампы дневного света, НОД-7 – мебель, Райпрофсоюз - оснащение фотолаборатории, ДСО «Локомотив» – набор столярного и слесарного инструмента. После похода на строительство Западного БАМа – было торжественное открытие Клуба. Назвали мы его «ПУТЬ». Проводили туристские слёты зимой и летом, все подразделения отделения дороги принимали участие, успешно выступали на городских и дорожных, областных слётах и даже участвовали на Всесоюзных слётах «Европа-Азия», ходили не только в походы по Уралу, но и на Верхнюю Ангару, Байкал, на строительство железной дороги на Север - из Сургута на Надым, в горную Якутию и Хабаровский край. Так было до ликвидации Егоршинского отделения дороги.

СНОВА В ГОРОДСКОМ ДОМЕ ПИОНЕРОВ

После десяти лет работы на Егоршинском отделении железной дороги мне пришлось задуматься, где дальше работать. Дело в том, что от друзей в Управлении Свердловской железной дороги я получил информацию, что скоро Егоршинское отделение ликвидируют - передадут в Свердловское отделение.

Работал я, видимо, неплохо, раз в трудовой книжке за десять лет записано 18 поощрений и наград. Меня пригласили работать в городской Дом пионеров заведующим отделом школьного туризма. К тому времени я имел квалификацию кандидата в мастера спорта и удостоверение старшего инструктора-методиста по спортивному туризму. Я уже работал в Доме пионеров с 1961 по 1964 год по совместительству - руководителем Клуба юных туристов. Меня в городе знали. Объявили по школам о записи желающих заниматься туризмом с 4-го по 10-й классы. Всех пришедших я разделил на три группы: младшая, с 4-го по 5-й классы, будут заниматься по нормативам на значок «Юный турист СССР». Средняя группа - с 6-го по 7-й классы будут готовиться по программе Пионера-Инструктора и должны получить значок «Турист СССР». Старшая группа - с 8-го по 10-е классы, по про-



В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

грамме Младшего Инструктора, выполнить нормативы на третий разряд по туризму. Нам отвели самую большую комнату для занятий и комнату под склад турснаряжения и его ремонт.

С чего я начал работать? Собрал родителей и объяснил им, что их дети будут заниматься не только теорией и практикой в помещении, но и ходить в походы, участвовать в соревнованиях, что я несу уголовную ответственность за жизнь и здоровье их детей. Пусть подумают, какое здоровье у своих детей. Могут ли они ходить в походы в любое время года в любую погоду в разных местах Урала, какое личное снаряжение должен иметь турист. Конечно, часть ребят отсеклась, но большинство из младшей группы потом переходили в среднюю и старшую группы. Некоторые и после окончания школы стали туристами-профессионалами. Валерий Першин занимался у меня с 6 по 11 класс, поступил в УПИ – там стал заниматься альпинизмом и сейчас Заслуженный мастер спорта. Миша Аникин начал заниматься с 4 по 10 класс, стал Мастером Спорта по альпинизму. Андрей Евдокимов, Дима Лощинин, Эльвира Кашперко, ещё старшекласниками занимались с младшей и средней группой. Игорь Замятин, работая по специальности, организовал Клуб туристов в городе Сухой Лог. Это я назвал лишь тех, с кем имел связь.

Походы начинали сперва по своему и соседним районам. Пешие маршруты чередовались с водными, лыжными, велосипедными. А многодневные и категорийные – по горным районам Северного, Среднего, Южного Урала, по Тянь-Шаню, Памиро-Алаю. Моими помощниками в сложных походах были инструктора Владимир Свалов, Виктор Кузнецов, Вячеслав Лаптев с машзавода, Анатолий Корелин (журналист), Раиса Лазукова, Анатолий Ефремов

СНОВА В ГОРОДСКОМ ДОМЕ ПИОНЕРОВ

из вагонного депо, Слава Тимофеев (студент), Виктор Птухин – с радиозавода.

Одновременно с походами мы в Доме пионеров занимались и спортивным ориентированием. Всегда наша команда успешно выступала как на городских, так и на областных соревнованиях. У нас в городе были опытные учителя-туристы, нам доверяли у себя проводить областные слёты. Это и учитель школы №11 Б.Г. Подшивалов, физик школы №10 В.П. Вяткин, географ школы №1 И.Н. Потибенко, историк Мироновской школы Людмила Гременко, директор школы-интерната П.С. Арзамасцев, географ школы №28 Т.П. Скутина, физрук этой же школы Л.Л. Левандовский. Последний - очень многое сделал для развития детского туризма и ориентирования в Буланашских школах.

Начиная с 1964 года мы стали проводить зимние соревнования по туристской технике среди всех школ города и района. Команде победительнице вручался Приз имени Артёма – статуэтка с табличкой, где указывался год вручения награды. В любую погоду команды собирались на лесистом берегу реки Реж, уходили на дистанцию 5-6 километров, где на пересечённой лесной местности должны были выполнять задания. Туристы должны были найти на карте точку этапа, знать топографические знаки, вязать узлы, разводить костёр и кипятить воду, делать из лыж «волокушу» и транспортировать «пострадавшего». А на летнем Слёте к этим этапам добавлялись задания: быстро ставить палатки, делать навесную переправу, преодолевать со страховкой скальный участок, преодолевать водную преграду, выполнять и другие этапы, знать Урал и родной край.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

В ТЕХНИКУМЕ ТОЧНОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ



Река Реж, Старик-камень

Последние десять лет до пенсии я работал преподавателем в нашем Артёмовском техникуме. Его потом в угоду иностранной моде стали называть «колледжем». К своей радости я встретил здесь своих бывших учеников из разных школ, которые занимались туризмом в школах и в городском Доме пионеров. Преподаватель физкультуры В.В. Втулкин, когда работал в школе №2, ходил со мной и со своими учениками в байдарочный поход по реке Реж и в горный поход по Тянь-Шаню. И преподаватель военного дела Е.А. Дружинин тоже оказался туристом и охотником. Кроме того, после окончания Томского ТИАСУРа приехали

В ТЕХНИКУМЕ ТОЧНОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

гروه молодых инженеров преподавать радиодело и компьютерную технику. А Томский институт славился на всю страну отличными туристами и альпинистами. А создать туристскую секцию не составило большого труда. Желающих заниматься туризмом среди лаборантов и студентов было много. И директор техникума П.М. Попов сразу пошёл нам навстречу - выделил деньги на приобретение байдарок, палаток, рюкзаков, компасов, спасательных жилетов и другого снаряжения. Места заниматься было сколько угодно: спортзал, кабинет у Дружинина, мой кабинет черчения. Занятия проводились регулярно в определённое время

Первые водные походы мы совершили по рекам Реж, Рефт, Пышма - на катамаранах. Для новичков это было первое безопасное испытание - надо, чтобы они «почувствовали воду», научились безопасно проходить пороги (старые мельницы), каменистые перекаты, «расчёски», скальные прижимы. Эта школа пригодилась потом в байдарочных походах.

На занятиях мы не только готовились к водным походам, но и изучали топографию, ориентирование. Команда техникума неплохо выступала на городских туристских слётах. Раньше, когда не было секции, команда вообще не выступала в соревнованиях по ориентированию. Студенты техникума почти взрослые люди, с ними я стал заниматься и лыжными промысловыми походами, то есть рыбалкой и охотой на реках и озёрах Западной Сибири. По поручения Правления городского общества рыболовов и охотников я ещё стал заниматься со своими туристами по программе Охотничьего минимума. Одиннадцать человек сдали успешно охотминимум и получили право быть членами Общества, иметь разре-

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

шение на охотничье ружьё. И в походы, когда был разрешён сезон охоты, мои туристы-охотники брали ружья. А в межсезонье обходились рыбацким снаряжением. Это придавало большой интерес к походам. А в так называемые «промысловые» походы мы шли по глухой тайге к озёрам и рекам часто без дорог, на лыжах, несли с собой палатки, посуду, топоры, пилу, печку походную и другое снаряжение. Надеяться на редкие охотничьи и рыболовецкие избышки было нельзя: они заняты местными рыбаками. В них иногда не только спать, но и сидеть негде. Завидуют нам, когда над палаткой-шатром курится дымок от печки и в лютый мороз и в колючую пургу. А если не брали палатку – строили эскимосскую снежную хижину – иглу.



Студенты строят «иглу» на озере Сорт-Тур в Тюменской области

В ТЕХНИКУМЕ ТОЧНОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

Проходят года. Бывшие юные туристы-охотники, рыболовы, став взрослыми, благодарят, что они получили хорошую таёжную школу, с картой и компасом им не страшно в любой незнакомой далёкой стороне, они чувствуют себя уверенно.

Приходят в техникум новые молодые люди, они наслышаны о туристской секции. Они старательно изучают все премудрости походной жизни, им не скучно изучать топографию, вести глазомерную съёмку, бегать с картой и компасом по лесу, лазать со страховкой по скалам, научиться в дождь найти сухое топливо и с одной спички в дождь разжечь костёр, не замёрзнуть в глухой тайге. Не сейчас, так, может, позднее, им вся эта таёжная школа пригодится. Если они любят природу, никогда не бросят горящую спичку в сухом лесу и не оставят непотушенным костёр.

КОГДА Я СТАЛ ПЕНСИОНЕРОМ, ТО...

НЕ ЗАБРОСИЛ ТУРИЗМ.

С 1993 года стал работать в железнодорожных школах: сначала в средней школе №56, а потом в школе-интернат №7. Хотя школа №56 и была спортивной, но вот туризма в ней практически не было. Она не подчинялась ГОРОНО и не принимала участия, как все школы города и района, в туристских слётах и соревнованиях.



А дорожные соревнования проводились, но если в школе не было подготовленной команды, можно было и не ездить на дорожный слёт. Вот меня и пригласил на работу. Я должен был проводить факультативные занятия с выпускниками по начертательной геометрии и техническому черчению, рисованию – с теми, кто собирался поступать в технические вузы или в художественные школы, институты. Ну и, конечно, я должен был заниматься туризмом. А заниматься было негде: школа работала в две смены и все классные комнаты были заняты, не было свободного уголка. Приходилось иногда заниматься с туристами в коридоре или в школьном музее, в лаборантской. Но уже за год занятий школа заняла первое место в городских соревнованиях по ориен-

тированию и второе место на Слёте школ Свердловской железной дороги. После трёх лет работы в таких условиях - перешёл работать в железнодорожную школу-интернат №7, куда пригласил меня директор П.С. Арзамасцев. Школа мне была знакома, с её директором мы организовывали ежегодно туристские слёты «Золотая осень». Все классы – с 1-го по 10-й, вместе со всем педколлективом и хозяйственниками - организовано, в походном порядке шли 5 километров до живописной и удобной поляны при впадении речки Черемшанки в реку Бобровку. Заранее комендантская бригада из десятиклассников определяла место для бивуака, а класс ограждал свою территорию лентой. Придя на место, каждый класс выставлял команду в 10 человек в участии в соревнованиях по технике туризма и 6 человек в соревновании по ориентированию. Остальные ребята готовили дрова для костра, готовились к конкурсам художественной самодеятельности, краеведческой викторины, диковинок леса, рыболовов, поваров, бивуака, эмблем. Начальником Слёта всегда был директор, а завучи - заместителями. Судьями были учителя и воспитатели. Повара привозили на машине набор продуктов, ученики сами готовили на костре конкурсный обед.

За один день участники слёта проходили пешком 10 километров, проводили такую работу, на что на городских слётах уходило 2-3 дня. Усталые, но довольные, ребята возвращались в школу. Ждали и готовились ученики заранее, ходили на занятия по туризму, ходили в походы, тренировались на местности, шили форму, готовили снаряжение.

В школе-интернате мне было работать легко и удобно. При другом директоре – Александре Николаевиче Сукареве - мы продолжали проводить традиционные слёты «Золотая осень». В работе я всегда находил поддержку и

директора, и его заместителя по хозяйственной части Анатолия Андреевича Смирнягина. Нам отвели специальную комнату для занятий, мы оснастили её всеми необходимыми пособиями и снаряжением, организовали школьный Клуб туристов «Огонёк» со своей эмблемой. Директор закупил нам байдарки, спасательные жилеты, палатки, спальные мешки, жидкостные компаса, рюкзаки, лыжи. В походы собираться было легко: свои автомашины, продукты получали в школе, форму ребята шили сами под руководством учителя, ремонтировали и готовили снаряжение ребята в школьных мастерских под наблюдением учителей по труду.

У меня сложился сильный туристский коллектив, с которым я не боялся пойти в поход и по бурной реке весной, и зимой на Северный Урал на высокие горы, и на туристские соревнования любого ранга. А особо надо отметить юных туристов, которые занимались туризмом с 8-го по 11-й класс и были приглашены на Слёт туристов железных дорог на Чёрное море. Это Антон Лавренюк, Надя Наумова, Ксюша Шмони́на, Нина Налимова, Аня Кошелева. Кроме работы в железнодорожных школах станции Егоршино, я был приглашён на работу инструктором-методистом на Станцию Юных Туристов Свердловской железной дороги. В мою обязанность входило проводить семинары с руководителями туризма в школах Свердловского, Пермского, Тюменского, Нижне-Тагильского, Серовского отделений дороги, разрабатывать Положения о дорожных летних и зимних соревнованиях, готовить карты для ориентирования, готовить судей, снаряжение. Приходилось вначале учить самих руководителей с тем, чтобы они учили грамотно свои команды, правильно составляли Отчёты о походах на конкурсах, могли научить ребят проходить гор-

КОГДА Я СТАЛ ПЕНСИОНЕРОМ, ТО...

ный, водный участки маршрута, участвовать в различных конкурсах. Последний поход со школьниками я сделал в 70 лет.

Ориентирование

Трудно себе представить настоящего туриста без умения ориентироваться на месте по карте и компасу. Может, кто и возразит. Подумаешь, ещё первобытный человек, уходя далеко на охоту или собирать съедобные травы и корни,

умел находить дорогу к своей берлоге. Конечно, он наблюдал по солнцу, луне в какую сторону идёт от своего жилища, куда дует ветер, что-то чертил на песке, запоминал и почти всегда находил дорогу. Удивляешься, как в наш век люди, уходя в знакомые места, блуждают по лесу несколько суток, а иногда и гибнут, находясь недалеко от дома. Уметь ориентироваться – это значит знать, в каком месте ты находишься и куда надо идти, где стороны горизонта. Охотник или рыболов, или изыскатель внимательно смотрит на объекты, которые попадают на пути и запоминает. Но даже ориентирование по местным предметам не всегда поможет найти стороны горизонта. Я, когда веду группу туристов куда-нибудь за тысячи километров от дома, всегда внимательно сверяю местность с компасом и картой. Ориентирование по компасу и карте входит в



обязательную подготовку спортсмена-туриста. На всех турслётах всегда проверяется умение читать топографическую карту, брать азимут по компасу и карте. Когда я занимался туризмом в институте, приходилось участвовать на слётах даже в ночное время. Чтобы показать хороший результат, надо быть хорошим бегуном или лыжником, и в то же время отлично читать карту и хорошо ориентироваться на местности. Не всегда эти качества совпадают. Один раз я взял в команду на Всесоюзный Слёт «Европа-Азия» начальника топографического отряда Зауральской экспедиции Бориса Бирюкова. На лыжах он бегал по первому разряду, а владеть картой ему сам бог велел. Когда я пригласил его позаниматься со спортивными картами, он высмеял меня:

- Да я сам делаю топографические карты местности, чему ты будешь учить меня?!

Финишировал он хорошо, но так был сконфужен, что получил столько штрафного времени, что не вошёл в зачёт. Говорит, что у вас за дурацкие карты, ни одной надписи, не названы горы, какие-то непонятные даже для меня обозначения. Объясняю, что в целях секретности на спортивных картах нет сетки координат, нет ни одного названия. На следующий год он изучил все знаки и реабилитировал себя – показал хороший результат.

В первый же год (1961) моей работы в Артёмовском я решил провести первые лыжные соревнования по ориентированию. Куда бы я не обращался с просьбой дать скопировать кусочек крупномасштабной карты - везде получал «отлуп»: секретно, «низзя»! Когда я был в походе и нашёл учителя географии Косарева в Арамашевской средней школе, поделился с ним со своими бедами, он помог: единственное, что есть у него, это дореволюционная карта

«двухвёрстка», район от села Арамашево до села Мироново. Ситуация, конечно, не та, а главное – рельеф правого берега реки Реж очень хорошо изображён горизонталями. Его глазомерной съёмкой не сделаешь. Надо было сделать спортивную карту площадью 15 квадратных километров – «утюжить» местность с мерной лентой вдоль и поперёк, рисуешь ситуацию и наносишь горизонтали. Работа очень трудоёмкая, но мне хорошо помогали туристы: с машзавода Слава Лаптев, Саша Лозда с железной дороги, Виктор Лекомцев с Егоршинского радиозавода. Мы за несколько лет сделали полигоны для соревнований - по правому лесистому берегу реки Реж - от села Арамашево до города Реж. Каждый раз перед соревнованиями местность уточнялась и корректировалась. Много лет мы проводили соревнования в этих местах – даже Областные и Дорожные.

На занятиях в Доме пионеров большое внимание уделялось ориентированию. Эти знания пригодились не только туристам, но и охотникам, рыбакам, ягодникам и грибникам. С картой и компасом они везде чувствовали себя уверенно.

Спортивное ориентирование - замечательный лесной вид спорта здоровых и умных людей. От легкой атлетики и лыжных гонок оно существенно отличается. Здесь девиз: «не беги быстрее, чем думаешь!». Чистый лесной воздух, а не пыль стадиона, насыщает лёгкие. История ориентирования, я уже говорил, идёт с древних времён, а как вид спорта принято относить к концу XIX века. Тогда начали проводиться соревнования между военными гарнизонами Швеции, Норвегии, Великобритании. Первые массовые гражданские соревнования прошли 31 октября около столицы Норвегии – Осло. Но настоящим рождением спортивного ориентирования считается 1918 год,

МОЯ РАБОТА ПО ТУРИЗМУ В ГОРОДЕ АРТЁМОВСКОМ

когда майор (швед) Эрнст Килландер – президент Стокгольмской спортивной ассоциации, провёл соревнования в сельской местности. С 1934 года в соревнованиях участвовали Швеция, СССР, Венгрия. В мае 1949 года в районе Стокгольма проведены открытые международные соревнования, где участвовало 7 команд из разных стран – в основном Скандинавы и Прибалты. А 21 мая 1960 года, в Копенгагене собрался Конгресс, который создал Международную Федерацию Спортивного Ориентирования. В неё вошли десять стран: Болгария, Чехословакия, Дания, ГДР, Венгрия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Швейцария, ФРГ.

У нас на Урале не было спортивного ориентирования. Ориентирование, конечно, как один из этапов туристской полосы препятствий, было. Это знание топографических знаков, азимут по компасу на предмет, хождение по азимуту какого-то отрезка пути. И на первых Всесоюзных Слётах на границе Европы и Азии вплоть до 1959 года ориентирование было как часть общих туристских соревнований.

Но в 1960 году, когда я учился уже третьем курсе геофака, на границе Европы и Азии были проведены первые соревнования по спортивному ориентированию. Но, боже мой, что это были за соревнования на маркированной трассе! Район лесной, гористый, со множеством похожих друг на друга горок, скал, с россыпью отдельных камней, паутиной просек и тропинок. А дистанция 14 километров, контрольное время 3 часа. А что делать с картой - топографическая карта формата А4, на тонкой бумаге. В руках – лыжные палки. А если упадёшь, размочишь, порвёшь карту – снимут с дистанции. Хорошо, что я догадался взять с собой офицерский планшет, но всё равно через мутный

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

пластик плохо читаются подробности, приходится вынимать карту и прятать снова в планшет. А компас (ещё не было жидкостных компасов) - надо долго успокаивать магнитную стрелку, а время-то идёт! Судьи аннулируют результат, если вместо положенных 12 игольных проколов, они насчитают 11 или 13, если карта протёрта на изгибах, если ты не уложился в контрольное время. Штрафное время за неточное обозначение контрольного пункта – штраф. У некоторых участников он достигал нескольких часов. Поэтому за все

нарушения половина участников была снята – результаты не засчитывали.

Другое дело – команды Латвии, Эстонии, Литвы. Они были ближе к Скандинавам, Немцам, у них были жидкост-



МОЯ РАБОТА ПО ТУРИЗМУ В ГОРОДЕ АРТЁМОВСКОМ

ные немецкие компаса, которые прикреплялись к планшету. А планшеты были со специальным столиком, во время бега он прижимался к груди. Спортсмен мог следить по карте во время бега и определять своё местонахождение. Да и опыт у Прибалтов уже был, они такие соревнования проводили у себя уже не раз. Неудивительно, что они показали лучшие результаты, чем у Свердловчан, Москвичей, Киевлян. Но через год все команды учили все новшества в спортивном ориентировании, да судьи сделали карты на толстой фотобумаге и размером поменьше.



Летние соревнования проводились по закрытому маршруту в заданном направлении с раздельным стартом. Другой вид соревнования по выбору с общим стартом. Артёмовцы приняли

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

участие во всех соревнованиях, выезжали несколькими командами в Свердловск, Нижний Тагил, в Ревду, в Тавду. Один раз даже на традиционном Всесоюзном слёте Европа-Азия заняли четвёртое место.

А после развала Советского Союза туризма в городе не стало. Только энтузиаст Николай Александрович Загайнов, сам альпинист и ориентировщик, упорно продолжает выступать на соревнованиях любого высокого ранга со своими учениками из лицея и школ, выступает довольно успешно.

Где «наследил» за полвека в туристских походах по стране Михаил Владимиров

Походы выходного дня, многодневные, тренировочные. некатегорийные: Озеро Исетское, озеро Песчаное, гора Пшеничная, Чертово Городище, скалы Семь Братьев, гора Старик-Камень, гора Хрустальная, скалы Гронского, река Уфа и Соколиный Камень, река Чусовая, Шунут-Камень, Конжаковский Камень, Денежкин Камень, Нижне-Сергинские пещеры, Смоленская пещера. По Бажовским местам, по местам Мамина-Сибиряка. На озера: Таватуй, Тургойак, Аракуль, Белое, Увильды, Ирбитское, Аятское, Молтаево. Уральские самоцветы. Вишневые горы, гора Волчиха. Реки: Реж, Рефт, Ница, Нейва, Исеть, Пышма, Ирбитка, Согом, Конда, Кума.

Семейные походы: Реки - Реж, Бобровка, Черемшанка, Летка, Вятка, Кобра, Юг, Вычегда, Конда. Писанный Камень, Мантуров Камень, Шайтан-Камень, Камень Змеевой. Гостыковская пещера. Золоторуда. Рефтинская ГРЭС. Разрез. Река Черемшанка, Река Рефт. Озеро Белое, озеро Молтаево. Это походы пешие, на катамаранах, байдарках, на лыжах, на велосипедах.

МОЯ РАБОТА ПО ТУРИЗМУ В ГОРОДЕ АРТЁМОВСКОМ



Река Исеть, порог Ревун, 1978 год

№	Год	Маршрут спортивного категорийного похода	Категория	Вид туризма	Обязанность в команде
1	1958	Сев. Урал: через Денежкин К. на р. Вишеру	2	Пешле-водный	Участник
2	1959	Сред. Урал: р. Реж - Самоцвет - оз. Молтаево	1	Пеший	Руководитель
3	1959	Сев. Урал: в «Страну Югорию» - г. Чистоп	3	Лыжный	Участник
4	1960	Алтай: оз. Телецкое - оз-хр. Торот - р. Абакан	3	Пешле-водный	Участник
5	1961	Тянь-Шань: Чаткал - оз. Сары-Челек - Аркит	4	Горный	Участник

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

6	1962	Тянь-Шань: Ленинополь - Чаткал - Фергана	5	Горный	Участник
7	1963	Карпаты: Траверс вершин - Крымск. горы	3	Пешегорный	Руководитель
8	1964	Сев. Урал: через горный Урал на р. Косью	2	Пешеводный	Руководитель
9	1965	Забайкалье: р. Ингода - Улёты - Чита	5	Водный	Участник
10	1966	Юж. Урал: хр. Таганай - г. Ицыл - г. Круглица	2	Пеший	Руководитель
11	1966	Сред. Урал: Шунут К. - Н.Сергинские пещ.	1	Пеший	Руководитель
12	1966	Камчатка: Авача - д. Гейзеров - Кривоножковая	5	Пеший	Руководитель
13	1967	Сев. Урал: Кытлым - горный узел - Ур. хреб.	2	Пеший	Руководитель
14	1967	Сред. Урал: р. Салда - р. Тагил - Махнёво	1	Пешеводный	Руководитель
15	1968	Сев. Урал: Денежкин К. - р. Вагран - Шомпа	2	Пешеводный	Инструктор
16	1968	Д. Восток: хр. Сихотэ-Алинь - Улунга - Бикин	5	Пешеводный	Руководитель
17	1969	Тянь-Шань: хр. Таласс - Чаткал - Сары-Челек	4	Горный	Руководитель
18	1970	Д. Восток: Усс. край - р. Светлая - р. Зева	3	Пешеводный	Участник
19	1971	Сред. Урал: р. Усьва - Сухие Пороги - Басеги	2	Водный	Руководитель
20	1972	Пол. Урал: р. Лангогьюган - Обская Губа	4	Пешеводный	Руководитель
21	1973	Зап. Сибирь: р. Конда - оз. Турсунг - УАха	2	Водный	Инструктор
22	1974	Зап. Сибирь: Х-М, оз. Согом - р. Конда - УАха	2	Водный	Руководитель
23	1975	Забайкалье: БАМ - р. В. Ангара - оз. Байкал	2	Пешеводный	Руководитель

МОЯ РАБОТА ПО ТУРИЗМУ В ГОРОДЕ АРТЕМОВСКОМ

24	1976	Зап. Сибирь: р. Кума - р. Ландина - р. Конда	1	Водный	Руководитель
25	1977	Зап. Сибирь: р. Кума - Охотстан - оз. Камкуль	1	Пешеводный	Руководитель
26	1978	Якутия: хр. Сунтар-Хаята - Делькю-Охота	5	Пешеводный	Руководитель
27	1979	Тянь-Шань: Фергана - хр. Чаткал - Аркит	3	Пешегорный	Руководитель
28	1980	Сред. Урал: Коуровка - р. Чусовая - Ст. Утка	1	Водный	Руководитель
29	1980	Сред. Урал: Шамары - р. Сылва - Спас Б.	1	Водный	Руководитель
30	1981	Сев. Урал: г. Отортен - Мань-Пупы-Ньёр	4	Лыжный	Руководитель
31	1981	Юж. Урал: Киалимские Печи - г. Юрма	2	Лыжный	Руководитель
32	1982	Сев. Урал: Денежкин К. - Белый К. - Гл. Ур. хр.	2	Лыжный	Инструктор
33	1982	Сред. Урал: р. Усьва - хр. Басеги - Ст. Усьва	2	Водный	Руководитель
34	1983	Сред. Урал: Ст. Утка - р. Чусовая - до конца	1	Водный	Руководитель
35	1983	Д. Восток: р. Сукпай - р. Кабули - р. Хор	4	Пешеводный	Руководитель
36	1984	Сев. Урал: Конжаковский К. - Косьвин К.	1	Пеший	Руководитель
37	1985	Сред. Урал: Артёмовский - Коптелово - Ирбит	1	Велосипед	Руководитель
38	1994	Поволжье: р. Ахтуба - Астрахань	1	Байдарки	Участник

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

ЗАНИМАЛСЯ ТУРИЗМОМ НЕ ЗА ЗНАЧКИ, МЕДАЛИ, ЗВАНИЯ, НО КОГДА ИХ ДАВАЛИ – НЕ БЫЛО СИЛ ОТКАЗАТЬСЯ



«За успехи в развитии школьного туризма старшего инструктора-методиста по туризму станции юных туристов Свердловской железной дороги Михаила Кирилловича Владимирова наградить значком «Отличник народного просвещения» (журнал «Педагогический вестник» №6 1996 год).

МОЯ РАБОТА ПО ТУРИЗМУ В ГОРОДЕ АРТЁМОВСКОМ



Значок «Первый разряд по спортивному ориентированию»



Кандидат в мастера спорта по пешему, водному туризму



Первый разряд также по горному, лыжному туризму



Медаль свердловского областного совета по туризму «Заслуженный турист Урала» (оборотная сторона)



Выполнил нормативы на мастера, но документально не оформил

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

ЧЕРЕЗ МОГУЧИЙ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ КРАСАВИЦЕ ВИШЕРЕ



*Пеше-водное путешествие по Северному Уралу
Второй категории сложности команды студентов
Географического факультета Свердловского
Пединститута летом 1958 года*

СЕВЕРНЫЙ УРАЛ



А у меня идея!

- Это какая ещё заморочка? - спросили мы. - Ишь, ещё нашёлся идеолог – сам Анатолий Семёнович Шумков, просим не любить, но жаловаться, - ёрничали мы.

- Прошу команду туристов остаться после лекции в аудитории. Там поговорим.

Сразу скажу, что Толя Шумков с первых дней в институте стал нашим «капитаном» - вожаком во всех наших туристских походах и соревнованиях. Группа сложилась или, вернее, «сходилась», все мы были студентами первого курса геофака, жили в одном общежитии, сошлись характерами и интересами, были хорошими друзьями. Дело шло к летним каникулам.

- Хватит топтаться по Среднему Уралу! Пора осваивать и Север!

- А что? «Единички» категорийные, пешие и водные, мы сделали на Среднем Урале, а «двойку» или «тройку» (высшую категорию) можно выполнить на Северном или Приполярном Урале.

Теперь надо сказать, из кого же состоит наша команда. Как и во всех педагогических заведениях, абсолютное

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

большинство студентов – это представители «слабого» пола. Так и на нашем курсе – из 50 студентов «мужиков» набралось всего 9 человек. Да и то – двое «женатиков», один – директор школы (в годах), один больной, другой около 40 лет возрасту (я, говорит, 25 лет шастал с топором по тайге «в местах не столь отдалённых»). Работоспособных и увлечённых туризмом осталось всего 5 человек. Самый старший из нас – Илья Овчинников, с 1930 года рождения, до поступления в институт работал физруком в Манчажской средней школе. Силач, отличный гимнаст, характер уравновешенный. Вторым по возрасту был я, с 1933 года рождения, после педучилища работал два года в школе, отслужил три года в Советской Армии. На вступительных



ЧЕРЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЬ

В каменах я увидел высокого, сухощавого сержанта – им оказался в будущем «главарь нашей банды» Толя Шумков. А самым молодым («школяром») оказался Володя Орлов, спортивный, спокойный парень, в институте специализировался (как и Овчинников) в гимнастической секции. Нягый наш говариц – Жора Клейн из Полуночного, не пошёл в этот поход по семейным обстоятельствам. Ну, а особо надо сказать о нашем «женском ударном батальоне», как называла себя наша дружная команда девушек. Самой авторитетной, рассудительной, рослой, сильной была Аяна Бучельникова (*стоит в центре*). Она всё умела делать без подсказки. Свердловчанка Таня Постаногова, красивая, стройная, выносливая девушка, не боялась никаких трудностей. Забегая вперёд, скажу, что водила в сложные походы школьников по Уралу, её воспитанники всегда были в призёрах (*на фото – слева*). Фая Абрамова - гордость геофака по спорту, лыжница, легкоатлет, пловчиха, физически очень хорошо подготовлена (*сидит в центре*). Нэлли Батманова из Полевского, еще в детстве, в школе, облазила «Бажовские места», неунывающая, общительная девушка, была со мною в команде позже и на Алтае, и на Карпатах, и на Тянь-Шане (*сидит слева*). Подруга Толи Шумкова - Анжелика Фёдорова, была всегда рядом во всех передрыгах и трудностях вместе со своим кумиром, они и поженились на четвёртом курсе, на студенческой свадьбе (*стоит справа*). Самая маленькая и шустрая Галя Чащина («галчонок») Она несла все тяжести наравне с подругами, на привалах «воровала» консервные банки, мешочки с продуктами и прятала в свой рюкзак. Дружбу эта «шестёрка» пронесла через всю жизнь.



Итак, команда подобралась. Началась предпоходная суматоха: изучаем район похода, ходим в городской Клуб туристов, слушаем советы бывалых туристов, утверждаем маршрут. Девчата колдуют над рационом питания. Шутка ли! На весь пеше-горный маршрут от Всеволодо-Благодатского до самой Вишеры нет ни одного магазина. Это сколько же продуктов придётся тащить на себе через высокие горы и густые леса?! Продуктами ведает Ая Бучельникова, наша кормилица и поилица.

- Первой съедим тебя, если нечего будет жрать. Вон ты какая большая и упитанная! - зубоскалит Володя Орлов. Нэля Батманова у нас гидролог и метеоролог.

- Смотри, не утопи нас в глубоком месте, да не залей дождями! - продолжают резвиться парни. Я предлагаю каждому порыться в библиотеках и выписать себе всё, что есть о местах, где будем проходить, проплывать. Это нам, учителям, пригодиться на уроках географии.

Анжелика Фёдорова - врач (как бы мы не сдохли). На долю Гали Чащиной выпало описание всего живого - что бегают, прыгает, плавает, растёт. (А по штатному расписанию капитана Галя служит юнгой - куда пошлют!). Таня Постановова - ответственная за командный дневник. Фаю Абрамову определили ответственным за групповое снаряжение. Капитаном команды единодушно избрали Толю Шумкова. Главным ремонтником и боцманом капитан назначил Илью Овчинникова, А Володя Орлов обязался кормить нас свежей рыбой.

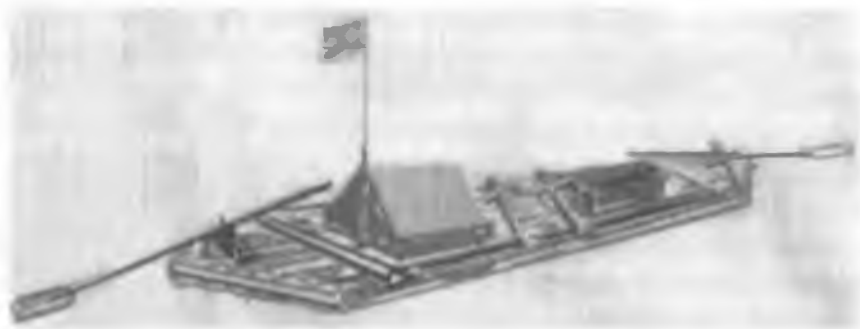
ЧЕРТ-З ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

— Володя, да ведь на всём маршруте нет ни одного рыбного магазина! - теперь уже издевались девушки. Меня капитан назначил своим помощником, а также делать кроки маршрута и зарисовки. Вооружены мы были слабо. Шумков взял лёгкую мелкокалиберную винтовку ТОЗ-16, из которой медведя или рысь только рассмешишь, а зайца убьёшь с пяти метров с подбегом. Ножики у мужиков были охотничьи, а у девушек - перочинные.

Встал вопрос - на чём и как поплывём по Вишере. Река далёкая. До Улса имеет горный характер, населённых пунктов осталось мало, ни железной дороги, ни автомобильных и воздушных путей нет. Одна дорога - сама река, но плавать безопасно по ней можно только от посёлка Вёлс. Телефонно-телеграфной связи тоже нет. 1958 год. Туристы сплавлялись по рекам либо на лодках, либо на древесных плотах. О байдарках и надувных катамаранах и не слышали. Но плавать на древесных плотах тяжело. Не везде найдёшь на берегу реки сухостойную ель, или сосну, или кедр. Да и построить плот на 10 человек с грузом работа тяжёлая. А на шивере или каменистом перекате плот иногда так заклинивает в камнях, что туристы вынуждены бросать его или идти пешком по скалам до населённого пункта.

Моё детство и юность прошли на Вятке, по которой всегда шёл лесосплав и плотами, и «молью». Я хорошо знал, как сплавляют лес. На следующем собрании группы я представил на одобрение рисунок оригинального плота. Такой плот будет иметь большую скорость, лучшую проходимость в узких местах на шивере, сам себя будет стаскивать с перекатов.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА



Двухсекционный плот «Амфибия»

Общая длина 10 метров

Ширина 4 метра

Грузоподъёмность - 10 человек

Плот состоит из двух автономных плотов. Они соединяются кормами с помощью скоб и тросов. Когда плот с силой садится на камни в шивере или на мель в быстром перекате, команда перебирается на головной плот, отсоединяет второй плот и отпускает его на тросах в качестве водяного паруса. На таком плоту мы успешно преодолевали горную часть реки Вишеры и реку Абакан на Алтае.

ПУТЬ ОТ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

Карта похода на Денежкин камень и р. Вишеру
Это современная карта. Нам бы иметь такую в 1958 году!



Условные обозначения



Начало пешего маршрута



Начало водного маршрута

Места ночёвок



Линия пешего маршрута



Обозначение сплава



*Чёрные пихты бегут за окном,
Ночь так безумно красива...
В тамбуре тесном стоим и поём,
Поезд бежит торопливо.*

*Поезд, поезд – мчи нас хоть к чёрту на полюс.
Из туристской песни*

На полюс не ходят поезда. Да мы и сами знаем, вряд ли кто-нибудь из нас побывает на Северном полюсе. У нас сейчас заветная мечта - побывать на Северном Урале. Когда мы бывали в Свердловском городском Клубе туристов, какая музыка слов захватывала душу: Денежкин Камень, Конжаковский Камень, гора Семичеловечья, гора Чистоп, гора Каменных Болванов, гора Манарага («Медвежья лапа»). Бывалые туристы взхлёб рассказывают, какая это красота, как могуч и суров Урал. А реки какие! Одна Вишера чего стоит! Мой друг из Красноярска, когда плавал по Чусовой, сказал так: «какая длинная ленивая грязная лужа!». Обидно нам, уральцам, за свою разрекламированную реку. А ведь и правда. Сколько за три века было построено на Чусовой и её притоках заводов, фабрик, ядовитых химических производств, отравили и загрязнили воду так, что даже рыба дохла. Только в 1960-е годы XX века взялись чистить реку, штрафовать предприятия вредителей – загрязнителей.

То ли дело Северные уральские реки! Среди них самая длинная и самая красивая река Вишера. До верховьев её можно добраться только ножками, ножками. Там нет железных, автомобильных дорог, там нет воздушного

ПРЕЗДИ НЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИЩЕРЕ

транспорта. Маломерные речные суда ходят только в среднем и нижнем течении реки. А какие скалы – в 2-3 раза выше хвалёных Чусовских. Я даже не заикаюсь, какая там тайга. Заповедников даже четыре: Печоро-Илычский, Вишерский, Денежкин Камень, Басеги.

Вот почему мы выбрали эту реку и этот Денежкин Камень для своего похода. По тогдашней классификации наш заявленный маршрут тянул на твёрдую «двойку» – ведь нам надо было пешком пройти через высокий Денежкин Камень, пересечь Главный Уральский хребет и по западному склону Уральских гор добраться до Верхней Вишеры. И это без единой дозаправки продуктами в пути! Самая высшая категория сложности была «тройка», её можно было выполнить только на Приполярном и Полярном Урале, а на Северном, и Южном Урале – не выше «двойки». Вот почему Маршрутно-Квалификационная Комиссия (МКК) придирчиво изучала и состав команды, и опыт туристов, и снаряжение. Члены комиссии смотрели на состав команды и долго молчали. Шутка ли, из 10 участников только четверо парней и шесть... девушек-первокурсниц! Наконец, синяя заветная маршрутная книжка у нас на руках и поезд отстукивает километры на север. Наш начальный пункт похода – село Всеволодо-Благодатское. Мы решили добираться до него из горняцкого посёлка Черёмухово. Регулярного транспорта нет, хорошо, если подвернётся полутная машина, а то придется топтать 20 лишних километров до села. Но нам повезло: поехали по своим делам геологи на автомобиле-фургоне и согласились подбросить нас, если мы будем помогать вытаскивать тяжёлую машину из ям и колдобин. Дорога грунтовая, её основательно «разбомбили» всякие горнодобывающие организации, а отремонтировать никто не хочет. Но мы были рады и тако-

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

му транспорту и такой дороге. Горняцкие посёлки вокруг Североуральска стали быстро строиться в 1943 году, когда геологи открыли богатейшие запасы бокситов – алюминиевой руды. А фронту позарез нужен был алюминий для строительства военных самолётов. Такие монопосёлки в этих же краях добывали марганец (для варки стали), медь, редкие металлы, золото, рубили лес. Рабочую силу составляли и уголовники, и политзаключённые («враги народа»), и переселенцы. Разный многонациональный люд ехал сюда – кто «За делами, за деньгами», и только мы, дураки, прёмся «за туманом и за запахом тайги».



*Если хочешь туристскую дружбу
Испытать среди елей и скал,
Не стремись на Белуху и Ужбу –
Собирайся в поход на Урал.
Из Гимна Уральских туристов*

Вот мы в большом селе. Кругом кедровые рощи, даже одинокие могучие кедры растут возле домов. Красивое название села. Оно широко, привольно раскинулось у подножия большой Симеоновой сопки, в широкой сухой межгорной долине, местами вспученной небольшими пологими горками. Когда-то здесь издавна жили и кочевали племена кочевников – олневодов, охотников, рыболовов – вогулов (манси). А когда в давние времена значительная часть вогулов откочевала в Европу и осела в плодородной Нижне-Дунайской низменности (в жилах современных венгров течёт и вогульская кровь), в эти благодатные места всё больше стали проникать и селиться крепкие русские мужики, охотники и промысловики. Они-то и основали первое поселение. А места действительно здесь благодатны: вокруг четыре больших чистых рыбных озера: Верхнее, Нижнее, Светлое, Дикое. В них, кроме обычных речных рыб, в изобилии водились хариус («царская рыба»), таймень. Русские мужики успешно охотились на

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

медведя, лося, соболя, куницу, боровую дичь. А когда в речушках обнаружили золото, медную руду – началась «золотая лихорадка». Предприимчивые промышленники братья Всеволожские – Всеволод и Никита – окончательно основали поселение, поставили церковь. Поселение получило статус села и стало именоваться Всеволодо-Благодатское. В 1824 году братья основали здесь центр золотодобычи, построили шахту по добыче медной руды, а потом и шахту по золотодобыче. Кроме того, Всеволожские стали успешно заготавливать ценную древесину – кедр, сосну, организовали сбор кедровых орехов. Село процветало и разрасталось.

В 1947 году советское правительство решило сохранить от разорения эти уникальные места и создало заповедник «Денежкин Камень», который по площади был больше площади современной Москвы. Когда в 1958 году наша группа туристов пришла получать разрешение и пропуск через территорию заповедника, у Шумкова опечатали мелкокалиберную винтовку. У нас её распечатают на последнем кордоне. Кроме того, пришлось подписать документ, что можно делать в заповеднике и чего нельзя. Предупредили, что в лесах очень много медведей, рыси, будьте осторожны и не растягивайтесь в пути. Первый кордон охранников находится в 20 километрах от Всеволодо-Благодатского, там у нас проверят оружие.

В конторе Заповедника нас заинтересовали искусно сделанные чучела медведя, волка, куницы, лисицы, глухаря, косача, рыси, совы. Мы поинтересовались, кто так мастерски смог сделать это. Оказалось, что молодой работник шахты, заядлый охотник Андрей Наймушин по заказу руководства заповедника выполнил такую искусную работу. «Материал» для «зверей» он добывал за преде-

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

лами заповедника. Забегая вперёд, скажу, что с Андреем Николаевичем Наймушиным мне пришлось встретиться в Артёмовском через... 20 лет! А узнал я, что Наймушин родиной из Всеволодо-Благодатского, случайно. В 1979 году я с группой туристов-старшеклассников в январские каникулы совершал лыжный поход на Денежкин Камень. Остановились ночевать, как всегда, в школе. Две пожилые женщины (сторожиха и истопник), глядя на молодых девочек и парней (8-й класс), подперев голову ладонями, жалостливо спрашивают, зачем это они в такой мороз ползут на такую гору. А потом заинтересовались, откуда мы. Узнав, что мы из города Артёмовского, они воскликнули, не знаем ли мы Андрея и Галину Наймушиных. Как же, говорим, не знаем, ведь Галина Филипповна – наша «послица и кормилица», только она выписывает нам с базы тушёнку, стущёнку, масло, концентраты. В магазинах дав-



В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

но полки пустые, даже круп никаких нет! Они подробно рассказали нам, какое было житьё-бытьё у молоденькой репрессированной Гали Галаган в войну.

Женщины расчувствовались, просили рассказать о Наймушиных, передавать приветы. Мы говорим, что сейчас Андрей Николаевич работает в аппарате Горкома партии, а Галина Филипповна – заместитель Начальника Торга. Стали вспоминать, когда молодая учительница Галя Галаган, после окончания Кунгурского педучилища была направлена к ним в село работать учительницей-воспитателем в школу-интернат. А время то было лихое – шла война, 1942 год. Всех мужиков и парней забрали на фронт, а женщин заставляли лес рубить для фронта, руду копать. Приехала Галя, говорят, в резиновых полусапожках, лёгонькое суконное пальтишко. А в школе-интернате дети замерзают, дров нет. Собрала она ребят постарше, а мороз страшный на улице, подвязала к ступням дощечки и обмотала ноги простынями. И вот так пилили дрова. Потом, говорят, собрали кое-что из тёплой обуви, меховой одежды – замёрзнет же девка! А какая смелая была. Пигалица, а на вот тебе. Вот вы заберётесь на гору, увидите внизу маленький посёлок, Сольвой называется. Туда Галя не боялась ходить пешком за 25 километров – учить там ребят, которые не могут приехать в село, в школу-интернат. Как её звери не заели?! Вправду говорят, что хорошему человеку и бог помогает. (Это отступление на 20 лет).

Наконец, все формальности соблюдены – есть печать в маршрутной книжке, нас взяли на учёт, потребовали расписать весь маршрут по дням, выписали пропуск, опечатали винтовку, дали последние напутствия и пожелания. Уложены рюкзаки – большой вес занимают продукты: до самого посёлка Вёлса должно хватить. Мы покидаем кра-

ПРИЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВШЕРЕ

сивое благодатное место. Погода тёплая, солнечная, далеко на горизонте, на западе, синеют цепи Главного Уральского хребта, а перед ними сине-лиловая шапка хребта Денежкин Камень. Именно хребта, а не отдельной вершины. Это и Кривинская сопка, Пихтовый Увал, Жёлтая сопка, сама вершина Денежкина Камня и вторая пониже - Рубль, Журавлёв Камень и другие. Дорога хотя и грунтовая, но сухая, без заболоченных участков. Видать, ей пользуются не один век. Небольшие взгорки чередуются со впадинами, и так всё время – то лезем вверх, то спускаемся в ложбину. А вот и ложбинка с крутыми каменными берегами, чистой, журчащей по камешкам речушкой. Сверяемся по карте – это Ельцовка, это половина нашего пути. Сбросив рюкзак, Володя Орлов обследует речку и ворчит:

— Какая же это Ельцовка, если я не увидел ни одного рыбьего хвоста?

Пока дежурные готовят обед, я устраиваюсь с этюдником в сторонке и делаю этюд стоящего совсем близко, ну, каких-то в 15 километрах, массивного, короткого, но самого высокого в этом районе хребта Денежкин Камень. Даже на Главном Уральском хребте и то вершины значительно ниже. За обедом рассуждаем, почему так необычно, на русском языке названа гора. Ведь большинство названий гор, рек носят вогульские имена. По одной версии, на склонах этой горы род вогулов (манси) Денежкиных пас стада своих оленей. Но я несколько раз за свою жизнь облазил гору со всех сторон, но нигде не видел основного корма оленей-ягельников. На Белом Камне, на Кваркуше – там есть отличные пастбища для оленей. По другой версии, эта гора была священной для вогулов, в условленном месте приносили жертвы богам и при сборищах должны были оставить монету – денежку. Тоже кто в это мало ве-

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА



рит. У манси есть сравнительно неподалёку на Главном хребте гора священная, так и называется – Молебный Камень. Ну что ж. Говорить на эту тему можно долго, но пора и двигаться дальше на запад. К вечеру вышли к подножью Журавлёва Камня, дорога огибает немного его и подводит нас в узкое место: Журавлёв Камень собрался «бодаться» с Денежкиным Камнем, но ни один богатырь не решился переступить границу. Это речушка метров 12-15, называется Шарп. Здесь на берегу стоит потемневшая от времени избушка, кордон Шарп – застава в горах охранников Заповедника. Избушка оказалась пустая – охранник, наверное, делает обход своего участка. А поодаль стоит то ли склад, то ли баня, с большим висячим замком. А то мы бы быстро соорудили баньку!



*Как же это трудно -
Выбрать свой маршрут:
Подъем на Камень Денежкин
Сложен, очень, крут...*

М. Владимиров

Ночевали в избушке, хотя и тесно, но зато комаров меньше. Утром обсуждаем тактику восхождения на Денежкин Камень. Обычно туристы часть груза оставляют внизу и идут налегке к вершине. Но нам предстоит двигаться дальше, по подножью горы на Сольву. А что если перевалить с полной выкладкой и спуститься на противоположную сторону Денежкина Камня? Сэкономим силы и время. Да и оставлять без присмотра наше снаряжение и продукты опасно: мало ли какой народ тут шляется по дороге! Решение. Будем брать вершину с рюкзаками. Погода безветренная, солнечная. По жердочкам и кочкам переходим речку Шарп, выходим на просеку и по ней 6 километров до квартального столбика, круто по тропинке сворачиваем влево - на восток. Могучие сосны, замшелые ели, стройные березы, гонконогие рябинки радуют глаз. Тропинка петляет меж деревьев, но чувствуем, что мы понемногу спускаемся вниз, в пологую долину реки Сухой Шарп. Но река не зря носит такое название. Мечты хорошо полить холодной чистой воды не сбываются, русло Сухого Шарпа завалено огромными плосковатыми валунами из пёстро-го габбро и зеленоватого дунита. Где-то глубоко под ними журчит вода. Валуны чистые, тёплые, видать, во время дождя их хорошо умываются. Подниматься по ним легко,

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ



Они первыми достигли вершины Денежкина Камня

прорыв, откуда даже в дождь мы можем не промахнуться, не потерять направление на вершину. Этот прорыв в главном хребте назван «Сорокинские ворота» — в честь бога-

ника Ивана Сорокина, который ещё в 1927 году XX века проводил геоботаническую съёмку. Под проливным дождём медленно набираем высоту. Последний рывок — и мы обнимаем скользкие столбы четырёхгранной триангуляционной вышки. Вершина взята! Находим каменный тур, в нём не пустая консервная банка, там записка от туристов Перми. Оставляем свою, закладываем в тур и ориентируемся: где же вершина Рубель. Как на заказ, тучи немного расступились, и мы засекли азимут на вершину. Кто его знает, как скоро навалятся эти тяжёлые мокрые тучи. Осторожно спускаемся пониже по хребту и вскоре находим вершину с каменным туром. Там благодарственная записка от тюменских туристов и тло-тло! Посылочка от Раисы Борисовны нам не досталась. Мы закладываем новую посылку и берём азимут на долину реки Большой Шегульган.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА



как по ступеням, но с другой стороны – тяжело, крутой подъём и тяжёлые рюкзаки. Умываемся потом, скорей бы выбраться на гольцовый пояс. Там меньше комаров, да и свежий ветерок обдувает. А вот и наткнулись на чистое «окно» горной воды. С тоскою смотрим вверх – как же ты ещё далека, вершина! На высоте около 800-900 метров начинается мелколесье, а потом и каменистая горная тундра. Кажется, гребень Денежкина Камня недалеко, да это только кажется. С запада катятся тяжёлые лиловые дождевые тучи и через полчаса мы почувствовали мелкий моросящий дождик. Пора одевать накидки. Нам надо обязательно взять вершину в любую погоду. Чем ближе к вершине хребта, тем крупнее камни, настоящие глыбы. А дождь всё усиливается. Главное, попасть в развал хребта, или в

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Все промокли насквозь. Надо до темноты успеть спуститься в долину реки.

Начинаем спуск в долину Большого Шегультана. Не успели разобраться, в долину Большого или Малого Шегультана начали спуск, как хлынул ливень, вся гора укуталась облаками и сырým туманом. Спуск сначала по большим мокрым каменным валунам. Кеды плохо держат ноги, то и дело слышится мягкий стук – очередной турист лежит на камнях. Только бы не поломать ноги. Но приловчились падать назад, на рюкзак. С большим трудом спустились к реке. Дождь льёт не переставая. С трудом находим ровную высокую площадку, где можно поставить палатки. А тут ещё оказалась зелёная пихта, подмытая водой и лежит прямо в воде. Это находка! Мягкие зелёные ветки будут отличной подстилкой на каменистой почве под палатками. Ни один охранник заповедника не обвинит нас в том, что мы рубили заповедное дерево – сама река оказала нам хорошую услугу.

Под прикрытием полиэтиленовых тентов от дождя ставим палатку, разводим костёр, готовим ужин, сушим одежду. Сухостойных елей и сосен полно, заготавливаем большую кучу дров – костёр будем жечь всю ночь. Место жуткое, да ещё в заповедном лесу полно всякого зверя. Парни по очереди будут дежурить всю ночь у костра. Дождь не переставал всю ночь барабанить по тентам палаток, рядом ревет бурный поток. Но все так устали, что совсем после ужина не сидели у костра и не пели песен.

Не хотелось вылезать из тёплых палаток, но надо! Под дождём завтракаем, укладываем в палатках рюкзаки, снимаем навес и палатки, тушим костёр и двигаемся правым берегом по реке вниз. Шегультан на наших глазах становится шире, глубже, злее. Камни в реке в белых барашках.

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

Ели, пихты сбрасывают на нас вёдра воды. Вот уж действительно: «вода, кругом тайга и мы – посередине!»

Наконец, мы вышли на грунтовую дорогу на Сольву. Нам сказали в конторе заповедника, что недалеко от дороги на реке стоит изба – кордон. Значит, мы спустились не по Большому Шегультану, а по Малому. По карте между ними около двух километров. Отдыхаем, переходим вброд по дороге реку (она здесь разлилась широко) и по надёжной, хотя и слегка раскисшей от непрерывного дождя дороге, уверенно подходим к небольшой реке Сольве – притоку Южной Сосьвы. Но наблюдаем печальное зрелище: берегов у



речушки нет, как и основного русла. Вся Сольва была перекопана сначала искателями золота, меди, а потом по этому же месту пусти-ли драгу. Мало того, что она за-брала всё

Река Малый Шегультан

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

золото россыпное в русле, пустили во второй раз драгу более мощную – она брала не только золото, но и платину и какие-то редкоземельные руды.

Вот и показался посёлок, да какой посёлок, – маленькая деревушка из десятка домиков! Живут здесь две семьи вогулов – оленеводов. Это их зимние квартиры. А весной, летом, осенью оленеводы перегоняют свои стада на склоны гор Белый Камень и Кваркуш. Здесь находится последний кордон заповедника «Денежкин Камень», здесь мы должны отметиться у охраны, снять опечатку с винтовки. Хорошо, что охранника застали на месте. Он спросил, были ли мы на кордоне Шегультан. Мы ответили, что в дождь не разглядели хорошо горы и спустились в Малый Шегультан. У нас к охраннику был один вопрос – почему речка называется Сольва? Вода-то в ней пресная, не солёная. Он сказал, что был тут соляной рудник, он работал до 1883 года. Это в шести километрах от Ельцовки. Что-то мы нигде не читали и не слышали о соляных промыслах в верховьях Сосьвы? Он ответил, что была поваренная соль в земле, небольшой пласт, но когда пустили драгу, его расковыряли и вся солёная вода ушла в Сосьву. А вот название речки и посёлка остались. Посёлок раньше был больше, когда работали в окрестностях старатели, лесозаготовители. Речку перепахали драги. Сейчас живут несколько семей стариков-старателей да две семьи вогулов-оленеводов. Летом они обычно пасут свои стада оленей на Белом Камне и на Кваркуше. Там хорошие ягельники. А здесь пастбищ не стало, да вы и сами видели – тайга да камни, ну ещё кустарник.

Для ночлега облюбовали пустой дом. Вот это гостиница: есть пол, стены, крыша, а остальное нам не важно. Отоспались вдосталь, высушили все свои тряпки, обувь.



Кутим, братцы! Кутим!

Покидаем последнее поселение людей, теперь до самой Вишеры вряд ли мы встретим людей. Опять мелкий нудный дождь. Главный Уральский хребет (Поясовой Камень) совсем скрылся под одеялом низких слоистых облаков. По карте мы должны идти на северо-запад, дороги туда нет, но есть тропа. Как бы не уйти по другой тропе, да в не ту сторону. Переходим речку (это такая теперь Сольва) на правый берег и углубляемся в смешанный лес. Тропа хорошо растоптана, болотистые участки обходим лесом. Подъём почти незаметный – значит, мы идём по подошве Уральского хребта. В Сольве нас предупреждали: не вздумайте лезть в лоб через хребет, есть перевал очень низкий. На перевале есть охотничья избушка – это для вас верный маяк, правильно ли идёте. А с перевала начинается, тропа идёт на юго-запад, огибая подошву Поясового Камня, а потом поворачивает на запад и постепенно спускается в долину Кутима. Да не промахнитесь, не уйдите на Супрей. У вас карта-схема, да и та неточная. Главное, если потеряете тропу – держитесь западного и юго-западного направления - упрётесь в Кутим. Великое дело – консультация местных жителей!

Уже издали мы услышали шум горной реки. Несомненно – это Кутим. Пролазим между двумя невысокими горками и выходим на берег речки. Тропу мы потеряли. После недавних дождей река вздулась, мечется среди валунов, кидается грязной пеной на каменные лбы надводных камней. Да, по всей видимости, переправиться на другой берег будет нелегко. Шумков отдаёт команду:

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

- Обедать будем здесь. Овчинников и Орлов быстро соорудите костёр, дежурные девочки готовят похлёбку. Все сделайте переукладку рюкзаков – половина рюкзака при переправе будет в воде. Мы с Владимировым сделаем разведку вниз – может, найдём более удобное место для брода.

Пройдя метров 800, за очередным поворотом реки, мы увидели дымок, навес от дождя. Под навесом за столом пять бородатых мужиков звенят стаканами. Не дай бог, если это беглые зеки! Но нет, один молодежавый мужик с планшеткой в руках и с пистолетом за поясом – по всему видно, что это поисковая партия. Здороваемся, мужики приветливо потеснились за столом.

- А что вы здесь делаете?

- Кутим! - гогочут.

- А как называется река?

- Кутим! - Все расхохотались.

- Ясно, - говорим мы. Следующая река будет Лежим, за ней – Бежим, а потом – Сидим. Но мужики не обиделись на наши шутки. Оказалось, это геологи, закончили работу и грузят вьючных лошадей из Усть-Улса. Начальник показал карту, пояснил, как найти тропу на Вёлс. Пожалел, что вьючные лошади ждут, а то мы бы на лошадях перебросили вас на тот берег. Ишь, как разбушевался Кутим. Да вы, говорит, туристы, мужики смелые, найдёте брод. Мы скромно умолчали, что у нас мужиков-то четверо, а шесть юных девушек.

Вернувшись к своим товарищам, мы узнали, что обед готов, место для переправы найдено, глубина реки местами по пояс, будем натягивать для страховки верёвку. Первыми с рюкзаками пошли мы с Шумковым, обвязались верёвкой, если кого смочет вода – поддержит другой.

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

Страхуя друг друга, мы с большим трудом преодолели бурный поток. Иногда вода отрывала ступни ног ото дна, но тяжёлый рюкзак давил книзу и точка опоры находилась. Закрепив верёвку повыше, мы переправили сначала рюкзаки, а натянув верёвку пониже, со страховкой благополучно переправили и наших девушек. Все с облегчением вздохнули.

Переправившись через Кутим, лезем на крутой берег и через плотный сосново-берёзовый лес с подлеском рябинок, осинок продираемся на просеку. По ней двигаться легче. Да вот и хорошо заметная тропа идёт на север, туда-то нам и надо. Пора искать удобное место для ночлега. На пересечении тропы и просеки нашлась сухая полянка,



Вот он – Кутим! До дождей воды в нём по колесо

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

а рядом звенит ручеёк с хрустальной водой. Настроение у команды приподнятое. Самую трудную пешеходную часть маршрута мы прошли. Рюкзаки стали полегче. Прекратились дожди.

Нет ничего лучше вечернего костра, кружки горячего чая с запахом дымка. Особенно после трудного дня, намаешься с тяжёлым рюкзаком по таёжным дебрям. Тогда чай, чай в первую очередь! А кофе у костра не идёт. В больших эмалированных кружках, с запахом дыма кофе теряет свою прелесть. Природа настраивает на философский лад. Любой поверхностный разговор тянет вглубь. Наверное, потому, что всё здесь имеет глубину: за стволами ржавеющих к вершинам сосен стоит бескрайний лес, над головой – бездонный колодец неба, который не замечаешь в городе. И человек как-то отмякает душой. Мы узнаём друг о друге столько, сколько никогда бы не узнали, живя в одной комнате несколько лет.

- А почему же эту гору назвали Денежкиным Камнем? – задаёт вопрос Фая.

- Да, действительно, мы что-то не нашли на горе ни одной денежки, - включаюсь в беседу я. Когда готовился к походу, перечитал всё, что мне удалось найти в библиотеках и книгах об этом крае. Манси (вогулы) ведут двойную арифметику: у них свои имена, названия гор, рек, урочищ. Но они для русских такие длинные и неблагозвучные подчас, что русские то оставляли их названия, то переименовывали. Вогулы зовут Денежкин Камень меж собой «Ось Тагт Талях Ялпынг Нёр Ойка», что означает: «Святой хозяин гор верховьев Южной Сосьвы». Да разве упомнишь такое название! Официальное название гора получила в 1927 году, когда экспедиция Сорокина делала съёмку этой горы. Мне удалось в журналах УОЛЕ (Уральское Общество

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИЩЕРЕ

Любителей Естествознания), в статье учёного М.О. Клера найти запись, что в «Ясашной книге Верхотурского уезда 1626 года» упоминается, что вогул Дэнга Ондрюшин паcёт оленей на этой горе. Взяли да и переименовали слово «Дэнга» - в денежку, хотя к деньгам это слово не имеет никакой связи. Получился хозяин – Андрей Денежкин. Сомнения есть – ведь мы пересекли весь массив Денежкина Камня поперёк и нигде не видели кормовых ягельников. Здесь больше раздолье для охотников-промысловиков.

- У меня есть книга: «Сказы П.П. Бажова», - говорит Нэля Батманова. - Вот что я нашла в сказе «Богатырёва рукавица». Я записала кратко в свой блокнот:

«В здешних-то местах раньше простому человеку никак бы не удержаться: зверь бы заел, либо гнус одолел. Вот сперва эти места и обживали богатыри. Они на людей ходили, только были большие и каменные. За старшего был Денежкин – у него был стакан с мелкими денежками из здешних камней и руды. Сделан был из наилучшего золотистого топаза. Высотой выше человеческого роста. Рудяные да каменные денежки насквозь видны, а сила у этих денежек была такая – они место показывают. Возьмёт богатырь какую денежку, руда появится. Потрёт другую сторону денежки - до капельки видно, в каком месте руда залегла и много ли её. Смолоду каменные богатыри крутенько пошевеливались. Немало они троп протоптали, иные речки отвели, болота подсушили, вредного зверья поубавили. Старшой богатырь нет-нет и гаркнет:

- Здравеньки, богатыри!

А они подымутся враз, да и загрохочут:

- Здоровы, дядя Денежкин, здоровы!

Прошло время – стали богатыри оседать, двигаться перестали, мохом обросли. К той поре и люди стали появ-

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

ляться, стали землю ковырять, лес рубить. Прознали про чудо-стакан, жадничать стали, да только такие все подошли. Старик Денежкин дождался хороших людей, открыл для них стакан. На пользу людям чтоб богатства шли».

Все задумались и смотрели «на богатырскую рукавицу» вдаль. Хорошая легенда. А некоторые считают, что Камень назвали Денежкиным потому, что кто здесь жил-занимался охотой, или кедровый орех заготавливал, или золото находил, все получали денежку. Точного ответа никто сказать не может. А звучит и манит хорошо: Денежкин Камень!



ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ



*Остался Камень Денежкин
Где-то позади.
К Вишере-красавице
Нам надо подойти...
М. Владимиров*



В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

После переправы через Кутим вышли на просеку Север-Юг. Подъём от реки довольно крутой, да ещё просека заросла мелколесьем и кустарником, высокими травами. Гнус кусает потное тело. Тяжело! На картосхеме указана тропа, которая идёт к горе Шудье и к реке Вёлс. Берем курс от просеки на запад и спускаемся в долинку притока Кутима. Тут-то и нашли сносную тропу. По ней уже уверенно поднимаемся на равнину: местами попадаются открытые поляны, заросшие Иван-чаем, шиповником, травами в наш рост. В этих местах был пожар или большие вырубка, новый лес ещё не успел вырасти. Перед нами открылась в синеватой дымке большая гора с крутыми склонами. Контур горы можно сравнить с трапецией. Это показалась нам гора Шудья Пендыш. Небольшой подъём – и мы на тундровом ровном участке. Вскоре находим избушку, на схеме у нас она называется Выдерга. Или здесь что-то выдёргивали – лес, наверное. А может, по названию небольшой речушки. Избушка старая – охотничья или лесорубов, но для ночёвки вполне пригодна. Хоть комаров из неё выкурим, поспим нормально.

То и дело бросаем взгляд на Шудью. Это одна из самых красивых вершин Северного Урала. Пермские туристы называют её Пермской Манарагой, Царицей Урала - за её зубчатую корону из скал на вершине. Высота её чуть больше 1000 метров, но восхождение на неё у нас не запланировано. Мы и так не укладываемся в контрольные сроки. А пока каждый занимается своим делом. Наш биолог собирает гербарий из неизвестных нам растений. Вот она приносит растение, невзрачное на вид, но с толстым корневищем бронзового цвета. Никто из нас такого не встречал. Мне вдруг вспомнилось, что в детстве, в Войну, мы с другом Лёней на Вятских Увалах находили что-

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

то похожее. Был голод, мы ели самые различные травы. Растение с такими листьями, цветком и огромным желтоватым корнем мы находили и называли его «Мохнатиком» за мелкие волоски-щетинки на корне. Очистив от жёлтой кожуры, мы попробовали на вкус корень, он нам понравился. Мы ели мякоть сладковатого вкуса. Больше я нигде такого корня не встречал. Я посоветовал Гале сохранить растение, и особенно толстый корень, и показать в институте преподавателю «Географии растений» Марии Сергеевне Спиридоновой. Галя так и сделала. Оказывается, это очень редкий целебный корень – сродни знаменитого женьшеня. На Алтае его используют уже 400 лет. снаряжались специальные экспедиции, но зачастую безуспешно. Растение небольшое, 15-20 сантиметров, с желто-зеленым, красным, фиолетовым или голубоватым цветком. растёт одним-двумя стеблями с мелкими листочками, а иногда целый куст из 15-20 стебельков. Произрастает на Урале, Алтае, в Заполярье, в горных районах Восточной, Западной Сибири, побережье Белого и Баренцова морей. Любит прохладное лето и хорошо дренированную и увлажненную почву. Научное название РОДИОЛА РОЗОВАЯ. Сейчас кое-кто выращивает на грядке в саду. Очень много целебных свойств. Делают отвары, настойки на спирте, мази. Родиолу розовую ещё называют ЗОЛОТЫМ КОРНЕМ. Название от того, что корень имеет цвет бронзы или старой позолоты с перламутровым блеском. Через 20 лет я вёл группу туристов-старшекласников по этому же маршруту. Когда мы остановились ночевать на Выдерге, я рассказал ребятам о том Золотом Корне, что нашла где-то в этих местах студентка Галя Чащина в 1958 году. Тут Аня Мартемьянова заявила, что знает, где искать «золотой корень». В прошлом году они с директором школы (быв-

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

шим геологом) были в этих местах, и он показал им это растение. Ребята бросились исследовать большую поляну – и повезло: почти все нашли по несколько целительных корней. Только цветы были не красные, жёлто-зелёные. Все, кто хотел, нашёл хоть один корень.





*Красивая, суровая уральская тайга,
Поросшие кедровником речные берега,
Журчит под камнем чистая, хрустальная вода,
Блестит под солнцем дальняя скалистая гряда.*

М. Владимиров

От Выдерги через травянистое ровное плато наш путь лежит к близкой нам горе Шудья. Тропа с лёгким подъёмом ведёт нас на восточный склон и круто спускается по сосновому и кедровому лесу в долину речки Шудья. Гора издалека, в синей дымке на фоне чистого неба действительно показалась нам красивой, какой-то воздушной, а вблизи - мрачной, суровой. Сложена из огромных глыб сиенита, базальта, которые утопают в потоках мелких камней. Многие из которых - «живые» - так и норовят выскользнуть из-под ноги. По своей форме Шудья напоминает скорее огромный террикон, высоко вылезавший из зелёной тайги. Не похожа она ни на одну из виденных нами гор.

Повернув на северо-запад, оказываемся в широкой, заросшей травами и кустарником долине. По дну её струится небольшая речка (около метра шириной) - это и есть верховье левого притока Вёлса, речушка Шудья. Тропа идёт по лесному - то левому, то правому берегу, прорезает невысокие горки. Она уже начинает недовольно ворчать на сжимающие её небольшие скалы. Принимая помощь, от ручейков и речек, становится шире и полноводнее. Но её ещё можно легко перейти вброд. Но вот на правом берегу показалась избушка. Чувствуем, что скоро будет устье

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Шудьи. Долина становится широкой и через просеку просматривается сине-зелёная полоса воды. Это наверняка Вёлс. А вскоре выходим в устье большой реки – ширина не менее 70 метров. Здесь у нас будет ночлег и днёвка. Правда, обычной днёвкой не назовёшь – это будет тяжёлый рабочий день. Здесь нам надо заготовить сухие брёвна ели, сосны для плота. Но как приятно, что не надо будет тащить на «горбу» тяжёлые рюкзаки. Здесь начнётся водный участок похода.

Река Вёлс берёт начало с западного склона Ишерима. Этот левый большой приток Вишеры имеет длину 115 километров. На всём протяжении прорезает глухую тёмнохвойную тайгу. На его берегах нет ни одного населённого пункта. На нашей старой картосхеме есть кружочки с названиями населённых пунктов. Это были бараки заключённых, которые рубили лес или добывали железную руду для Вёлсовского железодельного завода. На правом берегу – остатки узкоколейки. Мы не знаем, как выглядит река в верхнем и среднем течении, но здесь, в 15 километрах от Вишеры, она широкая, берега низменные, в русле много островов и мелей, камней. Дно каменистое, но вода желтоватая – где-то она размывает глинистые берега. Но в верхнем и среднем течении Вёлс имеет хрустально чистую воду, и в ней очень много хариуса. До 1956 года здесь процветала рыбная компания по заготовке хариуса на рынки больших городов. Местные старожилы помнят, что они ловили на Вёлсе только хариуса да тайменя, а на другую рыбу не обращали внимания.

Утром закипела работа. Рыскаем по лесу, ищем подходящие сухостойные ели, сосны, валим, очищаем от сучьев, опутываем верёвкой и тащим на берег реки. Девушки наши сами взялись помогать нам – очищать брёвна

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

от коры (подводную часть) для лучшего скольжения на мелких перекатах, обрубать сучки, буксировать десятиметровые брёвна из лесной чащи к реке. Решили распилить брёвна пополам, сделать два временных пятиметровых плота. Так легче преодолевать мелкие перекаты. А уже в устье Вёлса соединить в один разъёмный десятиметровый плот, шириной четыре метра. Там и оснастить нашу «Амфибию» по всем правилам сплавного искусства. А пока плоты прочно связали с помощью поперечин, верёвок, скоб, гвоздей. Вместо носовых и кормовых гребей пока решили использовать небольшие шесты – каждому по силам. Ширина Вёлса около 70 метров. Быстрое течение, глубина небольшая, берега местами со скалистыми выступами, но не опасны для наших плотов. Много островов, по любому протоку плоты беспрепятственно проходят. На небольших перекатах иногда садимся на мель, но легко снимаемся с них. Как-то быстро проплыли 15 километров и впереди показались домики посёлка Вёлс и широкая водная гладь реки Вишеры.

ПО ВИШЕРЕ



- Вёлс, сыночек Вишеры,
Куда бежишь, спешишь куда?
- От Ишерима-батюшки
С любимой своей матушкой
К родимой Каме-бабушке
Через хребты могучие,
Сквозь тайгу колючую,
Просекли путь туда.

М. Владимиров

Большой (по здешним меркам) старый рабочий посёлок Вёлс привольно разместился в устье одноимённой реки. В настоящее время здесь лесопункт Вайского леспромхоза. В посёлке есть магазин, почта, столовая, школа, клуб. Несколько десятков одноэтажных домов, живет в них около трёхсот человек. Нет и моста через Вишеру, зато на берегу множество деревянных лодок. В конце XIX века было создано Волжско-Вишерское акционерное общество (с французским капиталом), которое купило и Кутимский чугунолитейный, Вёлсовский железоделательный, Акчимский заводы и 25 рудных месторождений. Существовала водная дорога вверх по Каме в Вишеру и по её притокам Улсу, Кутиму, Вёлсу. Здесь рыскали по стойбищам приказ-

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

чики Строгановых и Новгородские ушкуйники, собирая ясак с местных племён – вогулов, коми, остяков (хантов). С 1581 по 1596 года по Вишере, её притокам через Каменный Пояс в Лозьву и Туру пролегал старинный путь в Сибирь. Сподвижник Ермака Иван Кольцо добирался этим путём к царю с известием, что Сибирь покорена русскими казаками во главе с Ермаком. Но вот сам Ермак со своим войском почему-то шёл в Сибирь не по Вишере, а по Чусовой.

В документах с VII по XIX век река Вёлс упоминалась как Велсуй, что с угро-финского языка означало: «уй» - река, а «велс» - верх, то есть - верхняя река. Вишеру местные народности называют тоже по-своему. Манси её называют «Пассер-Я» – Большая Вода. А бытовало и название: «Ра» – Кама, а река выше Камы – Выше Ра, отсюда Вышера, Вишера. Русские новгородские ушкуйники называли по связи со своей родной рекой – есть Вишера и в новгородских землях. Вишера на Северном Урале самая длинная река, её длина 415 километров, по длине и многоводности превосходит Каму. Правильнее было бы называть Каму – притоком Вишеры, а не наоборот. Берёт начало на стыке Пермской, Свердловской областей и республики Коми. Здесь водораздел трёх великих рек: Оби, Печоры и Волги.

В этой реке самый высокий уровень воды бывает весной, в мае месяце, когда тает снег в горах и тайге. Межень – в июле. Но режим нарушается и бывают высокие паводки, когда в горах идут обильные дожди. Реку делят на три части: Верхняя Вишера – до притока Улс. Средняя Вишера – до левого притока (Колвы). И Нижняя – до впадения в Каму.

На берегу, поодаль от воды стоит известняковый Камень (скала), а в ней пещера. Длина её большая. метров



Междуречье Вёlsa (слева) и Вишеры

200 с ответвлениями. Ещё до революции использовали как продовольственный склад, потому что температура там весь год держится около нуля. Пещера имеет сквозной выход к Вишере, главный вход от Вёlsa, в карстовой воронке диаметром 15 м, глубиной 8 м. Пещера имеет вид тоннеля, ширина которого от 5 до 20 м, высота свода 2-6 метров. В северной части пещеры есть озеро, площадью в 300 м². Озерко зимой замерзает, а летом – ледник. Поэтому температура в пещере круглый год около нуля. Французы хранили там шампанское. От Вишеры была проложена узкоколейка. В 1890 году у входа в пещеру нашли шлем, меч, обрывки кольчуги.

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ



Всё перекааты да перекааты,
Послать бы их по адресу:
На это место уж нету карты –
Плывём вперёд по абрису.
Из туристской песни

А что такое абрис? Да это контур предмета, местности. В нашем случае – это контур реки Вишеры. Простая линия, - река-стебель, да веточки-притоки. Теперь нам помогут только местные жители, у кого вся жизнь проходит на этой реке. Ведь Вёлс не связан с Красновишерском ни железной дорогой, ни автомобильной, ни воздушной. Грунтовые участки дороги в ужасном состоянии. Один транспорт – река и лодка. А каково людям зимой, когда такие крутые скалистые берега, незамерзающая на быстрых перекатах река? Даже санную, тракторную дорогу не сделаешь.

Я нашёл старика-промысловика, который всю жизнь прожил на реке и её притоках. Для него река как столбовая дорога, каждый Камень-скала как указатель. Они не похожи один на другой, по ним можно считать километры. Вооружившись своим абрисом, карандашом, я подробно записал и зарисовал на схеме наш сплав по Вишере.

Вчера мы полностью оснастили наш плот, наплу «Амфибию». Сегодня первый день сплава. Наш капитан построил свою команду и зачитал «Приказ №1»

1. Командиром, то бишь капитаном, буду Я. Самозванцев нам не надо!

2. Старломом и картографом назначаю Владимира (то есть меня).

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

3. Боцманом и главным ремонтником будет Илья Овчинников.

4. Старшим матросом и главным рыболовом назначаю Володю Орлова.

5. Матрос Ая Бучельникова, она же и ответственная за питание.

6. Матрос Нэля Батманова, она же и геолог.

7. Матрос Таня Постановога - летописец.

8. Матрос Фая Абрамова - ответственная за снаряжение.

9. Матрос Анжелика Фёдорова - врач.

10. Юнга Галя Чащина - биолог.

- Это почему это все командиры да матросы, а я юнга?! - заревела Галка.

- Молчать! Приказы не обсуждают. Ростом не вышла!



Команда для подъёма флага «Амфибии» на «баке» построена

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

После этого в утешение «юнге» доверили поднять флаг Амфибии». Боцман Овчинников отвязал верёвку от камня. На первой вахте стоят сам капитан и боцман. Наша посудина» медленно покидает бухточку. Бездельники и малышня на берегу машут нам ручками. Как только вышли на чистую воду, река течёт на север и огибает Большой Прорывистый остров, и быстро несёт через правую протоку, меняет направление сначала на запад, а потом на юго-запад. На правом берегу видим небольшие Банные скалы, а за ними впадает в Вишеру речка Банная. И чего это её назвали Банной, когда вода в ней холоднющая? А вот и первый перекал - Вёлсовский. Здесь бурное течение. Кроме того, подводные и надводные камни разбросаны по всему руслу. Стремительное течение взбивает возле них пену. Стоящий на носовой гребне Илья замешкался и наш плот несётся прямо в лоб блестящему валуну. Боцман навалился на гребь сколь было в нём силы, раздался треск и незадачливый рулевой летит спиной вперёд, с обломком гребни, в воду. Но он успевает зацепиться за заднюю гребь и взобраться на плот. Мы боялись, что от сильного удара наш плот развалится на части, но он достойно выдержал удар.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Лист 1. Лоция р. Вишеры от п. Вёлс до п. Красновишерск

(составлена автором на основании зарисовок в походах, неточной картосхемы и бесед с местными жителями в 1958 и в 1982 годах)



1. р. Вёлс. 2. р. Вишера. 3. Скала с пещерой. 4. Вёлсовская пещера. 5. Пос. Вёлс. 6. Стоянка. 7. Прорывистый остров. 8. Банные скалы. 9. р. Банная. 10. Вёлсовский перекал. 11. р. Б. Мойва. 12. о. Дыроватый. 13. К. Дыроватый. 14. Перекал Дыроватинский. 15. р. Дыроватиха. 16. о. Гловинский. 17. о. Берёзовый. 18. о. Межевой. 19. Прокофьевский Камень. 20. Мель. 21. р. Гаревая. 22. д. Усть-Гаревая. 23. р. Б. Расья. 24. о. Б. Корниловский. 25. Дунькин К. 26. р. Елма. 27. о. Елминский. 28. Елминский К. 29. Скала Гвоздок. 30. о-ва Кедровские. 31. Федосеев К. 32. К. Пальховский. 33. Филиппов К. 34. Логинов Чурок. 35. о. Киринский. 36. Утёс Кирина Кладь. 37. Перекал за осгровом. 38. Мель. 39. Уловская скала. 40. р. Меленка. 41. о. Ветренный. 42. р. Ветрянка. 43. Ветренный Камень.



Синегубый Урал
Обнажает клыки...
С. Есенин

Как точно великий поэт обрисовал четырьмя словами наш Урал. Нам ещё много раз придётся опасаться этих клыков – скал белого, серого, буроватого цвета.

Но наши испытания ещё не закончились. Неуправляемый плот без носовой гребни ещё в середине переката. После некоторого замешательства капитан отдаёт команду всем вооружиться шестами. Но это не лодка. Таковую массу плота на быстром течении среди подводных и надводных камней невозможно сбить с основной струи. Мы были наказаны рекой ещё раз. Головная часть была заклинена на подводных камнях так, что даже вылезла несколько из потока, а кормовой плот прижало косым течением к надводному массивному камню. «Мужики» (командиры!) бойко скакнули в воду, пытаясь шестами столкнуть с камней нашу «Амфибию», но тщетно. Пустить «матросов-девушек» в холодную бурлящую воду капитан не решился. Да и вряд ли их усилия могли помочь. Со страховкой девушек мы провели на берег. Рюкзаки, палатки, и прочую поклажу тоже переправили на берег. Боцман лихорадочно ремонтирует сломанную гребь. Плот, хоть и облегчённый, немного всплыл, но всё же столкнуть с камней не можем. Решили сделать водяной парус: разъединили плоты, предварительно прочно связав верёвками и стальными тросиками длиной 5 метров так, чтобы кормовой плот под напором воды встал ребром и создал мощную тягу. Когда всё

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

было готово, все четыре парня встали на головной плот и оттолкнули «водяной парус» от головного плота. Облегчённый кормовой плот сильная струя воды подхватила его и стала тянуть головной плот с подводных камней, разворачивать его. Да ещё мы шестами упёрлись о дно. О! Вот радость: мы сползли с коварных камней, быстро подтянули второй плот и соединили скобам и тросами вместе. Но радоваться пока нечему. Мы ещё на перекате, надо пристать благополучно к берегу. Но облегчённая «Амфибия» лучше слушалась носовой гребки и кормовой. Наши «морячки» уже стаскали всё имущество сюда, пока мы возились с водяным парусом и преодолевали перекат.

Хотя мы в этот день прошли мало, но дело шло к вечеру, все устали, переволновались. Надо искать удобную стоянку для ночлега. После Вёлсовского переката на пути нашем встал большой остров Дыроватинский, заросший



ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

смешанным лесом. Его прошли левой протокой прижимаясь к огромному Дыроватому Камню. Его столообразная вершина покрыта лесом, а сама известняковая скала разбита вертикальными трещинами. Трещины служат входами в пещеры, через них свободно можно пройти человеку, а дальше они расширяются, образуя гроты и пещеры. Попасть внутрь Камня сложно, он уходит глубоко в реку, сверху по отвесной скале могут спуститься только альпинисты. Да может, это и к лучшему. Дыроватыл является природным памятником регионального значения. Немало бы нашлось глупых любителей природы, которые оставляют повсюду на природных памятниках свои надписи крупными буквами: «Здесь был Вася!». Сразу за Камнем огромный Дыроватинский перекат, но его прошли без препятствий. А вот и недалеко на левом берегу речка Дыроватиха. Небольшие острова – Гловинский, Березовский, Межевой ничем не примечательны, разве только после Межевого острова чуть не влипли в коварную косу, состоящую из множества мелких островков и мелей. Проходить лучше возле правого берега, где высится скала Прокофьевский Камень. Преодолев несколько небольших перекатов и поворотов реки, на правом берегу впадает чистая звонкая речка Гаревая. Пожалуй, лучшего места для ночлега не найдёшь: удобный берег, чистая вода. Хотя проблем с водой и так нет, и в Вишере вода как слеза. За речкой когда-то стояла деревня Усть-Гаревая, но от нее остались одни пеньки да ямы, заросшие бурьяном.

После Вёлса это будет первая наша походная стоянка.

Вечером у костра был разбор первых наших часов (неудачных) сплава по горной Вишере. Река показала нам, что надо плыть по той протоке, берег который **вогнутый, высокий, часто со скалой**. Там больше глубина, и пусть про-

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

тока уже, но здесь, как правило, нет мелких перекатов. Тяжело гружёный древесный плот – это не лодка или катамаран. Правда, если потеряешь «струю» – будешь долго торчать на глубокой спокойной воде у Камня. А то и низовой ветер потянет наш плот обратно.

Ну что сказать о бывшей деревне Усть-Гаревой? Когда существовал Вишерлаг, то здесь были бараки заключённых, которые трудились на лесоповале, на рудных месторождениях, где вся механизация состояла из двуручной пилы, железного лома, каёлки и тачки. В эти места редко кто заглядывал из посторонних. Поэтому на карте много значков и названий населённых пунктов, которых уж давно нет. Леса подалее от реки вырубаются беспощадно и сейчас.

Но пора в путь дальше. Напротив растянулся по реке залесённый большой Корниловский остров. Плывём правой протокой, и не ошиблись. Дальше несколько мелких перекатов проходим легко без задержки. А вот и поворот реки на юг, а на повороте стоит Дунькин Камень - ну точная копия Дунькиного Камня на реке Реж! Справа, за устьем Елмы, тянется большой лесной красивый Елминский Камень. Его длина не менее ста метров. Из леса торчат остроконечные голые вершины. Далее проходим между двух островков. Вода прозрачная, отчётливо видны на дне даже небольшие камешки. То и дело под плотом идут вверх по течению небольшие косяки приличных хариусов. Но пока наш штатный рыболов закидывает свою удочку с «мушкой», редкая серебристая рыбка трепещётся на крючке. Ая Бучельникова, наш «начпрод» вздыхает: опять уха прошла мимо. Орлов ворчит: дайте хоть раз остановиться и порыбачить, ведь рыбы полно! Но капитан неумолим – время, время надо догонять!

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ



От Устья речки Большая Расья, что впадает на правом берегу, Вишера поворачивает на запад от небольшой, но красивой скалы Гвоздок. Дальше плывём правой протокой мимо островов Кедровских (что-то мы не увидели на них кедров), и после небольшого переката - скала Федосеев Камень. Надо же! Сколько на этой реке собственников скал и островов!

Но течение относит нас к левому берегу, позади остались Пальховский и Филиппов Камни. Но они не очень интересные, видали мы и получше. Напротив Филиппова Камня, на левом берегу – гололобый 60-метровый камень Логинов Чурок. Ещё один собственник объявился. Далее стоит остров Киринский, а недалеко от него интересный Камень Кирина Кладь. Этот столообразный серый утёс сложил какой-то мифический богатырь из каменных плит, накладывая одну на другую. Вишера снова повернула на запад, на повороте остров с перекатом, после острова гребём к левому берегу – справа мель. Чуть ниже – два

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

острова, течение несёт плот между ними. На правом берегу – скала Улсовская. За ней впадает большая река Улс, образуя в устье большой остров. Когда-то здесь был большой посёлок Усть-Улс, но о нём отдельный разговор. Усть-Улс – условная граница Верхней и Средней Вишеры. До Красновишерска осталось плыть около 130 километров. Сделали остановку на 3 часа. Пока обедали, Орлов с упоением скакал с удочкой по берегу – поймал-таки на хорошую уху красавцев горных рек.

Далее на пути один за другим острова, после них слева впадает речушка Меленка, а справа – Ветренка. Большой остров Верхневетренский проходим левой протокой, после него – перекат, но не сложный. После этого рулим к правому берегу, где возвышается громада Ветряного (или Вайского) Камня. Скоро увидим посёлок Вая, надо искать место для стоянки и ночлега подальше от него. Пристаём



Река Улс перед впадением в Вишеру

к полянке за скалами Золотые Гребешки. За продуктами сходим завтра в посёлок, очень сильное течение перед Ваей.

После ужина обсуждали впечатления о прошедшем дне. Что-то на всём маршруте мы нигде не повстречали туристов. Спортивный туризм ещё только набирает силу. Так забираться далеко, да ещё сплавляться на древесном плоту, мало кто решается. Не случайно местные жители, узнав – откуда мы и как попали на Вишеру, охали да ахали. Да и страшновато быть в тех местах, где ещё недавно существовал Вишерлаг - отделение Соловецкого лагеря особого назначения. Руками заключённых был построен Красновишерский целлюлозно-бумажный комбинат в 1930-е годы. Я это узнал от одного политического заключённого по большому секрету. Забегая вперёд, скажу, что когда мы останавливались в устье Улса, где была пересылочная тюрьма, я не стал тревожить своих товарищей, особенно наших «матросов». А вот когда в 1982 году я вёл на сплав, на самодельных катамаранах, команду школьников-старшеклассников, рассказывал ребятам о том, что здесь был лагерь заключённых (в том числе и политических), что к тому времени вышла книга Варлама Шаламова «Вишера», где он три года испытывал «прелести» жизни среди уголовников и охраны. Сейчас там ничего нет, только временный дом рыбака. А ведь природа тут чудесная. Раньше кипела жизнь ключом: недалеко вверх по Улсу долго мыли золото, речки так и назывались – Золотанки, да ещё гора Золотая. Из Кутимского чугунолитейного завода шла узкоколейка с металлом в Усть-Улс, здесь делали «шпички» (большие плоскодонные лодки), была пристань и металл сплавляли на Камские заводы. Об этом мы в 1958 году не знали, а местные жители не хотели говорить на эту тему.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Надоели им заключённые повсюду, и на лесоповале, и на рудниках Вёлсовского, Кутимского, Акчимского заводов, во всех деревнях - «зоны». Здесь рубили в основном ель и пихту для Красновишерского комбината, где делали самую лучшую бумагу, а потом - и до сих пор рубят сосну и кедр. Мы с ребятами в 1982 году видели лесоповал на реке Вёлс. А с реки кажется, что лес стоит везде красивой стеной.

Команда во главе с боцманом Овчинниковым отправилась в посёлок Ваю по понтонному мосту. Его построили недавно, а до этого была паромная переправа. Вая – таёжный посёлок, есть магазин, почта, контора Вайского леспромхоза. А продукты завозят из Красновишерска раз в неделю по очень плохой дороге на автомашине или на лодках. Сам посёлок растянулся вдоль реки на речной террасе, а вокруг вздымаются вершины залесённых гор. Течение здесь очень сильное, неужели не могли найти место где-нибудь поспокойнее? За посёлком почти в одно русло впадают речушки Большая и Малая Вая. Нам рассказали, что Большая Вая интересна тем, что в четырёх километрах от посёлка она долго течёт под землей, а потом выныривает как ни в чём не бывало из-под земли.

Вечером у костра пели наши туристские песни, вели интересную беседу: как же обживали этот дикий западный склон Урала люди в древние века? Ну, охотились на разного пушного и съедобного зверя редкие племена вогулов (манси), коми-пермяков. Страшно сейчас представить, как малорослые охотники шли на медведя или лося с самодельными луками и стрелами, с копьём и ножом. А жить круглый год летом в берестяных чумах, а зимой тоже в них, только покрытыми шкурами оленей и лосей. Не знали письменности, а понимали друг друга по заруб-

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИЩЕРЕ

кам на деревьях в тайге, по наскальным рисункам, чьи это охотничьи угодья. кто ловит рыбу в реках, где находится жертвенное, молебное место. Это было и 5 тысяч назад, и в последнем тысячелетии. Всякие горшки делали сами из глины, одежду и обувь шили из шкур, летние рубашки делали из кожи тайменя, шили костяными иглами. Только начиная с X-XII веков начали проникать сюда новгородские, устюжанские ушкуйники, стали обирать наивных лесных людей. За нож, топор, ружьё, стеклянные украшения выменивали ценные меха, да ещё обкладывали данью – обязанностью платить налог (ясак). А за что? Только за то, что бедные люди живут в этой глухомани, где нет никаких дорог – только звериные тропы да быстрые реки. А если откажутся какие племена платить ясак, так приходят сюда банды хорошо вооружённых людей, избивают и убивают и так малочисленное население племени.



Перекат у посёлка Вая

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Лист 2. Лоция - от п. Ваи до Акчима



44. наша стоянка. 45. пос. Вая. 46. р. Большая Вая. 47. Камень Золотые Гребешки. 48. Нижне-Вайский пережат. 49. Голосковский Чурук. 50. Гостиновский Камень. 51. Гостиновский остров. 52. Гостиновский пережат. 53. Заброшенная д. Половинка. 54. р. Верхняя Золотиха. 55. р. Средняя Золотиха. 56. пережат Боец. 57. р. Нижняя Золотиха. 58. Камень Боец. 59. Ябрусский Камень. 60. р. Малая Ябруска. 61. р. Большая Ябруска. 62. Ябрусский пережат. 63. Моховой Камень. 64. ск. Косотуриха. 65. Лысая скала. 66. Камень Грива. 67. Камень Безымянный. 68. о. Гловый. 69. д. Акчим. 70. р. Акчим. 71. р. Волим.



На другой день, только отошли от берега, нас быстро подхватило течение Нижне-Вайского переката. Воды в реке достаточно, плот даже ни разу не стукнулся о подводные камни, только волны перекачиваются по ногам. На перекатах у рулевых гребей стоят по три человека. На всякий случай. Перекат длиной 600 метров. После него подходим к скалам Золотые Гребешки уже с другой стороны – река круто повернула на юг. Вчера мы обследовали скалы, но никакого золота на них не нашли. Вершины скал состоят из желтоватого кварцита, на солнце они блестят действительно как золотые. Течение тащит нашу «Амфибию» к правому берегу, где стоит Голосковский Чурок, ничего особенного – скала как скала. За ним небольшой перекат, а потом видим большой Гостиный остров. Там раньше, говорят, был посёлок. Чуть ниже острова, на левом берегу, Камень Гостиновский, проходим возле него, чтобы обойти Нижне-Гостиновский перекат. После значительных безымянных островов (их не успели «приватизировать» и наименовать!), и мелких перекатов подплываем к Золотихинским перекатам. Это название потому, что левого берега впадают Верхняя, Средняя, Нижняя Золотихи. Надо же! Кругом золото, даже горы - Золотиха и гора Золотая. Это сколько же здесь намьли золота! Быстрые перекаты идут один за другим. После переката (напротив Средней Золотихи), стоит Камень Боец на правом берегу. Говорят, в большую воду он опасен для сплава. Преувеличивают, наверное. Преодолев несколько перекатов и островов, на правом берегу стоит приличный Камень Ябрусс, а напротив него

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА



с левого берега впадают Большая и Малая Ябрусски, так, небольшие речушки. Да они и плохо видны из-за островков в устье. От них река поворачивает на запад, проходим Ябрусский перекат, длиной около 1 километра. Хорошо, что перекааты идут один за другим, а то было бы скучно. Метров через 500 подплываем к небольшому, высотой метров 15, Моховому Камню. Делаем остановку – на нём

есть наскальные рисунки. Рисунки сделаны невысоко, хорошо читаются лось, медведь, человек – остальные размыты. Перед Камнем большой камин и площадка, куда можно высадиться с плота.

Профессор Кротов пишет, что сделанные фигурные надписи по типу сходны с надписями на Писаном Камне на Вишере, на скалах Онежского озера, на многих утёсистых берегах Енисея. на некоторых скалах реки Томи.

За скалой Моховой Камень идут подряд скалы Косотуриха, Лысый Камень, Безымянный Камень, в последнем есть небольшая пещера. Река опять круто поворачивает на се-

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

вер и на повороте Камень Грива, а чуть ниже – Еловый остров. За ним приплываем к деревне Акчим на правом берегу, она расположилась у речки Волим. А большая речка Акчим впадает в Вишеру слева. Здесь, между Акчимом и Вишерой удобное место для стоянки. Орлов ликует, есть где порыбачить!

Из описания С.А. Торопова «По голубым дорогам Прикамья» мы знаем, что до революции здесь начали строительство железодельательного завода на рудах Кутимских рудников, но так и не достроили. Население мыло золото по Акчиму и другим притокам Вишеры. Везде мыли золото, поистине «золотая река». Сейчас Акчим – заброшенный посёлок, жилых всего несколько домишек. Мы даже не пошли в бывший посёлок, нечего там делать. Здесь, на стрелке левого берега, удобнее ночевать. Завтра у нас



Моховой Камень с камином. В большую воду бьвет затором. Рисунок многие размыты

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Лист 3. Лоция (от д. Акчим до д. Марино)



69. д. Акчим. 70. р. Акчим (стоянка). 71. р. Волим. 72. Писаный Камень. 73. р. Писанка. 74. д. Писаная. 75. р. Воронья. 76. о. Вороний. 77. д. Воронья. 78. д. Старые Сыпучи. 79. Камень Сыпучи. 80. деревня Новые Сыпучи. 81. р. Прилучная. 82. Камень Гремяченский. 83. р. Шелюга Малая. 84. р. Большая Шелюга. 85. д. Потаскуево. 86. Камни Столбы. 87. Камень Дыроватый (2-й). 88. д. Марино.

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

встреча со знаменитым памятником природы на Вишере – с Камнем Писаным.

Хорошее место выбрали первые поселенцы: большая поляна на пологом склоне в устье реки Волим. Странно, напротив впадает большая речка Акчим, и угодья для разведения скота вроде неплохие. Может быть, на левом берегу была «зона», там заключённые начали строить железодельный заводик, да начальство почему-то передумало? Никаких признаков жилья - барачков и останков завода - мы не увидели. Да нам и некогда было заниматься этой историей, нас ждут более интересные места.

Отплываем. Река стала значительно шире, более глубокой, да и мы приноровились управлять плотом. Нам перекаты не страшны – это байдарочники и «надувушки» пусть беспокоятся. Хотя байдарок в те годы мы не виде-



Камень Писаный

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

ли – только деревянные лодки да рыбаков на надувных лодках. Теперь нас мало беспокоит, какой протокой проплывать мимо островов и какого берега держаться на перекатах. Воды и глубины хватает. Выходим на середину реки, вахту несут два человека – на носу и на корме. А другие любят природой, что записывают в свои блокноты. На левом берегу видны небольшие скалы, а справа надвигается громада Писаного Камня. Ничего себе «камышек», длиной в 2 километра и высотой около 100 метров! Камень сложен известняками, в нём можно найти окаменелости морской флоры и фауны. Видим две пещеры, но очень высоко от воды. А главное – на вертикальной и гладкой труднодоступной скале люди каменного века нанесли тёмнокрасной охрой рисунки, хорошо видные с реки: лось, медведь, куница, соболь, рыба, человек. А другие рисунки, а их больше сотни, размыты и плохо читаются. С трудом находим место, где можно пристать к Камню. Течения почти нет, скалы отвесно опускаются в омут. В 1949 году учёный О.Н. Бадер проводил раскопки в районе Писаного Камня и выяснил, что народы, населявшие эти места, использовали места на Камне как жертвенное место на протяжении 4-х тысячелетий. Всего удалось обнаружить около 300 рисунков на высоте от 2 до 7 метров. Но большинство плохо сохранились. Ниже по течению Писаный разделяется на две неравные части, меньшая часть называется Белоусовским Камнем. В этот распадок мы и пристали на долгий обед. От Писаного Камня река течёт на запад и сразу за Камнем – перекат, за ним остров Щипичный. На левом берегу небольшой, но очень красивый Камень Бычок. Возле речки Писанки раньше была деревня Писанская, но сейчас одни пеньки и ямы. Следующий остров Вороний, за речкой Воронья

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

– нежилая д. Воронья, да ещё и перекат Вороний. Это какая же слава воронам! Потом после серии островков и перекатов, которые легко проходим, подплываем к левому берегу, где возле Камня Сыпучи была деревня, а теперь по другую сторону Камня посёлок Новые Сыпучи. Здесь располагается Лесничество. После идут небольшие пере-



Камни. Столбы.

Вода настолько прозрачна, что хорошо видны и дно, и косачьи рыб

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

каты, речушки. Вот опять какой-то большой остров, а напротив него, на правом берегу, Камень Гремяческий. Не знаю, чем он тут гремит, но название красивое. Дальше за речками Малая и Большая Шелюга на правом берегу была деревня Потаскуево. Выходить на берег не стали – чего там смотреть? Через 2 километра острова Голосковские, за ними на правом берегу стоят красивые высокие скалы Столбы. Они выглядывают из прибрежного леса. От них река поворачивает на юг и после переката на правом берегу когда-то была деревня Мартино, а напротив – скала Камень Дыроватый. Он гораздо меньше Дыроватого Первого. Есть небольшие пещеры, отчего и название. Здесь у нас будет очередная ночёвка. Этот день сплава был самым интересным и насыщенным.

От нашей стоянки возле деревни Мартино Вишера течёт более спокойно. Основное течение возле правого берега, куда и несёт наш плот. Не доплывая примерно метров 300 до речки Велгурки – небольшой Велгурский перекат, а за ним песчаный остров. От него Вишера круто поворачивает на запад, отбиваясь от Камня Притон. Ниже Камня пристаём к правому берегу, где, по рассказам, есть очень интересная Органная пещера. Её мы возле Камня Притона не нашли. Жаль, не расспросили местных жителей, где её искать. Плывём от Притона на север и видим на правом берегу Камень Осиный – название говорит само за себя. Что-то не хочется искать ос, плывём дальше. За этим Камнем сразу видим: в Вишеру впадает небольшая речка Малый Щугор, а за ней должна быть нежилая деревня Щуга, но с плота ничего не видно, видимо, заброшена давно. Как всегда, где впадает речушка, есть Камень, на реке – остров, а за ним – перекат. За перекатом большая речка Большой Щугор: устье и долина довольно широкие.

Лист 4. Лоция (от д. Марино до д. Романиха)



88. д. Марино (стоянка). 89. Нижне-Маргинский перекап. 90. о. Велгурский. 91. д. Велгур. 92. Камень Приток. 93. Камень Осиньды. 94. р. Мальный Щугор. 95. р. Большой Щугор. 96. д. Шуга. 97. д. Долгое Плесо. 98. д. Колчим. 99. р. Колчим. 100. Камень Зелёная Береза. 101. р. Вильва. 102. д. Говорливая. 103. Камень Говорливый. 104. р. Ловорука. 105. д. Заговоруха. 106. д. Романиха. 107. д. Талица. 108. Полюдов Камень. 109. К. Ветлан. 110. г. Красновишерск.

В РЮКЗАКЕ МОИМ ДОРОГА

О Большом Щугоре нам рассказывала наш геолог в институте Р.Б. Рубель. Предположение о месторождениях алмазов на Урале высказал М.В. Ломоносов ещё в 1763 году. Но наши «светила» геологии отвергали всякие поиски этого драгоценного минерала на Урале. Но, когда началась Вторая Мировая война, перед оборонными предприятиями остро встал вопрос – делать резцы для обработки броневой стали и оружия можно только из алмазов. Были взяты бриллианты из Фондов, скупали украшения у населения, но этого было очень мало. Срочно была мобилизована часть геологов на поиски алмазов на Урале. В 1950-е годы XX века нашли алмазы на Вишере и её притоках. Крупные россыпи были открыты в долине р. Большой Щугор. Если вам, говорит Рубель, повезёт и посмотрите, где и как добывают алмазы, вы расскажете нам, хотя эти районы засекречены и вас близко к ним не подпустят. А местных жителей наверняка предупредили – держать язык за зубами.

Мы пристали к берегу, пошли в деревню, а там не скрывали, что действительно мыли алмазы выше по течению так же, как моют золото, а теперь собираются поставить плавучий завод – драгу. И когда в 1982 году я вёл команду по Вишере, в устье Большого Щугора был посёлок и контора «Уралалмаз». Драга была пущена в 1962 году. И хотя россыпи быстро истощались, но «Вишерские слезинки» были очень высокого качества и шли в ювелирное дело. С открытием Якутских алмазов роль Вишерских россыпей упала, а потом и совсем прекратили добычу. Здание конторы «Уралалмаз» ещё стояло - пустым.

Плывём дальше. За Большим Щугором левый берег Вишеры покрыт смешанным лесом, а правый – лугами. В русле реки - опять перекатики, островки. А вот и видна де-

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

ревня на правом берегу – Долгое Плёсо. Все тяжело вздохнули – будем очень долго тянуться на спокойной воде, не дай бог появится низовой ветер, наша «Амфибия» замрёт на месте. Пристали к берегу на обед. Деревня оказалась заброшенной, ни одного человека не встретили. Опять медленно плывём по спокойному плёсу, но впереди зарябила вода, скорость возросла, проходим перекат без препятствий. Река поворачивает на северо-запад и на повороте видны жилые домики на правом берегу. Это деревня Колчим, а одноимённая река впадает с левого берега. На этой реке, как и на других притоках Вишеры, тоже добывали алмазы. Сейчас деревня называется Вишерогорск, центр



На снимке – драга ищет алмазы, золото

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

сельсовета. Запасаемся продуктами в магазине. Дальше нам видна на правом берегу большая речка – Вильва и Камень Зелёная Береза. Да, если раньше на скалах росли сосна, ель – то на этом Камне – одни кудрявые берёзки. А впереди надвигается большая стена Говорливого Камня. Ошибиться невозможно. К серой каменной стене прилепилось село Говорливое, и хотя оно сейчас нежилое, но наверху хорошо видна церковь с крестом. Мы, подплываем вплотную к каменной стене из серого песчаника и весело орём:

- Кто украл хомуты?!

Эхо многократно отвечает: - Ты!

- Кто украсил здесь края?! – Я!

- Спой весёлое, тюлень! – Лень!

Это явление объясняется дугообразной формой каменной стены, длиной в два километра и высотой до 60-ти метров. Всё в этом месте «говорящее»: Камень – Говорливый, село – Говорливое, речка – Говоруха, деревня – Заговоруха.

От Говорливого Камня выплываем на середину реки, на пути – большой Кедровый остров. Какой протокой плыть, не знаем. Да и нам выбирать нечего, куда течение понесёт, туда и ладно. Глубины хватает. На одном из высоких холмов, окружённая бескрайними лесами, стоит деревня Романиха. Но на берегу всего несколько домиков, у берега несколько деревянных лодок. Значит, селение жилое. Пристаём. Оказывается, деревня состоит из двух частей: прибрежной и основной.

На лодке сидит старик и ловит рыбу. Спрашиваем у него, как добраться до Красновишерска. Плыть, говорит, на плоту вам надоест, течёт Вишера по равнине. Вот если подождёте до завтра, придёт с продуктами речной катер, может, вас и заберёт отсюда. Автомашина ходит редко, доро-

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИЩЕРЕ



га очень плохая. Вот такие неутешительные сведения нас несколько расстроили. Решили здесь закончить плавание на плоту, а там как повезёт. Старик показал нежилой дом на берегу, он ещё хороший, там, говорит, и располагайтесь. Мы так и сделали. Приплыли утром, сделаем санитарную днёвку, помоемся в бане. Разузнали, что деревня построена ещё 400 лет назад. Люди в этом краю добывали пропитание охотой, пахотной земли всего 30 га. На этой земле садили картошку, кое-кто держал коров, овец или свиней. В лесу много ягод, грибов. Многие занимались пчеловодством. Так и жили натуральным хозяйством. Сейчас есть магазинчик. Но работает всего лишь один час в сутки. Автомашина «буханка» завозит продукты раз в неделю. Надо закупить кое-что из продуктов. Школы нет. Кому очень надо побывать в Красновишерске, садится в

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

вёсельную лодку и плавает туда. Навесные лодочные моторы – роскошь. А вот когда мы плавали по Вишере 25 лет спустя, здесь на берегу уже были не отдельные домишки, а настоящий «культурно-деловой центр»: кафе, школка, мастерские - мебельная и по производству глиняных изделий, медпункт. Даже телевизоры появились (на комнатных антеннах), электричество. Есть своего рода «музей» и «художественный салон». Так жители гордо именуют избу. Музей необычный, в нём собраны народные песни, частушки, легенды, кустарные поделки, сделанные из глины и дерева местными умельцами. Нас заинтересовала легенда о двух богатырях – Полюде и Ветлане. Я записал:

«Много лет назад жили два друга - богатыря. Одного звали Полюд, другого - Ветлан. Высок и строен, как лиственница, был Полюд. Обладал он великой силой, мог с корнем вырвать любое дерево, бросал камни пудовые на сотни шагов. Ветлан был меньше ростом, зато широк в плечах. Походил он на могучий кедр. А вот силы и ловкости у них было поровну. Беда пришла нежданно-негаданно. Повстречалась богатырям красна девица. Скромная, словно берёзонька, очи чёрные горят как звёздочки, голос – что ручей журчит.

- Откуда ты, как зовут тебя, красавица?

- Вишера я, дочь уральских лесов и гор.

- Так живи с нами и дружи. Мы тебя в обиду не дадим, одевать будем в меха соболя.

Понравились ей друзья-соколы. Согласилась у них погостить, да полюбилась им обоим. Вот Полюд и говорит:

- Будь моей женой-хозяйюшкой.

И Ветлан, говорит, то же самое. Растерялась красавица, оба любы ей, оба по сердцу. Кто из них милей, не могла решить. И схватились добры молодцы в рукопашном бою.

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

Бросилась к ним Вишера, молит слёзно, пламенно – прекратить бой. Но не вняли её мольбе добры молодцы. А разбежались они в разны стороны и через голову красны-девицы стали камни метать пудовые. Шесть дней и ночей длился страшный бой. Гром и стон стояли по горам и лесам. На седьмой день из сил выбились бойцы, кровь пролили, искалечились. Поникли их буйны головы, перестали биться их сердца горячие. Превратились молодцы в горы каменные. Да и Вишера чуть живая стоит. А вода в ней осталась слезой чистой».

Вот такая интересная легенда. Какой бы суровой ни была природа к людям, они неизменно пытаются обжить её, «очеловечить», или сделать частью культуры. Одним из способов выжить является «вживление» тех или иных элементов природы, ландшафтов местности в систему мифов и легенд. В любых горах, на таёжных реках, озёрах у людей есть свои легенды, предания, сказания. Особенно этим богаты Уральские горы – благодатный материал для краеведов, историков, поэтов, этнографов.



*Мы здесь закончили маршрут,
Скорей б на Камский теплоход.
Как здорово, что побывали тут,
Алтай нас ждёт, но - через год.*

М. Владимиров

Последний костёр в нашем походе. Он особенный, ритуальный: по традиции в жаркое пламя летят рваные кеды, драные рубахи, протёртые до дыр на коленях и «пятой точке» штаны, никуда не годные носки, прочее тряпье. Как приятно после жаркой бани облачиться в цивильную чистую одежду! А на следующий день пришлёпал старенький катер, выгрузил продукты, высадил пассажиров. Теперь места для нашей команды хватит – зря волновались, вдруг не возьмёт. Наши рюкзаки сейчас лёгкие, полупустые. Бросаем прощальный взгляд на нашу «Амфибию» - её ждут печки да костры. Погода отличная, река широкая, спокойная, любуемся природой, фотографируемся. Берега, заросшие кустарником, а за ним – зелёные луга да жёлтые пашни. Некоторые деревни заброшены, из жилых – только посёлок Набережный, деревни Митракова, Морчаны. Но они нас не интересуют. Ждём с нетерпением последние высокие скалы. Вот и показалась на левом берегу мощная

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИЩЕРЕ

стена Камня Ветлан. Ещё бы – высота его больше ста метров, а длина около километра. Действительно – ботатырь из легенды! Ищем глазами на правом берегу другого «богатыря» – Полюд Камень. Ишь ты. Он убежал после драки с Ветланом аж на восемь километров от красавицы Вищеры. Издалека он напоминает скалу-постамент памятника Петру Первому в Ленинграде. Такая же застывшая каменная волна. Подплываем к городу Красновишерску. Трудно назвать это поселение городом. Деревянные бараки, дома – строителей заключённых из Соловецкого лагеря особого назначения. Они в 1926 году на месте деревни Вижаиха построили целлюлозно-бумажный комбинат (ЦБК) и посёлок. С 1932 года посёлок получил статус посёлка городского типа, а с 1942 года стал городом. Населяют сей город всего 16 тысяч человек. Это в основном бывшие за-



Камень Ветлан

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

ключённые, раскулаченные крестьяне, пленные немцы, «власовцы», «лесные братья», украинские националисты. ЦБК – градообразующее предприятие. Кроме него в городе есть домостроительный комбинат, деревообрабатывающие предприятия, пристань. Когда подплывали к пристани, ещё издали обратили внимание на «рукотворный водопад», который низвергал в чистую реку буро-зелёную массу отходов целлюлозно-бумажного комбината. А через четверть века, когда мы приплыли с ребятами на катамаранах, этого водопада уже не видели.

Из Красновишерска теплоход тащил нас по Камскому морю. Оно образовалось в прошлом (1967) году после постройки Камской (Пермской) ГЭС. Ещё торчали возле берегов сухие вершины невырубленных деревьев. Грустно



Полюд Камень

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

было думать о том, сколько же было затоплено обжитой плодородной земли в долине Камы, сколько же деревень и сёл были согнаны с отчей земли. А ведь кроме Камской ГЭС был построен Волжский каскад станций, а там сколько было погублено плодородной земли, сколько слёз пролили люди, покидая родное гнездо! Наши правители об этом не очень задумывались: нужна стране дешёвая электроэнергия и всё. Хотя за Уралом, в Сибири, были мощные гористые малонаселённые реки.



Камское море около Перми



*Не широки уральские реки,
Но былинная в скалах краса
И поверь, не забудешь вовеки
Наши горы, озёра, леса.
Из гимна уральских туристов*

Поезд из Перми равномерно отстукивает колёсами километры до дома. У нас в плане ещё посетить город Кунгур, где неподалёку находится знаменитая на весь



Река Вишера в среднем течении

ЧЕРЕЗ ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ К ГОРНОЙ РЕКЕ ВИШЕРЕ

мир Кунгурская ледяная пещера – памятник природы ЮНЕСКО. Нам, будущим географам, грех было проехать мимо этого уникального места, хотя и мы порядком измотались во многодневном походе.

А у меня ещё к пещере был особый интерес. Дело в том, что на первом курсе студенты геофака должны обязательно написать курсовую работу. Вот мой преподаватель физической географии, кандидат наук Нина Петровна Архипова предложила тему «Василий Никитич Татищев как первый исследователь природы Урала». Я засел в кабинетах Государственного архива Свердловска, читал полевые дневники Татищева, где упоминается, что он одним из первых посетил пещеру в 1714 году.

Знаменитая пещера. А длина её ходов составляет 5,6 километра. В конце августа не была сказочной. Что придавали ей ледяные сталактиты и сталагмиты, они были в феврале по апрель месяц. А искусственная цветная подсветка, мостики и перила на переходах как-то разочаровали нас: было видно, что здесь делают деньги. Нам как-то более интересными были пещеры на Урале в настоящих природных условиях, а не приукрашенные человеком для потребления. Конечно, я был ещё раз в пещере в марте месяце. Совсем другой она была при подсветке ледяных колонн, гротов, озёр.

Всё. На этом я заканчиваю описание своего первого категорийного похода.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

В СТРАНУ ЮГОРИЮ



*Путевые заметки во время туристического похода
по Северному Уралу студентов геофака СГПИ
в январе-феврале 1959 года*

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

Обзорная карта района похода на гору Чистоп на Северном Урале



СВЕРДЛОВСК -
ПОЛУНОЧНОЕ



*«Дорога с порога ведёт на восток,
На запад уходит другая...».*

А нам на север!

Идея лыжного похода в зимние студенческие каникулы принадлежит студенту второго курса геофака Толе Шумкову:

- А что если на Чистоп-гору? За полтора года учёбы в институте мы порядочно облазили Средний Урал. А зимой в горы на Северный Урал мало кто прётся. Правда, в областной МКК мы с Владимиром видели, что группа Славы Карелина собирается на Ишерим и на Денежкин Камень. Юрий Блинов идёт по Главному Уральскому хребту на г. Молебный Камень. Игорь Дятлов идёт на Отортен и на Ойка-Чакур. У Блинова и Дятлова походы высшей категории - «тройка».

- Что если мы завернём в Зауральскую тайгу - познакомиться с бытом и жизнью коренных жителей Урала - манси? Нам, будущим географам, это не лишнее, - добавляю я. Стали формировать команду. С нашего курса согласились идти в лыжный поход 4 человека, кто имел право пойти в «двойку» и имел твёрдое желание. Это Толя Шумков, Миша Владимиров, Жора Клейн, Фая Абрамова. Мы-то хорошо знали друг друга, вместе бывали в походах, на турист-

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

ских соревнованиях. Так сказать - «Птицы гнезда Рубель». Остальные шесть туристов были с четвёртого курса геофака: Слава Сердитых, Толя Бураков, Галя Рязанцева, Света Шметтер, Зина Старцева, Женя Шиловцева. Все опытные туристы-разрядники.

Началась подготовка команды. Не такто просто было одеться по сезону. Не то что в нынешнее время. Собирали «с миру по нитке». Обувь основная - лыжные ботинки на два размера больше обычного, две пары шерстяных носков, гетры лыжные. Валенки обязательно должны быть у каждого. На тело - лыжный костюм, фланелевый или шерстяной, свитер, фуфайка. На руки - две пары рукавиц: рабочие и меховые. На голову - лыжная шапочка, шапка-ушанка, шерстяной подшлёмник, шарф. Рюкзак как можно вместительней. Из группового снаряжения мы взяли два ведра, пилу двуручную, большой топор и маленький, медаптечку и техаптечку.

- Избушку построим для будущих туристов! Шутка! Хорошо вооружились - Толя Шумков взял винтовку, а Толя Бураков - ружьё. Зверя там на севере много. Да ещё и двуногого. «Ведь там сплошные лагеря, а в них убийцы!» Да вряд ли беглые зеки полезут в горную тайгу - сдохнут от голода и холода! Они зимой редко бегают. А если и побегут, то на какую-нибудь дорогу, и удрать как можно дальше «от мест сих отдалённых».

Стали изучать район похода по книгам, картам. Спросили в городском Клубе туристов - отчётов по нашему району похода не было. Это было время первооткрывателей в туризме. Мы с благоговением слушали тех, кто побывал на Денежкином Камне, на Конжаке, на Манараге. Вот и мы будем первооткрывателями - туристами хребта Чистоп! Размечтались!

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Итак, последние сборы. Капитаном команды единодушно избрали Толю Шумкова, хотя шесть походников были с четвёртого курса геофака, а Шумков учился на втором, но никто не возражал - уж очень хлопотливая и ответственная эта должность. Да и Шумков, как и я, отслужил до института в Армии три года, вместе занимались в лыжной секции, имели спортивные разряды, звание «Младшего инструктора по туризму». А Толя ещё и занимался в стрелковой секции, имел второй разряд по стрельбе из малокалиберной винтовки, что давало ему право купить и держать дома винтовку. Он с ней не расставался во всех походах.

На последние сборы пришёл наш завкафедрой физкультуры и спорта Викентий Иванович Пластинин, у него мы специализировались по лыжам. Придирчиво осмотрев наше снаряжение, он тяжело вздохнул:

«Бедновато. Палатки-брезентухи старые, печки нет, спальных мешков всего четыре на 10 человек. Лыжи узковаты, но что делать, у меня на базе других нет». Он посоветовал взять запасную лыжу, лыжные крепления. И ещё стальные пластинки, если сломаются лыжи у кого, и алюминиевый носок. «А как же нести запасную лыжу, в тайге она будет цепляться за деревья, кусты?» - «Вы будете её по очереди везти на веревочке сзади». Его советы нам потом оченьгодились.

В последний раз идём мы с Шумковым в городской Клуб туристов за путевыми документами. Группы Дятлова, Карелина, Блинова уже ушли на Северный Урал. Встречи с ними на маршрутах мало вероятны: ведь мы вначале идём на восток - к манси, а потом в горы, на Чистоп. Эх, были бы у нас рация или мобильный телефон!



Немного истории края

Название Югра (Угра) захватывает обширный район нижнего и среднего течения бассейна реки Оби и её притоков, где издавна жили племена и народности финно-угорской языковой группы: ханты (юстяки), манси (вогулы) и другие немногочисленные народности и племена. Южнее - сибирские татары. Ханты по численности намного превосходят манси. Причём, хантов больше по Оби и её крупным притокам, а также по северной тундре. Древние племена манси жили не только по восточному склону Урала и верховий крупных притоков Оби, но и в Предуралье. Если судить по сохранившимся названиям деревень, речек, урочищ, вершин гор, то южная граница их расселения простиралась до рек Сылвы, Тагила, Чусовой, Тавды и даже до Вишнёвых гор на Южном Урале. Здесь и сейчас найдёшь названия: Вогульский, Вогульская, Вогулка... Под натиском более сильных, многочисленных племён коми-зырян, ненцев, пермяков, манси были оттеснены на западный склон Урала. А с востока прижимали ханты.

Часть племён манси с западного склона Урала и из Предуралья двинулись на запад по Восточно-Европейской равнине в Западную Европу и обосновалась в Придунайской низменности, смешалась и ассимилировалась с местными племенами и образовалась венгерская национальность и государство Венгрия. До сих пор венгры сохранили внешние черты и языковые корни своих прародителей - манси.

Сейчас манси живут только в Ханты-Мансийском автономном округе и в Ивдельском районе Свердловской об-

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

ласти. Многие из них обрусели, говорят (особенно мужчины) на русском языке, но и хранят родной язык. Как и в древние времена, манси - искусные оленеводы, охотники, рыболовы. Они бережно хранят свой уклад жизни. Живущие в нашей области манси говорят на Верхне-Лозьвинском диалекте. На старой карте Свердловской области (1956 год) есть маленький кружочек - Юрты Собянина. Уж не предки ли нынешнего мэра Москвы жили здесь?



Есть такой посёлок - Полуночное

*Чёрные пихты безут за окном,
Ночь так безумно красива,
Поезд бежит торопливо.*

Поезд, поезд - мчи нас хоть к чёрту на полюс...

Ну, на полюс не ходят поезда. А вот до самого северного большого посёлка Полуночного ходят - здесь кончается железная дорога. Отсюда начинается наша лыжня на север, в страну Югорию. Посёлок уютно прилепился к самому вос-



На снимке: слева направо - Михаил Владимиров, Зина Старцева, отец и мать Жоры Клейна, сам Жора, его брат, Женя Шиловецова. Мы стараемся не глядеть на это чудо на столе - настоящие арбузы!

точному склону Уральских гор. Посмотришь налево - голубой Каменный пояс. Посмотришь направо Западно-Сибирская равнина уходит за горизонт. Какой это остряк придумал название посёлку?! Что-то тоскливое навевает само название. Да, первым поселенцам, расконвоированным зекам и сосланным сюда Приволжским немцам во время Второй мировой войны, было невесело осваивать этот пустынный горно-таёжный край на голом месте. Да их и никто не спрашивал: стране позарез нужен был марганец - без него не сварить крепкую броню для танков, сверхпрочную сталь для пушек и винтовок. Добычей марганца занималось почти всё население Полуночного.

На ночлег нас любезно пригласил участник нашего похода Жора Клейн. В доме чисто, уютно, как и полагается в немецкой семье. Самое удивительное - нас угощали... ар-



Наша команда после спуска в марганцевую шахту. Такие же вагонетки с бурьми и тёмно-серыми камнями. Сыровато и темновато. Как во всех старых шахтах.

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

бузами! Это в январе-то месяце! Это на Северном Урале-то!
Вот что значит немецкая предприимчивость.

Конечно, не всё население посёлка работает в шахтах.
Некоторые занимаются в лесной промышленности. трудятся в небольших местных предприятиях.

СЕВЕРНЫЙ УРАЛ



*Собраться в дорогу, друзья, нам пустяк –
Закинем на плечи походный рюкзак...*

Легко сказать – закинем рюкзак! Да в сложный спортивный поход его с земли-то едва отрываешь. Да ещё зимой – чего, чего только нужно в него запихать, а всё нужное.

После посещения шахты мы полдня занимались закупкой продуктов, укладкой рюкзаков, подгонкой снаряжения, сбором информации. Пообедав в последний раз в домашних условиях, мы тепло распрощались с семьёй Жоры, вскинули рюкзаки и двинулись вначале пешком до окраины посёлка, а потом по оставленной кем-то лыжне в сторону посёлка Вижай. Ходит до него маленький автобус, но надеяться на него нам местные не советовали. Да для нас, десяти человек, десяти громадных рюкзаков, десяти пар лыж - нам бы надо отдельный пустой автобус! Ну, что ж. Мы на автобус и не рассчитывали. Медленно, но всё упрямо двигаемся на север. Хорошо, местами по лыжне, местами по дороге мимо заброшенных домов. Солнце уже катится к горизонту – пора подумать о ночлеге. И вот оказался полузаброшенный лесоучасток Северный. Встречный мужик показал на пустой, довольно исправный дом, где можно переночевать. Там, говорит, окна целые, есть

печка и дрова. Так мы и сделали. Правда, сколько мы ни топили печку, спать на полу было холодно. Но что нас ждёт в тайге, в горах – мы представляли.

Утро солнечное, мороз не больше двадцати градусов. Сегодня мы должны добраться до деревни Бурмантово. Местный молодой охотник – он был одет в меховую маску и лосиные унты, посоветовал не заходить в посёлок Вижай, а перед горой Тонунёр – развилка. Уходите вправо по санной дороге. Пусть иногда её переместает, но вы на лыжах, так путь короче. Идём строго на север. Дорога хорошая, но не слишком укатанная, идти по ней легко.

Вдруг из-за поворота выскакивает оленья упряжка, на нартах сидит в меховой шубе старик, без шапки, ветер развеивает седые волосы.

- Первый манси, - поясняет Жора Клейн.

- Паче, рума! - хором приветствуем мы. Он, придерживая свою тройку оленей, встаёт и отвечает:

- Пасе, пасе! - улыбается, сквозь чёрные щелки глаз разглядывает нас, качает седой головой. Потом взмахивает длинным тонким шестом и скрывается в клубах пара и снежной пыли, только его и мы видели.

- Почему он нам ответил нам «пасе», а не «паче»? - тормошим мы Жору. - А это Верхне-Лозьвинский диалект. Некоторые говорят «пасе», что означает: «Здравствуй, друг». А едет он в Полуночное, за продуктами.

Продолжаем свой нелёгкий путь дальше. Слева видим скалы-останцы причудливой формы по берегам безымянного ручья. Справа – ровная без растительности площадка, наверное – болото или озеро. А вот и развилка дорог перед горой. Вправо санная дорога, местами переметена снегом, идёт на северо-восток. А накатанная дорога уходит на северо-запад, наверное – в Вижай.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА



Об этой развилке нам говорил в посёлке местный парень.

Санная дорога идёт по ровному лесистому берегу верхний речки Хорпии. Уже стемнело. Как далеко до деревни Бурмантово, мы не знаем – у нас нет подробной карты. Примерно километров через шесть от развилки скатываемся на лед речки. Берег очень крутой, хотя и невысокий. Нас подстерегла первая авария. Толя Бураков, у которого была привязана к рюкзаку запасная лыжа, на крутом

спуске на лёд, при падении умудрился сломать лыжу пополам. Это случилось в начале маршрута. А что будет впереди, в тайге и в горах? Запасная лыжа, конечно, мешалась под ногами, но с ней было спокойнее. На морозе, в темноте, решили не ремонтировать сломанную лыжу. А вот стал слышен лай собак. Деревня уже недалеко. Она построена на левом берегу реки Лозьвы. Деревня довольно большая, раз есть в ней школа, магазин. Здесь живут лесорубы, охотники, рыбаки. По традиции, туристы обычно ночуют в школе. Но учителя поставили условие: мы должны выступить перед ребятами.



- Так какие мы артисты?! Мы – туристы!

- Ну и что? Ведь вы будущие педагоги – всё должны уметь.

Ребятишки стали уже с любопытством заглядывать в нашу комнату. Стали думать, что мы можем сделать. Ну, песни туристские орать мы можем. Толя Бураков играет на баяне, а Слава Сердитых – на гитаре. Эти инструменты в школе есть. Шумков использует барабан. Жора подыграет на походных ложках вместо кастаньет. Галя Рязанова и Женя Шиловцева четыре года занимались в гимнастической секции. Они, как знали, захватили с собой спортивное трико.

- Пусть покажут кой-чего, решили мы. Жора у нас известный «ботало» - будет конферансье,

Сердитых с Бураковым придумали какие-то шуточные номера. В общем, экспромтом насобирали всякую всячину. Я даже сделал «доклад» о туристах: кто они такие, что едят, что пьют и куда бредут, хотя ничего не потеряли в тайге, а что-то ищут...

Наш «концерт» прошёл хорошо, в нас даже не кидали гнилые яблоки и помидоры. Наверное, их не было. В школу набралось полно ребятишек, даже пришли родители.

Деревня Бурмантово – старинное поселение. В незапамятные времена здесь стояли юрты вогулов (манси) Бурмантовых. Русские промысловики проникли сюда, облюбовали это место. Река Лозьва и многочисленные озёра кишели рыбой и водоплавающей дичью, в предгорной тайге во множестве водились лесные звери и зверьки - от белки, куницы, соболей, зайцев до лосей, оленей, медведей. Русское население постепенно стало прибывать, крестьяне взялись разрабатывать удобные места для посевов ячменя, ржи, овса, стали выращивать кой-какие овощи. Они не привыкли питаться только дичью, рыбой, кедро-

выми орехами. Деревня разрослась и стала называться Бурмантово. А когда природные богатства стали скудеть, русские стали заниматься в основном лесным промыслом. Были основаны лесоучастки, лесовозные дороги. Зимой, правда, через заболоченные леса можно было вывозить лес только зимниками. Охота и рыболовство стали подсобными видами промыслов. Манси Бурмантовы не могли терпеть притеснения на своих участках промыслов русских и откочевали подальше в глухие места.

Мы основательно запаслись на весь поход продуктами, хорошо их упаковали по рюкзакам, еще раз проверили снаряжение. Был воскресный день, и ребяташки с интересом наблюдали за нашими сборами. Их родители тепло провожали нас и благодарили за наш «концерт» и говорили:

- Приезжайте к нам ещё!

- Ну, уж нет. Дудки. Нашли артистов!

В эту главу моего повествования я внес печальное дополнение. Летом 2010 года во время страшных лесных пожаров сгорели и деревня Бурмантово, и посёлок Вижай. Жителей переселили в другие места, подальше от лесов. Конечно, государство построило им стандартные домишки, но разве они заменят родовые свои жилища, с их огородами, придворными постройками. Да и расставаться с любимой тайгой и рекой было тяжело.



Паче, Рума!

*Затерялись кочевья –
Лесов, болот здесь не счесть.
На сто тысяч деревьев
Хоть один манси есть?*

Из Бурмантово лесовозные дороги идут на север, вдоль Уральских гор, на запад – в посёлок Вижай. А нам надо искать юрту Анямова, а дороги туда никакой нет. Лишь изредка он ездит на оленях в Бурмантово или в Полуночное, но след нарт быстро переметает. Карта наша плохая, областная административная, где нет ни дорог, ни рек, ни гор, ни лесов. Берём азимут на северо-восток по компасу. Вот где пригодились соревнования по ориентированию! Рельеф слабо пересечённый. Пологий подъём от залесённых берегов Лозьвы, возвышенности, впадины. Снег глубокий, пухлый в лесу и немного твёрдый на полянках, вырубках. Вот когда мы почувствовали горечь от наших узких лыж. Крутим «метелицу»: первый лыжник снимает рюкзак, оставляет его на снегу и начинает «пахать» лыжню метров сто или сколько сможет. После этого он уступает лыжню второму участнику, а сам идёт последним. А затем тропит лыжню следующий товарищ. И так вся группа работает по прокладке лыжни. Это даёт возможность какое-то время отдохнуть, идя по проторённой лыжне. Изредка на открытых местах показывается след от нарт, а в лесу опять исчезает. Но вот мы «оседлали» просеку запад-восток, идём по ней на восток, появилась уверенность, что мы не собьёмся с пути. Наконец, появилась просека се-

В СТРАНУ ЮГОГНИЮ

вер-юг. Она непременно должна пересечь верховья реки Пелым и его маленького правого притока Лембя. По рассказам, юрта Анямова находится на этой речушке. Следующая просека идёт с запада на восток. Опять натыкаемся на след оленьих нарт. Значит, мы идём правильно. Скоро выходим на большое длинное болото, которое тянется на север. Вдали, на открытом месте, видим какое-то серое



движущееся облачко, переплетённое сухими сучками, и направляемся туда. Да это же стадо оленей! Вот отделилась от стада маленькая фигурка человека и быстро бежит на широких (не то, что у нас!) лыжах к нам.

- Паче, рума! - И мы хором, дружно отвечаем: - Пачаче, пачаче! Человечек удивлённо глядит на нас – откуда такие взялись? Мы с не меньшим интересом и удивлением вылупились на оленевода: ростика небольшого, одет в лёгкую меховую рубаху мехом вовнутрь. На ногах – высокие унты. Голова открытая. Это в такой-то мороз! Лицо безбородое, без морщин. Иссиня-чёрные волосы заплетены в две косички и перевязаны красными лентами. Кто это? Он или она? Чёрные угольки глаз насмешливо смотрят на наши сомнения.

- Юрта моя по болоту ходи. Нет далеко. Жди нас. - Значит, мужик. Это «недалеко» показалось нам километров пять! Наконец, на высоком берегу речушки видим чум и дымок над ним. Карбакаемся наверх. Чум летний, берестяной. Заглядываем в чум. Топится железная печурка, возле неё согнулась фигурка в малице. Что-то она делает с меховыми шкурами. Наши девчата быстро разобрались с обстановкой и уже сидят, греются у печки.

Это женщина. Мужчина не будет заниматься постыдным для себя делом – шить одежду. Он - добытчик! Но почему она такая маленькая, ещё девочка-ребёнок, а уже делает тяжёлую работу? Наши девы уселись возле неё и пытались разговорить – напрасно. Она не знает русского языка. Объяснялись больше жестами и мимикой. Вывели, что ей уже... 50 лет! Вот так «маленькая девочка»! То ли она дальняя родственница Петра Анямова, то ли вторая жена его. Каково-то ей зимой в берестяном чуме! Но как она ловко сшивает оленьи шкуры оленьими жилами!

А вот и приехали оленеводы Анямовы. Любезно приглашают нас в юрту. Она как-то не похожа на юрты степных кочевников. Это полуземлянка или маленькая избушка, вкопана до половины в землю. Посередине стоит печка – чувал. Она напоминает огромный, врытый в землю ствол винтовки без затвора, немного наклонный. Делается он из прутьев ивы, сплетённых в цилиндр и обмазанных изнутри и снаружи толстым слоем глины. Нижняя часть чувала полуоткрыта, в неё наклонно ставятся поленья дров, а над ними вешается котёл для приготовления еды. Очень удобно – чувал и обогревает жилище, и освещает, и можно готовить пищу в любую погоду, не выходя из юрты к костру. Юрта делится на мужскую и женскую половины. Мужская половина – более богатая по убранству. Низкие широкие нары застелены оленьими шкурами. Хозяин любезно приглашает нас, мужчин, на мужскую половину. Наши девушки (вот ведь как испортило их равноправие!) напрямик было направились на нары в передний правый угол, но хозяин твёрдой рукой остановил их и указал на левую, женскую половину юрты, около дверей. Обиженно поджав губки, они уселись на низенькую скамеечку у порога. А мы, мужчины, развалились на оленьих шкурах и пожирали куски жирной оленины. А девушки ждали, когда отколетса им что-нибудь от хозяйки. Между тем в мужском углу появилась заветная зелёная солдатская фляжка с «огненной водой». Пили экономно спирт – пробочкой от фляжки. После каждой «пробки» хозяин спрашивал:

- Ёмас?

Ему надо было отвечать:

- Сака ёмас! - Это значило – «хорошо» или «очень хорошо!». Эти первые познания языка мы усвоили «сака ёмас». После ужина мы вооружились записными книжками и



Манси Пётр Анямов у своей юрты

стали «допрашивать» манси, что как называется на их языке. После небольшого промежутка времени хозяин замолчал и выразительно смотрел на фляжку. Тяжело вздохнув, Шумков наливал ему пробочку, а на наши знаки внимания, показывал кулак. После беседы стали укладываться спать. Мужики развалились на нарах с оленьими шкурами, а девушки на женской половине у порога на полу. Мы им отдали спальные мешки, они глядели сумрачно на нас. Мы злорадно хихикали.

Не выдержав унижения, ночью они бежали ночевать в берестяной чум.

*Живут в таёжном краю
По укладу предков своих,
Берегут свободу свою –
Им не надо законов чужих
М. Владимиров*

Интересные имена и фамилии манси. Хотя они и крещёные - имена у них русские, а знают и свой язык, и говорят на ломаном русском. А жена у него совсем не знает нашего языка. Молятся всё-таки своим, языческим богам: богу огня, богу воды (чтоб дал поймать много рыбы), богу леса (чтоб была удачная охота), богу гор, да и ещё некоторым другим духам. В потайном месте молятся, прикосят жертвоприношения. Гора Ялпинг-Ньёр, по русски – Молебный Камень. Вообще-то тут сплошная чехарда в названиях гор и рек. Горы по-мансийски ИЗ, коми называют НЬЁР, ханты тоже по-своему. Когда спрашиваешь, чем манси отличаются от хантов – затрудняются ответить. Те и другие – охотники, оленеводы, рыбаки, живут по соседству, а поди ж ты! Друг с другом не дружат, фамилии свои, родовые. Имена у всех русские. Вот и нашего хозяина зовут Пётр, а фамилия – Анямов. С хантами не роднятся. Даже манси делятся на рода: МОСЬ и ПОР. Анямовы относятся к роду МОСЬ. Взять жену они могут только из рода ПОР.

Итак, мы готовимся к ночлегу. Обиженные девицы, прихватив спальники и одеяла, ушли ночевать в берестяной чум. А наша хозяйка то всю ночь брэнчала посудой, то жевала сушёную оленину и выказывала нам всё своё пренебрежение. В берестяном чуме мы так и не могли уточнить, кто же тут живёт: бедная родственница или вторая жена. А может, из-за стервы первой жены ей приходится несладко. У манси такой закон: если умер брат, его жену должен взять старший или младший брат.

Утром мы продолжили свои записи, потом переоделись (для фотографии) в их одежду. Потом стали меняться лыжами. Анямовы с таким азартом (даже нелюдимая жена Петра), смехом и визгом катались с крутого бережка на наших лыжах, что мы стали всерьёз опасаться за целостность на-



На снимке: «лжеманси» - Фая Абрамова и я. Только ноги не в унтах

ших лыж. Ну, как дети! А мы опробовали лыжи, покрытые камусом. На них не покатаешься, зато как хорошо ходить по глубокому рыхлому снегу.

- А куда вы пойдёте дальше?

- На Чистоп.

- На Чистопку? Ай, не ходи! Худая гора.

Когда мы спрашивали, в какой стороне Чистоп, манси показывал на восток.

Мансийское название горы - Сисуп. Есть предание: вершина горы во времена всемирного потопа не была залита водой. Здесь сохранилась сухая площадка, на которой спаслись пять мансийских семей. Среди них был и грудной ребёнок. Плач его был слышен в любом конце площадки. Поэтому, главную вершину хребта Сисуп назвали НЯВРАМ-ЛЮНЬ-СИМ-СЯХЛ-АЛА, что означает: «вершина

горы, где плакал ребёнок». Вершина хребта Сисуп (по-русски Чистоп) напоминает собой спину лошади (СИС - спина), а его самую высокую вершину называли ЛУВ-СЯКВУР, что означает «лошадиная титька». Значит, вогулы знали и лошадь. Не на оленях же они кочевали в Европу: ягель по пути там не растёт! А вот что мне удалось выудить из книг дома, в библиотеке. Известный учёный этнограф и археолог Тан-Богораз считает, что северная полоса таёжного Приобья начала заселяться в первом тысячелетии до нашей эры. Слова «Сибирь» (у манси – Сипыр, у хантов – Себар, у татар – Сибыр) созвучны. Какое-то древнее племя обитало на севере. У воинственных степняков-гуннов (царь Атилла завоевал даже Рим!) были воины неких северных племён - Сёпыр и Себар. Скрещивание гуннов с аборигенами привело к образованию манси и хантов. Они стали звать себя уграми (юграми). От ненцев они переняли оленеводство. Потом финно-угорская общность распалась – образовались коми, ханты, манси, мари, мордва, удмурты, суоми, карелы, эсты. А до этого Угры смешались с племенами из Приаралья. От них они переняли коневодство. Мансийские слова имеют параллели в языках персидском, осетинском, курдском, чеченском: «жена», «хлеб», «железо», «собака», «богатырь». У манси не было письменности – только фольклор да иероглифы. Этнограф, профессор В.Н. Чернецов создал азбуку для манси. Русские звали эту народность «вогулы», что означало это слово – «дикие». Ну, не обидно ли было слышать такое!?



На Суеват-Пауль

*Мчи меня, олень,
В мою страну оленью,
Где сосны рвутся в небо,
Где пока я не был -
Мчи туда, лесной олень.*

Да, кого-то мчал лесной олень, но только не нас, мужиков. Анямов ехал по делам к брату и любезно пригласил наших девушек довести на оленях до Суеват-Пауля. Подумав, он запряг ещё одну тройку и погрузил наши рюкзаки. По накатанной дороге двое нарт исчезли из виду. Представляю, как наши девицы злорадно хихикали, мстя нам за холодную ночь в берестяном чуме. Налегке, мы бодро бежали на лыжах вслед за нартами. Местность равнинная, сосновые леса сменяются болотами, много вырубленного леса. Вместо него уже поднялся в рост молодой сосняк. Погода замечательная – без ветра, солнечная. А вот и показались четыре юрты Суевата. Недалеко стоит большая военного типа палатка. Опять на болоте около стойбища пасётся стадо оленей. Незавидный корм зимой у северного оленя. Ну, что за еда на болоте: верхушки кустарников, пучки жёсткой осоки и ещё каких-то высоких трав. То ли дело лето! Какой вкусный и питательный ягель! А на лесных взгорках полно грибов - самое большое лакомство для оленя. Да и трава вкусная, сочная. Но олень такое животное – сам зимой из-под снега достаёт корм. Но вот и наши спутницы. Братья Анямовы приглашают нас в юрту отобедать. Мы не сильно сопротивлялись – больше для

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

виду. Разве заменит наша каша с консервами жирную, питательную вкусную оленину? Оглядываем убранство юрт. Они стандартные, как и в Лемья-Пауле. Нас приглашают ночевать в юрту, но тут поднялся «бунт на корабле»: девы наотрез отказались ночевать в юрте:

- Мы такого унижения не потерпим больше! - Мы посмеиваемся:

- Да ведь в юрте тепло на оленьих шкурах! Оказывается, они уже разведали, что в большой палатке живут геологи, остался один сторож, места много – геологи ушли в горы на маршрут. Скрепя сердце, нам пришлось согласиться ночевать в палатке. Там оказались даже двухъярусные



В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

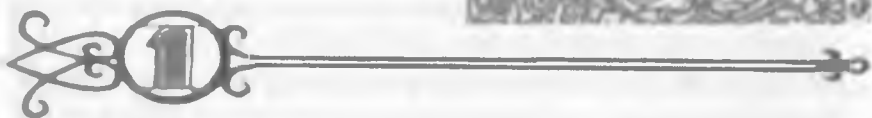
кровати, спальные мешки. Посередине палатки полыхала жаром «печь-буржуйка». На столбе верещал радиоприёмник. Сторож (тоже геолог) оказался словоохотливым и опытным человеком. Нам было о чём поговорить – мы в институте тоже два года изучаем геологию.

Конечно, нас очень интересовала геология Северного Урала и особенно массив хребта Чистоп, что они ищут. Геолог объяснял в общих чертах – мы это знали из карт по геологии. А вот что геологи делают зимой на маршруте – он уклонялся от прямого ответа. Да и нам ясно, что не всё можно рассказывать всем, кому попало. Но вот что о нашем маршруте можно было узнать – геолог на своей карте очень подробно показал, а Шумков записал в своей тетради.

Утром, увидев, что от стойбища манси ведут две санных дороги, мы на всякий случай спросили Анямова, по какой из них нам идти на Чистоп. Он ответил:

- Не ходи на Чистопку! Ай, худая, худая гора. - И махнул рукой на дорогу, идущую на восток.

ДАЁШЬ ЧИСТОПКУ!



*Нас не пугают ветры тугие
И бескрайность таёжных болот.
Может, вспомнят о нас
И туристы другие,
Если зимой на Чистоп
Соберутся в поход.*

М. Владимиров

Сегодня 2 февраля. Ясная, морозная погода. Идём строго на запад по зимнику. На западе, вдаль на горизонте, высятся огромный, протянувшийся на 30 километров, горный массив Чистопского хребта. Он стоит особняком от Главного Уральского. Зимник – это зимняя дорога. Дорога, если по ней постоянно ездят. А здесь сейчас кому ездить? Разве только одиноким охотникам манси. Да и их след от нарт вскоре заносит снегом. А кто для них будет чистить дорогу. Чистят там, где регулярно вывозят лес к основному автозимнику.

Теперь начинается самая трудная и опасная часть похода. Рассчитывать на поселения и избушки не придётся. Болота, возвышенности, «гривы» с чахлым лесом. То и дело приходится тропить лыжню – санный след теряется. Небольшие речушки журчат под снегом.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Однообразие и безмолвие вдруг взрывает треск тяжёлых птиц. Пересекая заболоченный берёзовый лес, наступили на норы ночевавших под снегом косачей. Растерянно падит из своей «пукалки» (малокалиберной винтовки) вслед улетающей дичи Толя Шумков. Да где там! Хоть он и первоурядник по стрельбе, да не каждый охотник может подбить из ружья неожиданно поднявшуюся и пулей летящую в лес птицу. А ружьё у Толи Буракова спрятано в рюкзаке. И тут Слава наступает на лунку в снегу. Прямо под лыжами бьётся зазевавшаяся птица. Слава лихорадочно бьёт её лыжной палкой и... О! Удача! Тетерев в руке торжествующего парня. Не буду описывать, сколько шуток и



пожеланий было высказано сконфуженному капитану и его злополучной винтовке. На ужин у нас будет суп что надо!

Пройдя по длинному болоту, мы снова наткнулись на след оленьих нарт и стараемся его не потерять. Ориентируемся по затёсам на высоких деревьях. Круто спускаемся в речушку, ширина метра четыре. Наверное, это приток Лозьвы – Большая Манья. О ней говорили и манси, и геолог. Санный след поворачивает на северо-запад, куда он поведёт, мы не знаем. Снова идём на запад по азимуту. Небольшой уклон, наверное, спускаемся к Лозьве. А вот и река, покрытая ледяным и снежным покрывалом. Лёд там, куда сбегает вода из прибрежных ключей.

Время обедать, но обеденный привал с разведением костра и приготовлением еды займёт часа два. А зимний день ох как короток. Капитан команды Толя Шумков предлагает ограничиться холодным перекусом. У нас есть варёная оленина, колбаса, сало на такой случай. Воды из реки не достать. Хорошо, что несколько фляжек с горячим чаем завернули в тёплое и засунули в валенки. Конечно, чай остыл, но пить можно. А вот с хлебом и колбасой была неувязка. На морозе в рюкзаках они так застыли, что пришлось рубить топором. Но хотя день и солнечный, но мороз начинает щипать ноги в лыжных ботинках. Оглядываемся кругом, но вершины Чистопа пока не видно: с реки через высокий хвойный лес её не увидишь.

Мы пожали плечами – чего это он показывает в другую сторону. Достав карту и взяв азимут, пошли по следу нарт на запад. Вскоре на чистом болоте мы потеряли след. Но пройдя длинное болото, снова нашли след и стараемся его не потерять. ориентируемся по затёсам на высоких деревьях.

Перейдя на правый берег, мы вошли сначала в пойменный кустарник, а потом - в густой сосновый лес. Начался очень крутой подъём, пришлось снимать лыжи и ползти вверх, цепляясь за камни, кусты. Вершины Чистопа не видно. Пётр Анямов говорил, что если мы выйдем на просеку, которая ведёт на гору Тёмную, он в этих местах часто охотился, то лучше ночевать на этой горе – Чистоп будет перед глазами. И вправду, вскоре мы находим просеку. По компасу определяем – на запад! На вершину горы мы взобрались, когда солнце ушло за гору и стало быстро темнеть. Вершина горы напоминает наш шихан: большие камни и редкие деревья. Почему гора называется Тёмной горой? У геологов на карте обозначена Верблюжья гора. Может, есть ещё один горб-вершина? На вершине есть ровное место меж двух мрачных чёрных скал и редких корявых кедров и кривых берёз. Мы поставили палатки, разрыв снег до земли и сделав подстилку из кедровых веток. Ветер усиливается. Тяжёлые лиловые тучи клубятся внизу между нашей горой и Чистопом. Место утрюемое, какое-то гнетущее чувство наполняет нас. Разводим жаркий костёр, сухой кедр горит очень хорошо. Меняем лыжные ботинки на валенки. В ведре аппетитно булькает несчастный косяк. Одного его на десять голодных ртов мало, добавляем в суп говяжьей тушёнки. Дежурный рубит топором заледеленый хлеб. А ещё на ужин большое лакомство, вместо чая - какао! После такого ужина чувствуем, как усталость покидает нас. И вот уже девчата запевают песню:

*Какао, да на сгущённом молоке,
Какао – дрожит стакан в моей руке,
Какао, мечты сбываются мои,
Зачем мне кофе и чаи,
Когда я пью какао!*



«Холодный перекус» - А. Шумков, Ф. Абрамова, М. Владимиров,
С. Шметтер

Разморённые едой, расползаемся по палаткам. Но ветер стал завывать сильнее. Скалы издают какой стонущий звук. А на душе как-то беспокойно, жутковато... Ночью вижу сон – на палатку навалился медведь и душит меня. Пытаюсь кричать, но не слышу своего голоса. Оказывается, пошёл ночью обильный сырой снег, пеньковые оттяжки не выдержали снежной массы и лопнули. Кое-как выползаем из завала, укрепляем палатку. Но сон уже беспокойный. Утром делимся впечатлениями – всем приснилось что-то страшное, не мне одному. Пока готовили завтрак, тучи разбежались, появилось солнце, ветер утих.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Это хорошо, ведь сегодня предстоит восхождение на Чистоп и удачным оно будет или нет – зависит от погоды. Оглядываем окрестности. Мы находимся почти в седловине между северной вершиной и южной. Южная даже несколько выше. И вправду – гора Тёмная похожа на спину двугорбого верблюда. Эта уже гора, где мы ночевали, часть хребта Чистоп. Значит, пока погода установилась – идём сегодня на штурм главной вершины. Более тщательно укладываем рюкзаки. Сегодня утром очень холодно, морозно, ясно виден массив хребта Чистоп. Берём азимут на главную вершину.



Мы на Чистопе!

*Лучше гор могут быть только горы,
На которых ещё не бывал...*

В. Высоцкий

Утром, 4 февраля, спускаемся с нашего «верблюда» и по просеке тропим лыжню к перевалу между Верблюжьей горой и Чистопом. Спуск пологий. Выпавший ночью снег лежит мягким чистым покрывалом и легко режется лыжами. На деревьях, как клочки ваты, лежат подушки снега, и идущему впереди не очень комфортно, когда от легкого ветерка обрушивается холодный комок. Просека заросла молодым соснами и берёзками, кустарником, но по ней пробираться к цели всё же уверенней. После перевала начинаем подъём на основную вершину. Сосново-берёзовый лес меняется на кедровый. Они перемежаются с соснами-великанами, белоствольными берёзами и сухостоем. Подъём становится всё круче и круче. Местами не помогают и наши зигзаги, приходится снимать лыжи и переползать через каменные заборы. Хорошо, что погода солнечная, а в густом лесу не чувствуется ветер, он шуршит по верхушкам высоких кедров.

Наконец, кедровый пояс сменяется берёзовым криволесьем – значит, скоро гольцовый массив. И вот мы вылезли на открытое пространство. Скоро солнце скроется за дальней горой. А пока мы разглядываем хребет – где же главная вершина. Наконец, Шумков, как самый зоркий указывает на крохотный чёрный треугольник – пирами-

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

ду. Достаём компаса и засекаем азимут на неё, пока она освещена заходящими лучами солнца. После короткого совещания, Шумков принимает решение – штурмовать вершину. Конечно, если узнает МКК, что мы идём на неё на ночь глядя – могут дисквалифицировать. Не хочется опять через заросли берёзового криволеся спускаться вниз, в кедровый пояс. А вдруг завтра испортится погода и мы вообще не найдём вершину. Быстро оставляем лыжи на границе леса, берём медаптечку, небольшой запас про-



В СТРАНУ ЮГОРИЮ

дуктов, валенки, натягиваем шерстяные подшлемники, меховые рукавицы, берём с собой лыжные палки. Фирновый снег со впаянными в него мелкими камнями не оставляет наших следов. Пологие участки сменяются крутыми – тут очень помогают лыжные палки. Бросаем прощальный взгляд на уходящее за вершину солнце, а по впадинам уже клубятся тёмно-лиловые тучи. И вдруг, за уходящим солнцем, прямо над пирамидой, вспыхивает «Вечерняя Звезда» - Аврора (точнее – планета Венера). Это для нас добрый знак, это – надёжный ориентир в безлунную ночь. Но до вершины ещё далеко, девчата уже выбились из сил. Капитан принимает решение: кто чувствует в себе силы, пойдут вперёд, а остальные, не растягиваясь, вместе двигаются за ними. Ни в коем случае не стоять на месте и не разбегаться! Пошли на вершину Шумков, Клейн и я. Возбрались на вершину уже ночью, нашли полузасыпанный каменный тур, извлекли записку Пермских туристов (они были здесь летом), положили свою. Оглядываем окрестности, невольно поворачиваемся в сторону горы Отортен, слабо белеющую на северо-западе. И вдруг замечаем ярко светящуюся точку и длинный хвост. Ракета! Наверное, команда Дятлова взяла вершину и празднует победу.

Мороз где-то под тридцать градусов. Быстро скатываемся вниз, навстречу основной группе, и вместе стараемся бежать вниз. В лыжных ботинках можно обморозить ноги. Всё время сверяемся по компасу, очень темно, не видно даже леса. Подбежали к лесу, но где наши лыжи и рюкзаки? Делимся на две группы: одна идёт вправо по границе леса, другая – влево. Сигнал – фонарик. Но он ненадёжен – на морозе батарейки сели и еле фонарик показывает красную нить. Спички – надёжнее. Наконец, где-то метров за 200, вспыхивают огоньки. Все быстро движемся к спаса-

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

КАРТА ГОРНОЙ ЧАСТИ ПОХОДА НА ЧИСТОП



На Выхай

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

тельным рюкзакам и лыжам. В полной темноте спускаемся вниз наугад, нашей лыжни не найдёшь на твёрдом снегу мелкого березняка. Надо скорей спуститься в кедровый пояс. Но спуск в темноте по очень крутому склону весьма



В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

труден. То и дело раздаётся треск сучьев и приглушённый вопль. Идём туда, вытаскиваем из-под снега неудачника, ползём дальше. И вот он, наконец, кедровый густой лес. В первую очередь надо найти спасительный сухой кедр. Фонарики не светят. Ощупью обнимаем каждое дерево. И вот радостный возглас: - Здесь сухара! Собираемся вокруг толстого кедра – топлива хватит на всю ночь. Кто-то пилит дерево, кто-то выгребаёт снег – место для палаток, кто-то ломает зелёные ветки ели, кедра для настила под палатки, кто-то разводит костёр - все работают быстро и слаженно. Сказывается опыт предыдущих походов. И вот уже на костре булькает в вёдрах вода, усаживаемся на кедровые брёвнышки, начинаем менять лыжные ботинки на валенки. Но ноги в двойных шерстяных носках примерзли к ботинкам, с трудом отдираем их от подошв, растираем пальцы спиртом. Слава богу, обморожений нет. У кого-то есть ещё запасная тёплая одежда, от кого-то идёт пар как от горячего костра. А вот и желанная команда от дежурных по «кухне»:

- Жратва готова! Давайте посуду! - Повторять не пришлось. А Жора, заискивающе поглядывая на Шумкова, робко осведомляется:

- А сака ёмас на ужин будет? - Толя достаёт заветную фляжку и великодушно предлагает:

- Заслужили. Но только по две пробочки! - Все довольно смеются. А после горячего ужина, хотя и время полночь, никто не спешит в холодные палатки и спальные мешки. Ещё долго над тайгой звенят песни – туристы народ такой! Как бы и не пережили за ночь всякой опасности. Напоследок готовим сухие кедровые поленья и смолистые щепки на растопку, бережно укрываем ветками - а вдруг ночью повалит снег, каково будет дежурным утром!

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

Я, как всегда, задержался у костра - пишу дневник. Это не только моя служебная обязанность в команде, но и личная потребность во всех походах. Я делаю заметки, зарисовки, пишу этюды (если есть такая возможность). Зимой, конечно, не таскаю этюдник - ограничиваюсь альбомчиком или записной книжкой.

*Тихо над кедрами шуршит снегопад,
Сучья трещат на огне...
В эти часы, когда все уже спят,
Что вспоминается мне?...
По берегам уж замёрзших рек –
Снег, снег, снег...*

Это уж созвучно песни Городницкого. А что? В 1950-1960-е годы, на заре развития туризма в стране, у нас было мало своих туристских песен - пели песни геологов, изыскателей, пиратов и зеков. Ну и кое-что из кинофильмов.

Но время уж залезать в холодный спальный мешок – сегодня мне «повезло»! Я сплю в спальном мешке! А за палатками трещит мороз. Если кто верит в романтику спать на морозе в палатке - пошлите его куда-нибудь... в Заполярье!

А если кто и говорит, что в старом ватном спальнике комфортно - ложь!

Ну, а каково тем, кто спит под тонким суконным одеялом? Зато они спят в серединке. Медведь заде рёт крайних. Шкурнический интерес!

*Так вспомним же завалы снежные,
Застывший лес и лыжню на снегу,
Когда с тобою, друг надёжный,
Плечом к плечу мы шли в тайгу
Из песни туристов*

От костра дым голубыми струйками подымается к макушкам могучих кедров и сосен. Вроде и ещё и рано

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

вставить – пусть дежурные прокричат «подъём», но в промёрзлой палатке что-то скучновато лежать. Ведь у нас вторая холодная ночёвка подряд. Сегодня тоже ждёт нас очень трудный путь к реке Лозье. Это мы в институте мечтали, глядя на свою плохонькую карту, как здорово и легко скатимся по какой-то безымянной застывшей речушке прямо к Лозье. А теперь поняли, что на ней ещё больше глубокого пушистого снега.

Главное, не запутаться в вершинах и отрогах хребта Чистоба – ведь раскинулся аж на 30 километров. Главное, не ошибиться в речушке, а вдруг она впадает в Северную Тошемку! Спуск очень крутой, завалы деревьев отнимают много сил, но и наша речушка (скорее ручей) завалена огромными валунами. Главное, держаться её – течёт на восток. Туда и нам надо. Всё время нас терзает мысль: не сломать бы лыжи. Умудрился же Бураков сломать даже на ровном месте. Осторожно, серпантинном, проходим крутой спуск и спускаемся в развилку ручьёв. Сейчас долина стала шире и спуск положе, но зато больше цепкого кустарника. Все облегчённо вздохнули, когда под заснеженными камнями стало слышно журчание речушки. Она сменила направление на юго-восток – куда нам надо. Бредём по берегу, опять крутим «метелицу». Лес разомкнулся и за поворотом открылась большая поляна. Вдруг, кто-то закричал:

- Собачки, собачки бегают! Значит, тут где-то и охотники, и жильё. Но как только мы вышли на поляну, «собачки» вмиг растаяли в лесу. Что бы это значило? Обычно, охотничьи собаки, завидев чужаков, бросаются к ним и отчаянно лают. А что это темнеет на дне речушки? Подходим ближе. Боже мой! Это были не «собачки», а стая волков. На крутом берегу речки лежит растерзанная туша большого

рогатого лося. Видимо, волки долго преследовали добычу, загнали его на речку, лось попытался перескочить на другой берег, но он оказался очень крутым, в глубоком снегу. Тут-то и волки догнали зверя. Он лежал на боку, кругом снег окрашен кровью, перерезано горло и вспорот живот. Звери в первую очередь лакомятся внутренностями. Туша лося ещё слегка дымилась паром. Мы задумались, а что если бы волки напали на нас, оберстая свою добычу? У Толи Буракова ружьё разобрано и лежит в рюкзаке, а «пукалка» Шумкова вряд ли испугала бы этих хищников.



В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Вообще-то волк всё-таки боится людей, а тут ещё вывалилась такая орава. Они предпочли пропустить нас с миром.

Встреча с волками возбудила нас, мы стали ещё энергичнее прокладывать лыжню. Вдруг капитан Шумков останавливает команду и заявляет:

- Мы сделали большую ошибку. Надо было от лося отрубить мяса. Он ведь не падаль, он зарезан волками!

- А что? Вот у тебя в руках винтовка – иди и отруби, сколько сможешь унести, а мы тебя здесь подождём, - ехидно предлагает Жора. Толя как-то кисло поглядел на него, поправил лямки рюкзака, и ни слова не говоря, пошёл вперёд, тропить лыжню.

Километров через пять мы стали подыскивать удобное место для ночлега.

Как же это трудно ночевать в брезентовой палатке, зимой, без печки, в снегу!

ДОМОЙ!!!



*...Назад, к вину и куреву,
Житью культурному –
Скорее нас, начальник, отпусти!*

Из репертуара зеков

Ночь начиналась над лесным краем, долгие сумерки густели в чащах, и только костёр трещал, временами разгорался под холодными порывами ветра, нарушая ночную тишину. Обдутые ветром верхушки деревьев и свободные от снега ветки начали быстро преображаться, толстели, разбухали на глазах, покрывая цепким, крепко-игольчатым инеем каждую тонкую веточку в могучие мохнатые пальцы.

У жаркого костра хорошо просидеть бы всю ночь, но греет он только одну сторону тела, а другая покрывается инеем. Холодеет. Сквозь поредевшую, потончавшую к вечеру небесную муть проступила жёлтым пятном луна. Лес быстро накапливал ночную стылость, деревья раскатиисто потрескивали, словно отдалённые выстрелы. Надо забираться в студёную палатку, одному у костра, усталому от тяжкого перехода, можно задремать и обгореть.

Сегодня моя очередь дежурить по походной кухне. Не знаю, удалось ли мне поспать или всю ночь провёл в холодной дреме? А под утро заметно, что луна снизилась,

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА



порозовела, а мороз стал ещё крепче. Жаль, что не взяли с собой термометр.

Снова скрипят лыжи, спины. Ну хоть бы один следочек от нар! Пробуем идти по речке – ещё хуже. В густом лесу, под

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

крышей елей и сосен, всё-таки легче идти, но дорогу преграждают иногда упавшие деревья-великаны. Густой лес чередуется с открытыми местами - то ли лужайками, то ли болотами. Холодный перекус. Скорей бы выйти к большой реке - может наткнёмся на санный след. Но солнце уже задевает верхушки сосен, мы, наверное, уже в пойме Лозьвы. А вот и синеет впереди полоска леса, змеей скользя по ровному месту. Ну, конечно, это Лозьва! Настроение поднялось. Речушка не подвела, пришли куда надо. Выходим на реку, здесь снег укреплен ветром. Берега реки начинают расти на глазах, появляются то с одного берега, то с другого скалы. И вот мы входим в узкое место: слева крутой лесистый склон, справа скалы. Искать удобный путь уже нет сил. А река меж двух скал становится узкой, ворчит под снегом вода. Уже сумерки густеют. Шумков подходит к большому тёмному пятну на реке, ударяет палкой и легко пробивает лёд. Но это не одно опасное место - дальше тоже видны тёмные пятна. Жгучий мороз не сумел сковать реку в пороге или перекате. Что делать?. Назад возвращаться нет сил, на берег - не вылезешь: скалы, крутой берег. Принимаем решение - идти напролом! Отвязываем верёвки от палатки (они в палец толщиной), обвязываем Шумкова, другой конец привязываем к двум лыжным палкам. Приготовили страховку, когы и никудашину. Вот он осторожно переступает по льду, ударяя лыжной палкой в лёд то слева, то справа. Если палка справа уходит в воду - он ступает влево. Мы с замиранием сердца следим за ним, понимая, если он провалится под лёд, нам его не спасти. Прошёл! На душе стало повеселей.

Такая доля руководителя похода - идти первым в опасный путь. По проложенному следу, по одному, со страхом, вся команда проходит опасные места. Только Света Шметтер умудрилась у самого берега провалиться ногой вместе

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА



с лыжей в небольшую промоину. Что делать? Дров поблизости нет, мороз, темень. Вскоре ботинок обледеневаает, невозможно снять его. Кто-то кричит:

- Вижу огни! - А Света заявляет, что нога у ней не успела промокнуть. Выйдя из теснин, нас терзает ветер и мороз. Вот и бараки, освещённые фонарями. На лай собак выскакивают мужики и бабы, тащат с нас рюкзаки и лыжи, тянут в бараки. Там тепло, играет радиола, все присутствующие навеселе. Они заботливо помогают стянуть с нас замёрзшие ботинки, растирают ступни водкой, предлагают расположиться возле горячей печки. Мы благодарны им, согреваемся и оживаем. Только Шметтер стонет – у ней всё-таки обморожение ступни. Она скрыла от нас, что зачерпнула воды в ботинок. Нам говорят, что едет завтра начальник в Вижай и быстро доставит её в больницу.

Осматриваемся и соображаем: что же за публика приютила нас? На длинном столе стоят бутылки с водкой и вином, все возбуждены и весело отплясывают под гармошку, поют и танцуют. Особенно привлекла наше внимание женщина средних лет, в ватных штанах, в кубанке, с папиросой в зубах и очень вульгарными выражениями. Наши девицы стараются не показывать своего отвращения к ней. Нас усаживают за стол, кормят и поят, и вот уже вместе с ними поём советские песни вперемежку с уголовными вроде «Мурки» или фрайера Соловьёва, которых «бедных бичей на Саян завербовал и не отпускает к вину и куреву, житью культурному». Разморённые теплом, усталостью, вином мы быстро засыпаем. Наутро пришел к нам в барак главный инженер лесоучастка и заявил, что обмороженную Свету он заберёт до Вижая и возьмёт кое-что из тяжёлого снаряжения. Поедут они на лошадке с лёгкими санями. По дороге Света узнала, что он выпускник Свердловского Лесотехнического института, проходит здесь практику. Но этот лесоучасток особенный: здесь работают расконвоированные зеки и осуждённые на отдалённое поселение. Мы этого не знали и вели себя без комплексов, вместе пили, пели, танцевали. Они проиграли в карты начальника лесоучастка, он успел сбежать, и вот его молодого специалиста поставили «Гражданином Начальником». Но он тоже постарается «рвануть когти» при удобном случае. А то зарежут – вот и вся игра!

У нас уже лёгкие рюкзаки, по накатанной дороге мы спокойно докатились до посёлка Вижай. Дело к вечеру Шумков с помощью «молодого специалиста» договорился, что нас подбросят до Ивделя на лесовозе, если студенты не струсят. Мы уже многое чего пережили и не стали раздумывать – скорее бы добраться до дому. Уместившись на

брёвнах лесовоза, тесно прижавшись друг к другу, терпя холод и встречный ветер, мы благополучно прибыли в Ивдель, нашли школу и стали располагаться к ночлегу. Славу Сердитых и Толю Буракова послали в магазин за продуктами. Но они вернулись не одни, а вместе с милиционером. Его заинтересовала личность наших друзей: рваные телогрейки, мерзкая щетина на лицах, грязные подшлемники на головах – ну чем не беглые зеки!

Проверив наши документы, милиционер отпустил наши души с богом.

А утром поезд «Ивдель-Свердловск» бодро отстукивал километры до Свердловска. Мы уложились в контрольные сроки и 11 февраля уже были на лекциях. Свету положили в городскую больницу, где она пролечилась целый месяц.

Песня спортсменов лыжного туризма

Уйдут назад недели, дни и ночи,
Но ни дела, ни долгие года –
Про дым костров и тяжесть переходов
Забывать нас не заставят никогда.

Ты помнишь день, как в рюкзаке осталось
По два горелых, чёрствых сухаря,
Валила с ног свинцовая усталость,
Багровым светом встретила заря?

Но в мире нет товарища надёжней,
С таким пойдёшь в любую глушь и даль,
С которым, здесь, в снегу, в глуши таёжной
Делил покрытый инеем сухарь.

Так вспомним же завалы снежные,
Застывший лес и лыжню на снегу,
Когда с тобою, друг надёжный
Плечом к плечу мы шли в тайгу.

ПО СЛЕДАМ УМОЛКНУВШИХ ГОЛОСОВ



*Ветер, скалы и снег,
Лишь только они видали,
Как бился за жизнь человек,
Как наши друзья умирали.*

Моисей Аксельрод

Мы не опоздали к началу семестра. Только Света Шметтер лежит в больнице - обморожение ступни оказалось серьёзным. Мы с Шумковым часто заходим в городской Клуб туристов, благо он находится на улице Пушкина, всего в одном квартале от нашего института. Интересно знать, как сходили или идут другие группы туристов по Северному Уралу. Самыми первыми после нас должна прийти группа Дятлова: её контрольный срок был 12 февраля. Но особенно ни у кого не вызывало тревоги - ну, задержались на два-три дня, ничего особенного. Группа была очень сильная и хорошо подготовлена. У них даже была палатка с навесной печкой. Родители забили тревогу 17 февраля. В УПИ стали формировать группы спасателей, брали туда только мужчин, опытных туристов-спортсменов.

21 февраля вернулись благополучно группы Юрия Блинова и Сергея Согрина и сразу стали готовиться к поисковым работам. Тогда же группу Владислава Карелина остановили в Ивделе и попросили, у кого есть ещё силы

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

- принять участие в поисках группы Дятлова. Вместе с Карелиным согласились студенты третьего курса геофака Владимир Скутин, Владимир Шавкунов и Евгений Сердичев - брат Славы Сердитых из той же группы. И 22 февраля в район похода под Отортец вертолётом забросили группу Бориса Слобцова и Моисея Аксельрода. Был создан Штаб по поиску группы Дятлова. От нашего института в него вошла наш преподаватель геологии и туризма Раиса Борисовна Рубель. От неё мы узнавали новости по поиску пострадавших. Было такое сообщение: охотник-опеневод манси, переходя от реки Лозьвы в Ауспию обнаружил полузасыпанную палатку, но в ней никого не



На снимке: раскопанная палатка

оказалось. Почувяв неладное, он поспешил в Вижай и послал телеграмму 16 февраля. Но почему-то в последующих публикациях этот факт нигде не упоминается. Только 24 февраля поступило сообщение, что манси обнаружили остатки последней стоянки в долине Ауспии перед злополучным восхождением дятловцев на Отортен. И только 26 февраля группы Слобцова и Шаравина заметили угол занесённой снегом палатка и стойку. Раньше писали, что вертолёт летал в этом районе и увидел занесённую снегом палатку. Это не соответствовало *истине*. находка Слобцова и Шаравина дала ориентиры, где искать погибших. А сомнений в том уже ни у кого не было.

В УПИ был создан оперативный штаб по поиску погибших туристов, куда вошли бывалые туристы и альпинисты. Обком партии подключил часть охраны ИвдельЛАГа, следователя, прокурора, криминалистов. Штаб возглавил самый опытный мастер спорта по туризму Евгений Масленников. После того, как нашли палатку, все поисковые группы сосредоточились на поиски в этом районе. Привлекли и местных охотников-оленоводов манси родов Куриковых и Анямовых. А группы Слобцова и Шаравина по следам, которые уходили к Лозьве, нашли под одиноким кедром остатки костра и замёрзших, раздетых, с обожжёнными руками Юру Дорошенко и Юру Кривонищенко. В это же время проводники манси с собакой нашли ещё двоих – Игоря Дятлова и Зину Колмогорову. Игорь лежал полузасыпанный снегом в 1100 метрах от палатки, а 850 метрах от палатки собака в снегу нашла Зину, одетую, но без обуви.

А тем временем, 28 февраля, Чрезвычайная поисковая комиссия Свердловского Обкома партии приняла решение продолжать поиски до конца. И 4 марта по пути



Игорь Дятлов

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

подъёма от костра к палатке проводники нашли Рустема Слободина, примерно в 950 метрах от палатки. Он лежал под снегом. Всех пятерых увезли в Свердловск на обследование и захоронение. Хотя военные упорно стремились похоронить их в Ивделе.



Между тем, поиски остальных погибших всё время продолжались. Одни группы сменялись другими, активно работают военные из ИвдельЛАГа. Огромными, высотой в два с половиной метра, зондами, сделанными из толстых прутьев арматуры, метр за метром исследуют предполагаемое место гибели. И только лишь в мае, когда с открытых склонов интенсивно таял снег, в ход пошли и лопаты. Приблизительно в 50 метрах от кедра вытянули какие-то тряпки. На глубине 4 метров зонд захватил кусочек

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

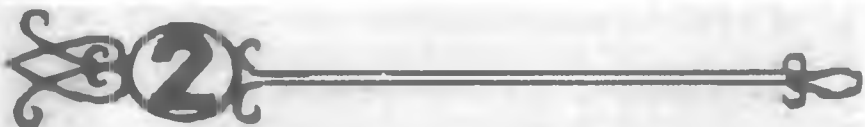
одежды. И на дне оврага, в самом русле ручья, лежали тела трёх мужчин и Людмилы Дубининой. Ребята изменились до неузнаваемости: отсутствовали мягкие ткани лица, нет глаз у Тибо, а у Люды ещё и языка. Может, грызуны постарались?

Всю зиму и весну Свердловск бурлил, негодовал, возмущался непонятной гибелью политехников. Не было достоверной информации. Первый секретарь Свердловского обкома партии Кириленко распорядился все материалы засекретить, гробы не вскрывать, похоронить тайно на Михайловском кладбище. Но студенты и преподаватели всё-таки узнали, и пришло на похороны очень много народа. Восемь погибших похоронили вместе, а Сашу Золотарёва, по настоянию родителей, на Ивановском.



В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Каждый год, уже более полвека, родственники, однокурсники, друзья и все, кто знал дятловцев, 2 февраля приходят почтить память этих молодых людей, так и не узнавших настоящую жизнь.



Кто убил группу Дятлова?

*Сделал подлое дело
Случай злой и мороз.
В этой последней схватке.
Сильным и закалённым,
Хоть и боролись смело,
Сдаться смерти пришлось.*
Андрей Востряков

Кто или что? Этот вопрос мучает всех, кто знал дятловцев или всех, кто неравнодушен к нелепой смерти девяти молодых студентов и выпускников Уральского Политехнического Института. Ведь они могли стать талантливыми инженерами, учёными, а им было всего лишь за двадцать с небольшим лет! За полсотни лет со времени их гибели сколько написано книг, статей, версий, домыслов, но всё-таки никто точно не знает настоящей причины. Помню первую книгу корреспондента газеты «На смену» Юрия Ярового «Высшей категории сложности»: там сплошные недомолвки, даже фамилии другие. Ясно, что он боялся написать страшную правду, хотя был там в самом начале поисков пострадавших. Это же было время шестидесятых годов, могло и не поздоровиться автору.

Сейчас выдано «на гора» 27 версий гибели туристов, но нет одной бесспорной и окончательной, пока не откроют свои последние секреты военные и специальные службы. Большинство авторов считает всё-таки военную версию.

Я не выдвигаю своей версии, хотя во время гибели группы Дятлова мы находились ближе всех – в 20 километрах

и в то же время. Мы, это группа студентов Свердловского педагогического института (руководитель А.С. Шумков). Я в походах всегда вёл свои наблюдения, зарисовки, делал фотографии. В своём архиве нашёл записную книжку, где сохранились некоторые интересные заметки нашего похода. Мы делали восхождение с востока, от юрт Анямовых (Лемья-Пауль и Суеват-Пауль) в одном переходе до хребта Чистоп. А третьего февраля у нас был ночлег на Верблюжьей Сопке, одной из вершин Чистопского хребта. Обращаю внимание, что ночью был сильный ветер, который сменился таким снегопадом, что не выдержали оттяжки палаток. А утро было солнечным, морозным. На главной вершине Чистоба (а он выше г. Отортен), мы были ночью и наблюдали пролёт какого-то светящегося предмета, подобно метеору, но летевшего горизонтально с запада на восток, между нашей горой и Отортеном. Сначала мы подумали, что это группа Дятлова взяла вершину и пустила сигнальную ракету. Позднее призадумались – видна ли была обычная сигнальная ракета за 20-30 километров? Никаких огненных шаров, взрывов ракет, бомб за время похода мы не видели и не слышали.

А версия «кровавой бани», которая озвучивалась вначале, не подтвердилась. Вначале и арестовали ближайших манси, но потом отпустили. Они даже очень помогли со своими собаками в поисках трупов под снегом. А версия Александра Буянова (Санкт-Петербург), который очень основательно упаковал в толстую книгу версию о том, что «политехники» попали в снежную лавину – смехотворна. Она созвучна с версией Моисея Аксельрода, который утверждал, что взрыв какой-то бомбы вызвал обвал снежной лавины - тоже не оправдана. Никакого взрыва мы не слышали, никакой воронки никто не нашёл. Были и ещё

версии об испытании нейтронной, психотропной бомб и последующей «зачистке» тоже сомнительна. Ведь надо было иметь специальный политок, выгнать обитавших здесь манси Бахтияровых, Собяниных, Куриковых, Ахямовых и других. Да и почему этот район не «закрыли»? Версии о НЛО, якобы кто-то видел их, тоже беспочвенны. Зачем инопланетянам дикий север и кучка людей? В рассекреченных документах указывается о Чистопском испытательном военном полигоне, но где признаки его? Может, под этим фальшивым названием существовал полигон совсем в другом месте?

Было много сообщений об огненных шарах над Северным Уралом. Видимо, было что-то такое, но никто толком объяснить не мог. Вогги у нас было такое сообщение. Дело в том, что мы, студенты геофака, которые ходят регулярно в походы, собирались обычно на Новый год на квартире у кого-нибудь из свердловчан. Вот и провожали злополучный 1959 год и встречали Новый Году Маргариты Куприяновой. Отец её, полковник, имел хорошую квартиру в центре города и всегда радушно принимал полуголодных студентов-бродяг. Был среди нас и Владислав Карелин. Он участвовал непосредственно в поисках потиблих политехников. Конечно, разговор зашел и об этом печальном событии. Мы стали «допрашивать» Славу, какая причина погубила его охотных туристов-друзей. Он отвечал уклончиво: или не знал, или дал подписку. Он говорил, что официальная версия такая. Кто-то из команды вылез из палатки, увидел что-то страшное и закричал диким голосом. Все ринулись из палатки, кто через вход, а кто через разрезанную палатку - полураздетые, полуобутые, и ринулись вниз в спасительному лесу. Потом он добавил, что они были слепые, раз бросились бежать не в долину

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА



И. Дятлов



А. Золотарёв



З. Колмогорова



Р. Слободин



Ю. Дорошенко



Ю. Кривонищенко

В СТРАНУ ЮГОРИЮ



А. Каленатов



Л. Дубинина



Н. Тибо-Брицвальд



В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

Ауспии, куда была лыжня, их прежняя стоянка и лабаз с тёплыми вещами, запасом продуктов, а в противоположную сторону – в долину Лозьвы. Но тут в разговор вступил полковник Куприянов:

- Когда были вывезены поисковые отряды студентов домой, у перевала осталась команда солдат. Поздно вечером сержант докладывает по радиации, что видит, как с главного Уральского хребта, с запада на восток катится несколько огненных шаров, они делятся и катятся в нашу сторону.

- Что делать? Я приказываю: - Действуйте по обстановке. Остались в палатке. Пронесло, все остались живы, но натерпелись страху.

Почему? Много «почему». Почему очень опытные туристы стали ставить палатку на голом склоне. Помешал ветер, тучи над Отортеном? Ничего не стоило спуститься на километр вниз на свою прошлую стоянку и переждать непогоду. Нашёл же Слава Карелин воли отказаться от восхождения на Чистоп, раз вершину затянуло тучами и дул сильный ветер. Почему и когда трое туристов получили несовместимые с жизнью травмы? У Людмилы Дубининой оказались сломанными 10 рёбер и обширное кровоизлияние в сердце. Золотарёв имел 6 сломанных рёбер, Тибо-Бриньоль имел вдавленный перелом черепа со вмятиной 9 на 7 сантиметров. Если бы это случилось в палатке, как они смогли бы бежать к реке, к лесу. На носилках одного человека вдвоём недалеко унесёшь. А следов на снегу находят 9 пар и шаги около метра. Значит, все бежали. Почему тёплая меховая куртка Люды Дубининой оказалась на мёртвом Золотарёве? И ещё много всяких «почему».

Прошло полвека со дня гибели команды Дятлова, но так и всё ещё неясно, отчего они погибли. Друзья и пре-

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

подаватели УПИ бережно хранят память о дятловцах, уже более двадцати лет существует общественный фонд «Памяти группы Дятлова», руководят им академик П.И. Бартоломей и заведующий лабораторией кафедры ювелирного искусства Уральской архитектурной академии Юрий Константинович Кунцевич. Он собрал в общей сложности около тысячи текстовых документов и столько же фотографий: воспоминания друзей, родственников, следователей, криминалистов по этой катастрофе. Публикации материалов получили большой резонанс не только в стране. Сейчас приехали в УПИ представители американской кинофабрики ГОЛЛИВУД, будут снимать фильм трагедии на Северном Урале.

ЛЮБЛЮ Я АЛТАЙ – ЗОЛОТОЙ ЭТОТ КРАЙ

ЛЮБЛЮ Я АЛТАЙ – ЗОЛОТОЙ ЭТОТ КРАЙ



Телецкое озеро



Порог на Абакане

*Пеше-водное путешествие по Восточному Алтаю
третьей категории сложности туристов геофака СПИ
в августе 1960 года*

АЛТАЙ – ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ



*Заманили алтайские дали –
Горы, реки, озёра, тайга...
Ещё здесь мы с тобой не бывали.
Наша здесь не ступала нога.*

М. Владимиров

Вот мы уже на третьем курсе. Декан объявил, что дальняя практика по экономической и физической географии будет на Алтае. Ура! Мы и мечтать не могли, что сможем сходить в поход и даже завезут на Телецкое озеро. Дорогу и питание нам оплатит институт. А команда у нас готова: все, кто ходил на Вишеру, в полном составе имеют право пойти в пеше-водный поход по Алтаю. Опять зашелестели карты, книги, начались консультации в городском клубе туристов. Что же мы узнали о горном Алтае? Конечно, преподаватели нам кое-что рассказывали об этом крае. И на практике покажут и геологию, и природу этого интересного района нашей страны, но нам этого мало. Решили выбрать маршрут на восточном Алтае, от озера Телецкого через Абаканский хребет и сплав по реке Абакан до посёлка Абаза.

На лекциях нам говорили, что название «Алтай» с тюркского языка переводиться как «золотые горы». Ко-

ЛЮБЛЮ Я АЛТАЙ – ЗОЛОТОЙ ЭТОТ КРАИ

нечно, золотишко там тоже есть, но некоторые учёные не согласны. Если расшифровать слово так, что из термина «алтын» взять первый слог «алт», то второй слог «ай» - означает «луна». Выходит – горы «золотая луна»? Со слогом «алтын» многие согласны, а причём тут «тау», когда во втором слоге есть только одна буква - «а»? Правда, у древних народов Сибири слово «золотой» означает - «красивый», «видный». С первым словом многие согласны, но ведь можно расшифровать название как «ала» - хребет, горы, а «тай» - тау, тоже горы. Выходит: горы – горы? Ерунда получается.

В Алтайский край входит Горно-Алтайская автономная область (сейчас – республика). По природе она делится на северный Алтай (житница края) и южный, горный, где находится самая высокая вершина Сибири – гора Белуха (4506 м). Алтай – очень большая горная страна, протянулась с северо-запада на юго-восток на 2000 километров и делится на наш Алтай, Монгольский и Китайский.

Наш поход пойдёт по Советскому Восточному Алтаю. Здесь нет остроконечных вершин с вечными снегами и ледниками, только снежники во впадинах на склонах гор, да и то не везде. Но быстрые горные реки с многочисленными водопадами и порогами, с кристально чистой водой, глухая тёмнохвойная тайга покрывает склоны высоких гор и невысокие хребты, много горных озёр, буйная растительность, богатый животный мир ещё не до конца истреблённый двуногими хищниками в наше время. Да это потому, что здесь нет не только железных дорог, шоссе - даже грунтовых дорог, а только тропы, по которым ходят крупные звери да ездят на лошадях немногочисленное местное население. Природа нетронутая сохранилась в Восточном Алтае ещё и потому, что здесь с двадцатых годов прошлого века на обширной территории был создан

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Алтайский государственный биосферный заповедник. Конечно, трудно было оберегать такую землю в прошлые годы немногочисленной охране от браконьеров, но в наше время у них есть рации, моторные лодки, вертолёт. Да и не каждый браконьер проникнет в сей заповедный край без пропуска, рискуя получить приличный штраф, а то и уголовную ответственность.

ЛЮБЛЮ Я АЛТАЙ – ЗОЛОТОЙ ЭТОТ КРАЙ





Телецкое озеро – жемчужина горного Алтая

Опять жемчужина!? Местные краеведы и писатели уж очень стараются прославить свой красивый и заповедный уголок и прибегают к художественному сравнению. Так есть «жемчужина» на Южном Урале – озеро Тургояк, а в Украинских Лесистых Карпатах – озеро Синевир, а на Западном Тянь-Шане – озеро Сары-Челек и так далее. Если река, то непременно красавица, если тайга, то нехоженая.

Вот и нас наши преподаватели завезли на «жемчужину» Западной Сибири – озеро Телецкое. Озеро находится в межгорной котловине на стыке Абаканского хребта и западного Саяна. С севера озеро ограничивает невысокий хребет Торот, с запада высятся горы хребта Алтынту, на юге – Чулышманское нагорье, а на востоке - хребет Корбу. Озеро заполнено 40 кубическими километрами чистой пресной воды. В него с окружающих гор впадают 70 рек и несут воды 150 временных водотоков. А вытекает только одна полноводная река Бия. Почти каждая речушка впадает в озеро водопадом – такие крутые берега. Самый большой и известный – водопад на одноимённой реке Корбу. Его высота 12 метров. Озеро имеет длину 77 километров, очень глубокое, ледниково-тектонического происхождения. Название дали русские землепроходцы, которые около 400 лет назад пришли сюда, где жило племя «телесов». А местные племена алтайцев до сих пор именуют его «Алтын-Коль», что означает «золотое озеро». Опять здесь не только весь Алтай «золотой», но и хребет Алтынту. Есть легенда:

ЛЮБЛЮ Я АЛТАЙ – ЗОЛОТОЙ ЭТОТ КРАЙ

«Давным - давно жил молодой, но очень гордый пастух Чокуп. Нивесть откуда у него был огромный золотой камень, и он не боялся ни холода, ни голода, ни врагов, надеясь, что этот камень спасёт его от всех напастей. Однажды боги разгневались на алтайский народ и в деревню пришёл страшный голод. Чокуп пытался выменять самородок на какую-нибудь еду, но его попытки были тщетны. От злости пастух зашвырнул камень подальше в озеро с высокой горы, да и бросился вниз за камнем вслед. Вот отсюда и пошло название озера».



Водопад Корбу.

На снимке: наша первая группа третьего курса геофака СГПИ во главе с нашим деканом Ефимом Лукичем Шуваловым, по учебнику которого учился географии весь Советский Союз.

Из 15 человек нашей группы 9 были туристами-разрядниками

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Самый крупный населённый пункт на озере – село Артыбаш, а в километре от него - турбаза, где и остановилась наша группа практикантов. На катере, который тащил на буксире плашкоут, нас повезли на водопад Корбу. А мы любуемся неповторимой красотой озера, на зелёно-синие хребты, уходящие вглубь, на снежники на северных склонах озера, на небольшие, но очень красивые в лучах солнечных водопадики. Стрекочет кинокамера в руках Толи Шумкова, щелкают затворы фотоаппаратов. А я, пристроившись на корме, делаю этюды. Они мне потом пригодились для моих картин.

Водопад Корбу, конечно, произвёл на нас огромное впечатление. Мы о других мощных водопадах в мире знали только из учебников да книг. Появились предложения искупаться, но кто пробовал окунуть руки или ноги в ледяную воду, что-то быстро скисали. От водопада катер повёз нашу группу обратно в Артыбаш, а нас, туристов, высадил в посёлке Яйлю, откуда начнётся наш поход.

Яйлю – уникальный большой посёлок на прибрежной террасе. Здесь центральная усадьба Алтайского государственного заповедника, который образован в 1932 году. Нигде в России не живёт столько народу в заповеднике, как здесь. Сотни людей! Обслуга и охрана заповедника, неподалёку – турбаза. Здесь всё необходимое могут купить охотники, рыболовы, туристы. Тайга со смешанным лесом плотно прижала посёлок к воде. Мы в музее узнали, что в 1900 году для императорского дома Романовых была построена прогулочная паровая яхта. Только не сказано, как же эти важные особы добирались сюда! Наверное, от крепости Бийска была какая-то дорога до Телецкого озера.

После оформления пропуска на территорию заповедника, после закупки продуктов, настала пора начинать

наш пеший маршрут. Как назло, погода испортилась. Холодный ветер с Бии (низовик) нагнал дождевую завесу на озеро. Мокрое облако, осевшее на прибрежных хребтах, заклубилось и наконец стало открывать отвесные, поросшие хвойной щетиной берега, пепельно-оранжевые вершины. По ним змеились языки снежников. Облака сползали к озеру, но ветер набрасывался на них и они бесились, растворяясь в воздухе. А потом открылось небо, невероятно чистое и синее. И пепельные вершины, и берега, и свинцовое озеро осветило солнце.

О чистоте озера говорит нам сам факт: когда бидон с топлёным маслом мы поставили охлаждать, он упал набок и укатился вглубь метров на пять по дну. Попытались выудить его длинным шестом с крючьями на конце – куда там! Пришлось делать «кошку» и царапать ею по дну. После больших трудов вытащили наш драгоценный бидон. Измерили глубину – не меньше десяти метров, а нам казалось в чистой воде метра три – четыре.

Наш «штатный» рыбак Володя Орлов даже в дождь бегал по крутым берегам с удочкой, но улов его был ничтожный. Он обратился к одному местному алтайцу:

- Что, у вас в озере нет рыбы?

Скуластое бурое лицо мужика расплылось в ехидной улыбке. Он высмеял нашего рыбака и заверил, что рыбы полно, но надо знать, где, когда и чем ловить. И поведал, что главная рыба – сиг. А кроме него ловят еще тайменя, ускуча, хариуса и других рыб (около десятка наименований). А ловить на крутых, уходящих в глубину, скалистых берегах – пустое занятие. Рыбе нечего кушать. Она ловится там, где в устьях больших речушек песчаное или илистое дно. Или в больших заливах, как Камгинский, Чулышманский. А у Толи Шумкова на его мелкокалиберке поставили

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

в конторе пломбу и строго наказали, что пока не выйдем на реку Абакан – не снимать её. В любой момент может проверить охрана.

- А если медведь нападёт, что делать? - Гомерический хохот сотряс стены конторы.

- Ты тогда медведю глаза замазывай и «делай ноги»!

- Так чем замазывать-то? – принял шутку наш капитан.

- Так к тому времени уже будет чем! Опять дружный хохот охранников.

А вообще-то в алтайской тайге, особенно в заповеднике, много всякого зверья и птицы. На то он и создан заповедник. В музее мы видели чучела бурого медведя, лося, волка, горного козла, глухаря, улара, косача, рябчика, а также мелких зверушек и пичужек. Но главный охотовед сказал, что случаи нападения на людей крайне редки. Не надо их беспокоить или убегать – зверь любит догонять для себя еду и бросится за вами. Потом попросил нашу карту, покачал головой, нанёс границы заповедника и важные ориентиры по маршруту. Что делать – на заре туризма получить точную топографическую карту было не-



возможно. Вот и перерисовываем схему у других групп, а те в свою очередь тоже где-то у кого-то снимали и даже на таких картосхемах много погрешностей. Хорошо, когда попадутся на маршруте геологи или другие изыскатели, и дадут уточнить наши картосхемы.

ПО АЛТАЙСКОЙ ТАЙГЕ



Мы начинаем свой поход, покинув посёлок Яйлю. Сразу за небольшой второй террасой тропа очень круто идёт вверх. Да и тропой её назвать трудно: на высоких соснах и пихтах есть зарубки, ориентируясь по ним, серпантинном лезем вверх. Хребет невысокий, но очень крутой. Торот является отрогом очень большого хребта Абаканского. Обливаемся потом, цепляемся за толстые ветки и стволы деревьев. Ох, эти первые шаги похода, когда на двадцать дней надо тащить не только запас продуктов, но и личное, групповое снаряжение, да ещё скобы, гвозди, пилу, топоры для постройки плота. Впереди ни одного жилого дома не предвидится. В лесу душно, хоть бы маленький ветерок обдувал наше тело да отгонял этих кровопивцев комаров, да эту зловредную мошку. Раствор диметилфтолата быстро смывается с кожи потом. Но всё-таки мы одолели этот крутой подъём на хребет Торот. Километров через восемь выходим на тропу и здесь полянка, буйно заросшая высокой травой и кустарником. Отсюда открывается чудесный вид на всё Телецкое озеро. Оно действительно напоминает огромную голубоватую жемчужину в обрамлении малахитовых гор.

Тёмнохвойная тайга, где растут в основном ели, пихты, кедры, временами сменяется редколесьем, где нашли

ЛЮБЛЮ Я АЛТАЙ – ЗОЛОТОЙ ЭТОТ КРАЙ

своё место осины, берёзы, рябины, попадаются на пути полянки с жимолостью, красной и чёрной смородиной, таволгой. А иногда нога ступает по увлажнённым местам с небольшими болотцами. Хотя и идём прямо по хребту кругом лес и свирепствует мошка – нет даже лёгкого велерка. Ночевали около большого верхового болота. На нём растёт морошка. Мы такую ягоду никогда не видели – нам ещё не довелось побывать в тундре. Удивительно вкусная ягода



На снимке: ягодка морошка крупным планом

и необычная. Спелыми оказались ягоды жёлто-оранжевого цвета, а не красного, как у брусники. Примерно километром через 15 тропа привела нас к лесному таёжному озеру Кижимир или Кочимир: на карте так, а местные называют по-своему. Подходы к нему болотистые, заросшие густыми кустарниками

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

берега, даже Орлов - рыбак ушёл разочарованным от берега. Болото, где мы ночевали на его берегу, оказалось непроходимым – трясина, предательские «окна». Пришлось делать крюк в 3-4 километра, огибая его. Далее – «тайга, кругом тайга и мы посередине». Начинается спуск в какую-то долину реки, неужели в Камгу? Спускаться легко, а вот подыматься наверх оказалось круто. Подъём длился около четырёх километров – скоро должен быть перевал Минор, если верить нашей карте. Так и есть, перевал находится в седловине двух невысоких вершин. А справа от перевала высится голец Минор. Именно голец – безлесная вершина. Какой юморист из топографов или геологов назвал перевал и вершину Минор?! Наверное, ему тоже нелегко с грузом было тащиться по крутому склону и проклинать свою жизнь и страдать от злостного гнуса, обливаться потом. Утешение только, что он за это получал хорошие деньги, а мы истязаем себя добровольно. Хорошо отдохнув, двигаемся дальше. Вроде скоро должна быть речка Малый Сык-Тызыл (так пометил на нашей карте охотовед в Яйлю). Если идём правильно, вскоре должна появиться речка Большой Сык-Тызыл. Всё совпадает, мы вышли на слияние этих речек. Впереди ещё остаётся, не ошибиться в верховьях двух рек – Абас и Байгол, ведь долины на плоском водоразделе трудно определить, а тут ещё на пути завалы леса после урагана, гари после грозы, зверовые тропы. Определились правильно, по долине Абас должны попасть в реку Коный, а она-то точно приведёт нас на реку Большой Абакан.

Дальше наш путь идёт по тропе, которая ведёт на кордон на реке Большой Абакан. А так как кордон давно закрыт, по тропе не ездят наблюдатели, то тропа местами заросла высокими травами, местами можно спутать со

ЛЮБЛЮ Я АЛТАЙ – ЗОЛОТОЙ ЭТОТ КРАИ

звериными тропами. А крупного зверя здесь много. Но он летом сытый и избегает встречи с людьми, да ещё с такой оравой. А туристы на Абакан добираются разными путями, нам не попалась ни одна группа, ни одна стоянка. На одной полянке около ручья, в окружении мощных кедров, увидели бывший лагерь когда-то ездивших на лошадях охранников заповедника, сохранилась большая колода - ванна из кедра, видимо она служила лошадям на водопое. Наши девчата быстро сообразили, как сделать баню: постелили в это большое корыто полиэтиленовую плёнку, нагрели на костре горячей воды, отогнали мужиков подальше собирать кедровые орехи. Вскоре до нас донёсся восторженный рёв довольных «матросих». Хорошо отдохнув, мы снова идём по водоразделу рек Оби и Енисея, залесённому, местами заболоченному, преодолевая старые гари, густое мелколесье. Ну, наконец-то мы услышали шум воды и вскоре вышли к реке Конный - левому притоку Абакана. Самый трудный участок преодолели, мы не заблудимся теперь, река приведёт нас на Большой Абакан. Правда, тропа то появляется, то оказывается на том берегу. Алтайцы знают, где есть броды среди бушующего потока воды, больших камней в русле. Но как только тропа исчезает, мы ищем брод и находим тропу. И так семнадцать раз за день по ледяной воде, уровень который иногда достигал до пояса. Остановились на ночлег там, где в Конный впадает речушка Кубул (или Кабул?). Слева по ходу высится высокая гольцовая вершина, откуда берёт начало речушка. Неужели это и есть самая высокая вершина Абаканского хребта? Смущает название на карте - гора Кабул. А в конторе заповедника нам назвали эту гору Кубул. У нас на неё запланировано восхождение. Остановились на ночлег в устье речушки.

В РЮКЗЛКЕ МОЁМ ДОРОГА



ЛЮБЛЮ Я АЛТАЙ – ЗОЛОТОЙ ЭТОТ КРАЙ

Встали пораньше, чтобы успеть за день подняться на вершину, а гора около 2000 метров от уровня моря. Ну, мы стоим не у моря, а где-то на высоте около 800 метров, так что подъём будет около 800-900 метров, должны подняться и спуститься за один день. Палатки и рюкзаки оставляем без присмотра у реки, авось не найдутся охотники до чужого добра: это не город, здесь свои таёжные законы. Берём с собой лишь два рюкзака с продуктами, водой, накидками от дождя. Толя Шумков, внимательно разглядев карту, заявил, что мы теперь уже вне заповедника, можно снять пломбу с винтовки. Илья Овчинников берёт топор. От реки сначала невысокий подъём по глухой тёмнохвойной тайге, без тропы, по азимуту. Капитан предлагает делать на высоких деревьях затёсы, или заламывать молодые стволы берёзок или рябинок, чтобы на обратном пути точно найти свой лагерь. Подъём становится круче, а лес - реже. Выходим на границу лесного пояса и гольца. Впереди застывшие волны небольших хребтов, а над ними возвышается на горизонте наша вершина. Идти по гольцовому склону, по каменным плитам и россыпям гораздо легче, чем через дремучую тайгу. То и дело взлетают от нашего шума каменные куропатки, тяжело хлопают крыльями горные индейки - улары. Шумков никак не может попасть в летящую дичь, но одна пулька всё же достигла цели - он гордо несёт улара. Все восхищены, чудесный будет ужин.

Без рюкзаков подниматься на гору одно удовольствие, да ещё ни комаров, ни мошки нет. Да ещё и солнце ярко светит, да и нет жары, сказывается высота. А вот и сам пик вершины, на нём стоит четырёхгранная деревянная триангуляционная вышка. Вспомнишь поневоле описания геодезиста-писателя Федосеева, как они за сотни метров

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

таскали брёвна, чтобы поставить вышку. Отличный вид открывается нам: до самого горизонта, то переплетаясь, то разбегаясь тянутся хребты не только Восточного Алтая, но и западного Саяна, а между ними вьётся ленточка Абакана. Тайга подступает к самым вершинам, и лишь отдельные гольцы протыкают зелёное одеяло тайги. Не случайно некоторые хребты носят название «тайга». Например - «Ергак-таргак-тайга», или «Ажу-тайга».

Вдоволь полюбовавшись видами, сняв их на фото, киноплёнку, мы бисто спускаемся к Абакану. Наше имущество никто не похитил.



*К большой реке я наутро выйду,
А завтра лето кончится...
И подавать я не должен виду,
Что помирать не хочется*
Из песни «Перекаты»

Сегодня у нас последний день пешего похода – должны выйти на реку Большой Абакан. В переводе с ойротского (алтайского) языка означает «отец-река». Действительно, это самая длинная большая река на Восточном Алтае. Берёт начало в Саянах и через 495 километров отдаёт свои воды Енисею. Её большой левый приток – река Коный, становится мощным потоком. Опытные туристы, если были бы у них такие плавсредства как байдарки, надувные лодки, катамараны, плоты могли проплыть на Абакан, но в наше время (напомню, это был 1960 год), о таких лёгких маневренных судах мы и не знали. Древесный плот и деревянная лодка – вот и всё.

Опять перебираемся через глухую тайгу, но вскоре хорошо заметная тропа уходит от Конья. Штурмуем небольшой хребет и начинается спуск в долину Абакана. Впервые этим маршрутом – от озера Телецкого до Большого Абакана совершили в 1929 году знаменитые советские альпинисты - сибиряки братья Абалаковы. Кстати, Евгений Абалаков - конструктор самого хорошего рюкзака (которые есть и у нас), так и называется «абалаковский». А учёный-путешественник Алтайского заповедника Е.А. Косарев в 1954 году проложил конную тропу из Яйлю через перевал Минор к кордону на Абакане.

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

А вот и чрез могучие кедры и ели просвечивает серебристая полоска воды, проходим через прибрежную поляну и над каким-то строением трепещет флаг, да ещё и очень оригинальный. С одной стороны на зелёном фоне огромная белая ступня. А с другой стороны – на синем фоне рука утопающего. Ясно, команда совершает тоже пеше-водный маршрут.

Строение оказалось большой избой, но почти без крыши. Рядом полуразрушенная то ли баня, то ли амбар. Это всё, что осталось от кордона Алтайского заповедника. Это был конечный северо-восточный пункт охраны, а сейчас граница заповедника ушла несколько выше по реке. В такой полуразрушенной четырёхкомнатной избе мы застали группу туристов Томского политехнического института. Они тоже недавно пришли, а сейчас отдыхают. Мы быстро познакомились, устроили у большого костра совместный обед, нам было о чём поговорить, ведь они мало что знали об уральских туристах, а мы – о сибиряках. У них в команде из девяти человек было всего две девушки, а у нас из десяти... шесть! Предложили обменять часть наших «матросих» на парней, но встретили такое негодование в глазах наших спутниц, что «торги» не состоялись.

Стали обсуждать наши планы: из чего и как строить плоты. Томичи ещё не плавали на плотях, но поскольку они сибиряки, то скептически отнеслись к нашей «Амфибии-2». Наша конструкция показалась очень длинным плотом и ненадёжным, раз состояла из двух секций – плотов. Заверение, что мы испытали её на Вишере, не убедило их. Сказали, что плот у них будет из толстых сухих кедров, ему не страшны никакие перекаты и пороги. Ну да ладно, бог им судья.

ЛЮБЛЮ Я АЛТАЙ – ЗОЛОТОЙ ЭТОТ КРАЙ



*На снимке: крайний слева - автор, второй справа – Толя Шумков
Обратите внимание на голову туриста-томича в круге.
Он самый молодой в команде и зовут его Глеб. О нём – позже*



На Абаканском кордоне

Созданный в 1932 году Алтайский госудрственный природный заповедник занимал очень большую площадь – около 1 миллиона га. В его владения входили большая часть Телецкого озера, правобережье реки Чулышман, бассейн Верхнего Абакана и часть Западного Саяна. Для охраны были построены 8 кордонов, 16 таёжных избушек, подготовлено 1220 километров конных троп. Мы пришли на кордон, на границу северо-восточной точки заповедника. Алтайский заповедник в 1951 году был ликвидирован, а в 1958 году – восстановлен. В 1961 году опять ликвидирован, но в 1967 году снова восстановлен, но его территория уменьшилась на одну треть. Административно 80% земли заповедника были изъяты у Горно-Алтайской автономной области и 20% - у Хакасской автономной области. Раньше вся эта территория использовалась местными жителями. Одного только кедрового ореха заготавливалось несколько тысяч тонн. А пушнина, рыба, ягоды – разве сочтёшь!

Небольшое отступление: когда я писал эту главу, нашёл интересные сведения в Интернете о семье Лыковых. Оказывается, какое-то время Карп Лыков служил на этом кордоне наблюдателем. Из описания же журналиста В.М. Пескова мне представлялись Лыковы эдакими таёжными робинзонами, 41 год не общались с миром, ходили в звериных шкурах, добывали огонь трением. Оказывается, это не так. Родиной они из Нижегородской губернии, после раскола церкви бежали через Урал в село Ялуторовское Тобольской губернии. Но спасаясь от гонения, расколь-

ЛЮБЛЮ Я АЛТАЙ – ЗОЛОТОЙ ЭТОТ КРАЙ

ники уходили в глухие горно-таёжные леса. Интересно об этом пишет научный работник и наблюдатель заповедника Тигрий Георгиевич Дулькейт в своей книге «Лыковы». Он несколько раз встречался с Карпом Лыковым. Когда началась коллективизация и народ насильно стали сгонять в артели и колхозы, три семьи и близкие родственники двинулись по реке Бие на Телецкое озеро, а потом от Яйлю по реке Лебедь через Абаканский хребет на реку Большой Абакан. Совсем как мы шли на Абакан. Шесть семей организовали Кержацкую Заимку. Но это территория заповедника, пришли наблюдатели в форме и с винтовками, братья Карп и Евдоким бросились бежать, но Евдокима смертельно ранили, а Карп убежал в тайгу. Потом Карп за-



«Гнездо Лыковых» на Верхнем Абакане

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

брал жену и ушёл в верховья Абакана. Но и там его нашли наблюдатели заповедника, один из них, Данила Молоков, узнал Карпа и предложил устроиться наблюдателем на кордон. Но в 1946 году в верховьях Абакана работала военная экспедиция топографов, и офицер удивился, что Карп не был на войне. Тогда Лыковы бежали ещё дальше, на стык Абаканского и Саянского хребтов, на речку Еринат и построили жилище. А когда вновь закрыли заповедник, беспокоить Карпа Лыкова никто не стал, думали, он умер или бежал в Туву. А однажды московская команда туристов под руководством Штюрмера встретила на реке чету Лыковых и побеседовала с ними. И лишь в 1978 году геологическая партия под руководством Галины Письменной с вертолётa увидели небольшой огород на террасе, потом пришли сюда и обнаружили жильё Лыковых. После этого были посетители из Красноярска, потом из Москвы В.М. Песков. Он опубликовал материал в Комсомольской правде «Таёжный тупик». Об этом узнала вся страна.

ПО АБАКАНУ



Возле кордона мы облюбовали небольшую бухточку для строительства плота. Прежде всего - обшарили окрестность в поисках подходящих сухостойных елей и сосен. Не каждое дерево шло для плота – одно кривое, другое слишком толстое или тонкое. Подходящее - метили топором, а потом всей командой, с девушками в том числе, пилили, обрубали сучья, волокни на нашу пристань. Строительство плота заняло двое суток. Скрепляли между собой брёвна на крепкие толстые шпонки, пусть эта работа долгая, но зато надёжная. Конструкция плота была точной копией «Амфибии-1» на Вишере, только палатку решили поставить не на первой, а на второй секции и только тогда, когда пройдем главные опасные пороги. А Томичи всё ещё строят свой громоздкий плот из кедров. Мы с ними распрощались, обменялись адресами и обещались писать друг другу.

Капитан Шумков построил команду на готовом плоту, зачитал «Приказ №1» по сплаву и распределение обязанностей, боцман Илья снял канаты, и торжественно, под приветственные крики Томских туристов, выходим на основную струю. Река пока неширокая, метров 20-25, берега крутые, местами скальные прижимы, но не опасные. Вскоре слева увидели устье знакомой нам реки Коный, но



«На лесоповале». К удивлению томских туристов - мы с девочками быстрее них заготовили материал для плота

оно забито деревьями – топляками, густыми кустарниками. По правому берегу должна была показаться тропа на таёжный курорт на речке Бедуй, но нам в заповеднике не советовали туда заходить, хотя до него всего 3 километра. Там, говорят, полная антисанитария, не вздумайте принимать ванны. Ведь туда приходят местные больные с разными болезнями, можете заразиться, никто не контролирует больных. В грязные ванны лезут все, кому не лень. Поэтому мы без сожаления проплыли мимо тропы на целебный источник.

Течение реки, хотя и быстрое, перекаты сменяются несложными порожками и плёсами. Перед Большим широким плёсом, где скорость всего 0,5 километра в час, мы на нашей картосхеме видим: по правому берегу должно быть Окунёвое озеро. И хотя озёр в долине Абакана много и все они богаты рыбой, но это озеро не зря имеет своё название. Наш рыбак Орлов чуть не со слезами на глазах просит сделать радиальный выход, но капитан колеблется – рано ещё делать днёвку. Но видя в глазах команды сочувствие, он нехотя соглашается, и мы «бросаем якорь» около хорошей галечниковой косы. Пусть команда приводит и благоустраивает «корабль», разбирается с продуктами и со снаряжением, а мы – Шумков, Орлов и я – берём азимут на Окунёвое озеро, до него около одного километра. Сразу же от берега реки начинается тёмнохвойная тайга из могучих кедров, мохнатых елей и остроконечных пихт.

Некоторые кедры, старики-великаны, упали давно и покрыты густой моховой шубой. А вот и нестарый громадный кедр упал под ураганным ветром, он весь усыпан тяжёлыми зелёными шишками. Шумков принимает решение: он идёт назад, собирает команду заготовителей

кедровых шишек, а мы с Орловым ищем озеро. Но только, говорит, не забывайте делать отметки на стволах и заламывать ветки. А компаса у вас есть, картосхема – тоже. Все указания капитана мы сделали, и вот оно – зеркало чудесного озера! Вода как бы застыла, в чистейшей горной слезе отражаются прибрежные лесные берега. У берега в воде ветром принесло громадные кедры, на стволах их выросли молодые кедры, а сухие крепкие голые корни угрожающе смотрят на тебя. Взобравшись на полузатопленные великаны, мы увидели стаи окуней, которые спокойно разгуливали под стволами. Более крупные держались своей стаей, а мелочь юрко сновала небольшими стайками в поисках пищи. Но еды было мало в хрустальной воде. Володя облюбовал для рыбалки свой кедр, а я – другой. Лихорадочно разматываем свои лески с крючками, цепляем их на молодые стволы рябины, но...! У нас нет насадки. Роемся в земле на берегу – но везде бесплодная почва. Что же делать? Начали ножами ковырять старые стволы елей, кедров, удалось найти несколько личинок короедов, но будет ли их кушать гурман-окунь пищу «белой» рыбы. Наконец, нам удаётся поймать нескольких окуней, мы начинаем ловить на их глазки, и дело пошло на лад. Даже наловчились ловить так: поймаем маленького окунька из стайки, перекидываем снасть крупным окуням и наблюдаем, как большой окунь начинает пожирать своего младшего брата. Главное, стаи окуней не уменьшаются, они не видят нас на стволе, а нам уже некуда класть рыбу: все сухие корни кедров украшены телами рыб с яркими красно-оранжевыми плавниками. Когда через несколько часов Шумков с «матросихами» пришёл к нам, то не знали, как унести рыбу. Потом сделали носилки из палок и курточек и на них погрузили наш улов.

А на берегу остальные участники обрабатывали кедровые шишки. Они ещё не совсем созрели, семечки плотно сидели в своих смолистых гнёздах. Их пекли в костре, варили в вёдрах и сушили на солнышке. А наш улов развесили на верёвках по всему плоту, и он принял праздничный вид: под речным ветром весело мелькали зелёно-белые тела с красно-оранжевыми плавниками. А часть особо крупных окуней засолили и уложили в мешки, а свежих, очищенных, опустили в воду, и они, привязанные к брёвнам, служили несколько дней для ухи и жарёхи. Надо сказать, что никто не пожалел, что остановились на днёвку – потом нам уже было не до рыбалки.



Снова о Лыковых. Самая младшая дочь Карпа Лыкова Агафья – родилась в 1935 году и осталась живой, по-прежнему ловит рыбу вот такими ловушками

Итак, быстрое течение реки сменилось Первой Тишью. Уж лучше бы перекаты и пороги, чем эта вдруг замершая река. Хорошо, что ветра встречного нет, а то бы нас понесло обратно. Повернули плот боком к фарватеру, пытались работать гребями, шестами, но скорость плота была очень маленькой. А впереди, по рассказам, нас ждёт ещё и Вторая Тишь. Интересный факт я вычитал у Тигрия Дулькейта. Оказывается, где-то здесь ещё в тридцатые годы XX века была здесь деревня староверов. Она так и называлась – Тиши. Из 20-ти домов почти половина принадлежала Осипу Лыкову (отцу Карпа Лыкова) и его родственникам. Жили староверы справно, тайга хорошо кормила и одевала умелых охотников и рыбаков. Они делали посевы ячменя, овса, садили кой-какие овощи, держали скот. Но в конце 1920-х годов их нашли милиционеры и потребовали, чтобы они создали артель и платили налоги. Но староверы разбежались кто куда. А Осип Лыков с сыновьями Евдокимом и Карпом ушли на Верхний Абакан. Самый знаменитый охотник Данила Молоков поступил в охрану заповедника, он-то и узнал Карпа и помог устроиться наблюдателем на кордон заповедника.



*Тишь да гладь –
Божья благодать!
Русская поговорка*

Конечно, Лыковым это место было благодатным. Тишь, скорее, можно было сравнить с узким прекрасным озером. Наверное, не в первую очередь их интересовала красота, а практичная жилка. Ещё бы! Всякой рыбе здесь проживать привольно: тихая глубокая вода с обильным как растительным, так и животным кормом в прибрежных местах, никто их не тревожит в этом безлюдном крае. Пол-



В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

тора-два десятка домишек на сотню километров не в счёт, да и браконьерских методов добычи рыбы староверы не знали, да и зачем это им: они брали себе столько, сколько надо было для жизни.

Мы вдоволь полюбовались красотой этих мест, но надо и как-то плыть дальше. Мы понимали, если на горной реке попадают такие «тиши» - доброго от реки не жди. Впереди или перекаты, или шиверы, или пороги. Но вот течение становится заметно сильнее, и вскоре наша «Амфибия» вошла в мощную струю. Но радость была недолгой, опять Тишь - (вторая). Приходится мириться с такими сюрпризами реки. Но время! Время нас торопит!

Было бы большим грехом не остановиться на привал в таком месте. Облюбовали хорошее место – в устье небольшой речушки: песчаная коса, удобное место для стоянки. А кто свободен был от работы по устройству бивуака, отвели душу в отличной рыбалке. А ловилась здесь рыбка крупная – ленок, хариус, в ямах под скалой – таймень. В устьях быстрых речек-притоков легко было ловить хариуса на «мушку».



Но вскоре благодушному плаванию пришёл конец. Течение всё убыстрялось, Абакан стал бросаться то в одну, то в другую сторону. Теперь на вахте стоят у грёбей четыре человека – надо быть внимательным и готовым к самым неприятным неожиданностям. Плот маневрирует между большими надводными валунами. Это «бараньи лбы». А опаснее всё-таки подводные камни – их не так-то просто разглядеть в кипящей в белой пене реки. Угрюмое впечатление создают и берега: то каменные груды, то щетинистые гривы елей и пихт по невысоким берегам. Вот что-то чернеет впереди? Да это брошенный туристами плот! Он прочно сел на подводные камни и упёрся в надводные. Да, не позавидуешь команде – тяжёлый был труд, опять надо 2-3 дня искать подходящий сухостой и снова строить плот.

Мы уже было обрадовались, что благополучно проходим эту проклятую шиверу, как сильный толчок чуть не повалил на пол (если считать полом эти скользкие брёвна под ногами) стоящих с шестами членов команды. Первая (носовая) секция нашей «Амфибии» плотно заклинилась на подводные камни, а вторая - гудит от подпирающей сзади быстрой воды.

Попробовали всей командой с помощью грёбей и шестов раскатать и столкнуть плот, не помогло. Не помогли и усилия парней, пытавшихся по пояс в холодной быстрой воде с помощью шестов освободить носовую секцию, но тщетно. Ну, что же - будем использовать силу реки с помощью «водяного паруса». Натянули верёвку на берег, со страховкой эвакуировали «слабый пол», перенесли рюкзаки и па-

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА



латку. На носовом плоту остались Орлов и я, а Шумков и Овчинников отсоединили кормовой плот, оттолкнулись с усилием, и свободный плот понесло по течению, тросы натянулись и загудели, а плот встал на ребро. Волной смыло Шумкова с плота, один раз мелькнул в воде его пурпурный берет, а потом показалась голова, но уже без знаменитого берета. Но Толя успел схватиться в воде за гребь. Что бы было, если бы капитана понёс дальше бурлящий поток, ведь на нём (да и у всех!) не было спасательного жилета. С большим усилием команды и водяного паруса наша головная секция «Амфибии» стала разворачиваться на подводных камнях и пошла в свободное плавание. Подтянули кормовую секцию, быстро скрепили плот, встали на гребки и причалили к берегу к неопишуемой радости наших «матросих». Как пригодился нам опыт «водяного паруса», который мы испытали на Вишере.



*Шум водопадов, рёв порогов,
Яркий снег далёких гор...
Иди, турист, своей дорогой –
Прекрасен Родины простор.*

М. Владимиров

Порог Карбонак. На одной из стоянок мы встретили геологов из Москвы. Бородатые парни оказались хорошими советниками по сплаву. Открыв свои карты, они разрешили скопировать самые сложные участки – это пороги Карбонак и Гордей. От них мы узнали, что мало кто проходил Карбонак на древесном плоту. Если влипнете, говорят, на грузёном плоту, обязательно перевернётесь, могут быть и жертвы. Мы с двумя моторами «Вихрь» очень тяжело проходим этот порог. Дело в том, что мощный поток бьёт под прямым углом в скалу, туда же устремляется левая сильная струя воды из-за острова, они образуют большую отбивную волну от скалы. Эта волна и переворачивает любое судно. Узнали, что перед порогом на правом берегу есть большая галечниковая коса, где надо остановиться и разработать план прохода через Карбонак. Мы так и сделали, во-время успели пристать к косе. На ней уже была команда московских туристов. Они разгрузились, и четверо парней готовились к штурму порога. Это нам кстати, посмотрим, учтём чужой опыт. Плот у москвичей небольшой, значит, более маневренный. Но как парни ни стремились уйти от прижима, им это не удалось. Плот перевернулся, его прижало к скале, двое туристов вцепились в скалу, а двое скрылись под водой. Неужели утонули? Нет, вскоре



из волн стали мелькать головы. Руки лихорадочно молотили воду. А потом мы их увидели живыми в улове.

Нам стало ясно, как будем проходить порог: пойдут только парни, разгрузим плот. А главное, – надо сразу прижиматься к правому берегу – пока сильная струя воды не понесла на скалу. Но как наша команда ни цеплялась плотом за мелкие подводные камни у правого берега, удалось отвести от удара только первую секцию плота, а вторая секция с такой силой ударилась о скалу, что отлетело одно бревно. А ведь брёвна были соединены очень толстыми, крепкими сырыми кедровыми шпонками. Не успели до конца прочувствовать опасный момент, как наша «Амфибия» спокойно вошла в улово к всеобщей радости ко-

манды. По классификации – Карбонак третьей категории сложности. Он самый сложный на Абакане.

Порог Томский. После отдыха решили пройти ещё один порог – Томский. Хотя на нашей карте он Безымянный, а название сейчас на всех картах получило после трагического случая с томскими туристами. Когда мы благополучно закончили поход, получили от капитана команды туристов письмо из Томска, он писал, что при прохождении Безымянного порога их плот с такой силой ударился о подводный камень, что самый молодой парень в команде – Глеб – полетел в порог, а нашли его только через три дня в 15 километрах ниже по течению. Безжизненное тело било о камни, протаскивало через затонувшие деревья, изорвало всю одежду в клочья. На снимке на кордоне Глеб обозначен жёлтым кольцом. Томские политехники установили на скале мемориальную доску и с тех пор во всех путеводителях и туристских картах Безымянный порог стал называться Томским.

Мы с тревогой ждали появления на нашем пути Безымянного (Томского) порога второй категории сложности. Разведать прохождение невозможно, так как река течёт в крутых скалистых берегах и пристать невозможно. После Карбонака мы легко преодолели порог, он всего метров 30, слив около метра с большой «бочкой». Нашему длинному плоту она была не страшна – прошли удачно, только волны омывали наши ноги. Впереди нас ждёт второй сложный (третьей категории сложности) порог Гордей.

Порог Гордей. Когда мы удачно прошли два порога, почувствовали уверенность в себе. Из рассказов геологов, этот второй – самый сложный порог на нашем пути. Скептики, наверное скажут – подумаешь, третья категория! Но не надо забывать, что шли мы не на спортивных каяках,

надувных катамаранах или спасательных плотках, а на тяжёлом, десятиметровом древесном плоту с десятью членами экипажа да десятью тяжёлыми рюкзаками. Очень трудно маневрировать на шиверах и порогах. Тем более, что нельзя изучить нрав Гордея – он несётся в узком каньоне. С берега не посмотришь, какой правильный маршрут выбрать. Длина порога около трёхсот метров.

Подплываем к порогу. Впереди показалась шапка бурюнов. Наша тяжёлая «Амфибия» запрыгала как лёгкая щепка в бурном потоке. Нас несёт к левому берегу, где навал воды на скалу, отбились, но впереди – надводные и подводные камни, брёвна плота вздрагивают от их ударов. Хорошо, что наша конструкция плота оказалась удачной: после удара о надводный камень головная секция не упирается в него, а по касательной скользит под напором второй секции. Первое препятствие прошли, даже шестами не воспользовались, хотя матросы стояли наготове. Метров через шестьдесят мы вошли в узкий бурлящий слив с большими камнями в русле, прижимом к правому берегу. Не успели опомниться, а мы уже качаемся на свободной воде. Ну, теперь можно и расслабиться. Судя по описаниям, другие пороги второй категории сложности, мы их не боимся, а там – кто знает.

После Гордея ещё попался небольшой порог с несколькими сливами и большими валами, а потом подошли к Малому Карбонаку. По строению он похож на Первый Карбонак, но особой сложности нам не представил. Пороги и перекааты всё время чередуют друг друга, но теперь мы их проходим без опаски – они всего лишь первой категории сложности. После слияния Большого и Малого Абакана река носит название просто Абакан. Река становится более широкой и глубокой, уже встречаются большие участки с

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

хорошим быстрым течением, с несложными порошками и перекатами. По берегам реки густая тёмнохвойная тайга и местами сглаженные склоны гор. Команда, наконец, может отдохнуть, а после впадения в реку Абакан правого крупного притока Оны, на гребнях вахту несут всего два человека. Не перестаём любоваться, фотографировать, снимать на киноплёнку прекрасные виды этой самой красивой в Западной Сибири реки. Название реки с тюркского языка переводится как «Аба» - отец, медведь, «кан» - речка. Среднее и нижнее течение реки стало заселяться и осваиваться с незапамятных времён местными племенами ойротов (алтайцев) и хакассов. В советское время эти народности получили национальную автономию и стали именоваться Горно-Алтайская автономная область в составе Алтайского Края и Хакасская автономная область в составе Красноярского Края.

А вот мы подходим к конечному пункту нашего сплава по Абакану – посёлку Абаза. Двести сорок километров трудного, опасного, но очень интересного маршрута поза-



*Вот и окончен маршрут: помни, надейся, скучай...
Больше в таком составе вряд ли ещё раз поплывём.*

ди. Абаза - сначала мы думали, что это хакасское слово, а оказалось русское сокращённое АБА (Абаканский), ЗА (завод). Так стал называться этот горняцкий посёлок ещё с XIX века, когда промышленник Кольчугин построил здесь железоделательный завод.

Пристали к берегу на окраине посёлка. Последний прощальный костёр, сжигаем по традиции свое рваное обмундирование. Капитан Шумков реализовал нашу многострадальную «Амфибию» какому-то мужичку на дрова. И как-то пусто и грустно стало на душе.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА



На Абакане. (С картины М. Владимирова)

По часовой стрелке: Неля Батманова, Анжелика Шумкова,
Володя Орлов, Толя Шумков, Ая Бучельникова, Миша Владимиров,
Фая Абрамова, Галя Чащина

*Пыхтит в ведёрке дымный чай,
Вверх несутся искры роем,
Мы вспоминаем родной край...
Трещит в костре сухая хвоя.*
М. Владимиров

ТЯНЬ-ШАНЬ - ГОРЫ НЕБЕСНЫЕ

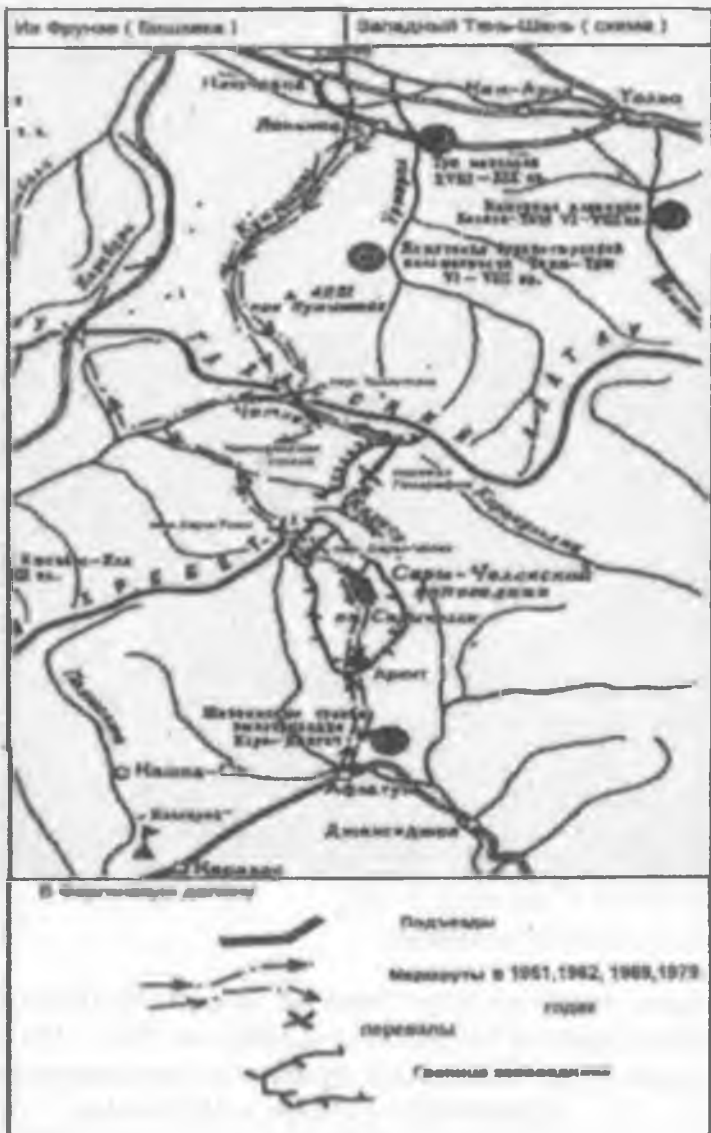
ТЯНЬ-ШАНЬ - ГОРЫ НЕБЕСНЫЕ



*Горно-пешие путешествия по Западному Тянь-Шаню
сборных команд Свердловской области (1961, 1962 годах)
и команд Артёмовского городского клуба туристов
«ГОРИЗОНТ» в 1969 и в 1979 годах*

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Картосхема района походов Артёмовских туристов



ЧАТКАЛЬСКИЙ ХРЕБЕТ



*Кто на Тянь-Шане бывал хоть раз,
Тот песню эту поёт,
Пижоны ползают на Кавказ -
Тянь-Шань нас к себе зовёт.*

Вот мы и окончили институт, в 1961 году. Наша студенческая туристская команда распалась: Аяна Бучельникова уехала на работу куда-то в Сибирь, Галя Чащина - в Забайкалье, Фая Абрамова - в Читинскую область, Илья Овчинников назначен директором Покровской школы. Ему стало не до походов. Но костяк команды остался: чета Шумковых (в Карпинске), Володя Орлов (в Первоуральске), Нэля Батманова (в Полевском) и я (в Артёмовском), Татьяна Скутина (на Буланаше). В посёлке Буланаш уже год работал учителем географии наш первый наставник - Володя Скутин. Он стал летом 1961 года формировать команду в поход на Тянь-Шань и всех туристов, которых я перечислил, пригласил принять участие. Новичком в этой команде был только Заведующий ГОРОНО Григорий Михайлович Некрич. И хотя опыта участия в сложных походах у него не было, но он так убедительно доказывал нам, что не подведёт - Скутин правдами и неправдами зачислил и утвердил в областной МКК. Ну, как было отказать - ведь Некрич

был непосредственным начальником Володи и Татьяны Скутиных и моим тоже. Для нас, географов, само название: «Тянь-Шань, горы небесные» - звучало таинственно и в то же время жутковато. А сама подготовка к походу - верёвки, репшнуры, карабины, ледорубы, штормовки, трикони на альпийских ботинках, ледники и снежники, лавины, скалы и горные реки - звучали в наших душах отрядной музыкой. Неужели мы всё это увидим, испытаем, заснимем на плёнку и запишем!

Поход был оформлен как горный высшей (пятой) категории сложности. У нашего руководителя был значок «Альпинист СССР», а Толя Шумков стажировался в альплагере ГДР. И хотя наш маршрут был сложным, опасным, мало кто из туристов ходил по этим местам, но маршрутно-квалификационная комиссия поверила нашим инструкторам, опытным вожакам. Итак, наша команда состояла из восьми человек: капитан (руководитель) - Владимир Скутин, ответственный за снаряжение - Анатолий Шумков, ответственный за питание - Анжелика Шумкова, картограф - Михаил Владимиров, фотограф и рыбак - Владимир Орлов, медсестра - Татьяна Скутина, геолог - Нэлли Батманова, ответственный за дневник - Григорий Некрич. Конечно, некоторые обязанности должны были исполнять и другие. Например, за транспорт отвечал руководитель команды, географию и геологию надо было знать всем, фотографом был не только Володя Орлов, но и Татьяна Скутина, и Анжелика Шумкова тоже делали снимки (для гарантии). Я не только корректировал картосхемы, но и делал зарисовки по маршруту. А закупать продукты помогала вся команда. И снаряжение готовил не один Шумков. Да ещё и разные поручения исполняли все по приказу капитана.

ТЯНЬ-ШАНЬ – ГОРЫ НЕБЕСНЫЕ

Всё готово. Поезд мчит нас в неизведанную страну - Среднюю Азию. Ведь мы только ходили в походы по Северному, Среднему, Южному Уралу, да ещё по Алтаю.



...ФЕР – ГА – НА ...ФЕР – ГА – НА ...ФЕР – ГА – НА...

Так и слышится в мерном стуке колёс – Фергана, Фергана. Наш поезд не скорый, а трудяга - пассажирский, не спеша отстукивает свои километры на юг, в неизвестную нам пока Ферганскую Долину. Прощай, Урал! А Фергана – это центр Средней Азии. С главным городом - Ташкентом. И хотя он столица Узбекистана, но отсюда все дороги, и автобусные, и железные, и воздушные, ведут не только в Киргизию, Таджикистан, Южный Казахстан, но и в Россию, да и почти во все страны мира режут небо воздушные корабли из Ташкента. Это мы знаем из книг, учебников, фильмов и журналов. Мне так и лезут в голову мысли: «Ташкент - город хлебный». Это ещё в голодные военные годы я читал книгу Неверова под таким названием. Так и хотелось попасть туда, где хлеба «ешь - не хочешь», а мы тут травяные лепёшки грызём. В общем вагоне мы захватили два купе, для этого была послана «Группа Захвата», а не то со своими громадными рюкзаками пришлось бы ехать где попало и с кем попало. В одном купе подвесили закопчённое ведро, в него вливали кипяток, на коротких остановках с котелками рыскали по перрону в поисках кипятка. Заваривали чай и на зависть попутчиков с явным наслаждением громко фыркали, чмокали губами от удовольствия. Пожилой проводник дивился нашей проворности и, шутя, пригрозил: - Вы, ребята, только костёр мне тут не разводите, а то высажу в пустыню!

Надоело смотреть в окне - однообразные сухие степи и полупустыни, оживление вызывало что-то новое. Кто-

ГЯНЬ-ШАНЬ - ГОРЫ НЕБЕСНЫЕ



Лида Тараторкина на ишаке

то вскрикивает: – Смотрите, смотрите – верблюды! А вот и «перекати-поле» - верблюжья колючка. Всё это мы видели только на картинках в книжках. Когда на остановке девчата подбежали к флегматично жующему «кораблю пустыни» и попытались угостить его хлебом, он угостил нашу смеляночку таким мощным плевком, что мы от хохоту чуть не катались по земле. Капитан дал команду готовить снаряжение. И вот уж завизжали напильники – точим «зубы» у горных ботинок, они называются «трикони». Они сносились порядочно. Видно, немало альпинистов скрипело ими на скалах, ледниках. Другие проверяют ледорубы – остёр ли клюв да лопаточка, надёжны ли темляк да древко. Девчата колдуют с завхозом – каких и сколько надо закупить в Ташкенте продуктов, Кто-то штопает подержанные штормовки, кто-то возится – подгоняет лямки рюкзака, кто-то зашивает дырки на палатке. А работать в вагоне тяжело - не только тесно, но и жарко. Наши вагоны, «жестяные банки», раскалились от жгучего южного солнца, мы все в поту. На остановке мчимся к водокачке, где заправляются водой паровозы, лезем под холодный поток воды и такие мокрые, в трико и ковбойках - в вагон. Но ненадолго, через полчаса, опять сухие, изнываем от этого воздуха. На станциях строгий завхоз даёт команду купить то, то и то, а мы жадно глядим на арбузы, дыни, яблоки, ягоды, которые чуть не силой пытаются продать какие-то желтоватые (то ли казашки, то ли узбечки) крикливые женщины. Но завхоз неумолим. Хорошо, что кое у кого есть свои личные деньги, они покупают и щедро делятся этими дарами южного солнца. Подъезжаем к озеру Балхаш. Да-а, это не Байкал. Да и с нашими уральскими озёрами не сравнишь. Берега безлесные, со скудной травой и жёсткими кустарничками. На стоянках местные

рыбаки предлагают совсем дешево копченых сазанов. Мы глядим на золотисто-коричневых жирных рыбин и просительно смотрим на завхоза. - Ладно, говорит, возьмите, но учтите – кормёжка в походе будет более скудной.

Поезд тащится через полупустыни. А на горизонте голубеют волны гор. Скоро въедем в благословенную Ферганскую долину. Это житница Средней Азии. Почти вся она принадлежит Узбекистану. Киргизам и таджикам достались более скудные предгорья и горы.

Особенно долго в Ташкенте задерживаться нам нельзя – график похода. Да ещё и жарища – 36-38 градусов! Как-то нам, уральцам. Дети лезут в фонтаны, их никто и не прогоняет, а нам – неудобно. Пошли в городской парк, а в нём – Комсомольский пруд, а в пруду вода прямо кипит от желающих освежиться. Вода тёплая, по цвету похожа на кофе, с грязными глинистыми берегами. После такого купания так и хочется нырнуть пусть и в холодную, но чистую воду уральских рек и озёр. А в городе – какую только речь не слышишь: кроме гортанной, на высокой ноте местных жителей, звучит и русская, и английская, и китайская и ещё чёрт знает какая. Вот навстречу спокойно и неторопливо шагает группа негров. Им что эта жара, у них, в Африке, ещё намного жарче бывает. Послывшись по шумному крикливому восточному базару, купив кое-что из продуктов, садимся в душный автобус и едем на северо-восток, в областной центр Наманган. Здесь уже прохладнее, сказывается высота и дыхание гор. В отличие от Ташкента, этот город живёт спокойной, размеренной жизнью. Здесь уже соблюдаются нормы шариата в поведении людей. Нам в диковинку: на танцплощадке женщины и девушки танцуют со своими мужьями или с девушками, а мужчины, которые не танцуют – зорко

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

смотрят через забор и стерегут своих женщин. Не дай бог, если парень пригласит девушку танцевать – худо будет от ревнивца девушке, да и парню не поздоровится. Даже в кассу за билетами в кино стоят две очереди – мужская и женская. Даже старые женщины прячут свои лица хоть и в ненастоящую паранджу, но вот в эти белые большие платки. Подумаешь, кто-то из мужчин увидит их старые морщинистые лица!

А на одной улочке мы наблюдали очень экзотичную картину, как дехкане молотят хлеб. На асфальтовой площадке по кругу укладываются снопы, в центре круга – столбик, к нему прикреплена жердь, к ней привязан ишак. Старик водит ишака по кругу, ишак тащит за собой круглый чурбак, им и копытами, ногами старика обиваются колосья снопов. Когда мы представили, во что превращаются зёрна, обильно смоченные мочой ишака, истоптанные гряз-



ными ногами, сдобренными ещё кое-чем, нам расхотелось покупать у них чебуреки и лавашаи.

Кашляя и пыхтя, автобус тащит нас по грунтовой дороге в посёлок Караван. Не задерживаясь, находим грузовую машину, что везет небольшой груз на усадьбу Сары-Челекского заповедника, в небольшое селение Аркит. Это уже предгорья Чаткальского хребта, его южный склон. Дышится легко и свободно, мы порядком устали от этих знойных и душных городов в Ферганской долине. Из Аркита начнётся наш горный маршрут. Находим контору заповедника, беседуем с руководством, отмечаем документы. Наш маршрут регистрируют, пломбируют мелкокалиберную винтовку Шумкова.

Сары-Челекский биосферный заповедник создан в 1959 году, ему 2 года до нашего приезда. За это время, многое не сделаешь, чтобы обустроить хозяйство и организовать охрану. Его усадьба находится в маленькой деревушке Аркит, куда ведёт дорога из Ферганской долины, очень плохая и опасная, так как петляет по безлесным отрогам Чаткальского хребта, серпантинном набирая высоту около 2000 метров над уровнем моря. Скучно нам становилось, когда видишь из кузова слева поросшие мелкой арчой крутые склоны, а справа, всего в одном-двух метрах, крутой обрыв и где-то далеко внизу шелестит ниточка горной речки. Заповедник ещё молодой, сюда ещё не знают дорогу «дикари» пижоны-туристы, а изредка появляются альпинисты и горные туристы. Что мы узнали от научного сотрудника музея, беседуя с ним в его то ли кабинете, то ли в маленьком музее. Площадь заповедника 23,9 тысячи га, высота поверхности наименьшая 1200 метров, а наибольшая – вершина Мустор 4247 метров. Жемчужина заповедника – озеро Сары-Челек, что находится в межгорной

котловине на высоте 1984 метра над уровнем моря. Название – киргизское, САРЫ (жёлтый), ЧЕЛЕК (ящик, чаша, ковш, ведро). Площадь озера 507 га. В заповеднике свыше 1000 видов растений, 140 видов птиц, 34 вида млекопитающих, есть 1000-летние деревья – арча. Растительность представлена по поясам: до высоты 2100 метров – леса из грецкого ореха, яблони, алычи. На высоте от 2100 метров до 3000 метров – субальпийский пояс – растут пихты, ели. А ещё выше – горные разнотравно-злаковые луга. Очень богат и животный мир. Здесь обитают кабан, косуля, горный козёл, архар, медведь-белогрудка, барсук, дикобраз, длиннохвостый сурок, улар, кеклик, синяя птица, оляпка, фазан, орёл, бородатая куропатка и другие пичужки. Из змей – гадюки, полоз, ужи, их много по берегам озёр и речушек в нижнем поясе. Из рыб – высокогорная форель – маринка, сазан, карп. Летом вода в озере прогревается до температуры 19,8 градуса, но купаться запрещено ввиду несчастных случаев. А зимой температура воды колеблется от +4 до нуля градусов. Обо всём этом мы узнали из беседы с научным сотрудником, да ещё полезные советы дал в напутствие директор заповедника.

Вот и окончилась подготовка к походу. Взвалив огромные рюкзаки, опираясь на ледорубы, мы медленно двинулись по крутой тропе вдоль долины реки Ходжа-Ата, что вытекает из озёр Кыла-Куль и Сары-Челек. Вообще-то, около южного края озера ещё пять небольших озёр, из них Кыла-Куль самое Большое и близкое. Загадку представляет озеро Кара-Куль, в нём почему-то не водится рыба и птицы избегают садиться на воду. Ну, да потом учёные разберутся в этом. А пока мы медленно волочим свои ноги в тяжёлых горных ботинках, окованных шипами и наглухо застёгнутыми брезентовыми манжетками, недоступными

ТЯНЬ-ШАНЬ – ГОРЫ НЕБЕСНЫЕ

для воды и снега. А вот и озеро Кыла-Куль, очень красивая круглая чаша с голубой водой, а по берегам - буйная растительность из кустарников и трав. Удивительно красивы огромные, с белоснежными цветами, каллы. У нас дома выращивают только в садах да теплицах. На берегу озера сидит мальчик – киргизёнок с удочкой, рядом с вывеской на столбе, что ловля рыбы запрещена. Мы указали ему на вывеску, а он сощурил и так узкие глаза - щелочки, что-то пробормотал по-своему и захохотал. Вывеска, мол, для вас, дяди чужие, а не для нас – это наше озеро. Тут наш рыбак Володя Орлов скинул рюкзак, стал налаживать удочку, а на крючок что надевать, никакой насадки не взял. Обратился с вопросом к мальчику – тот сказал и показал... ягодку малинку. Ага: маринка клюет на малинку!



«Жемчужина, бриллиант» Западного Тянь-Шаня - озеро Сары-Челек

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Следующий переход, на озеро Сары-Челек, по тропе, или по дороге, как понимать. Для нас – это тропа, а для жителей гор – дорога. Местами на мокром песке – отпечатки автомобильных колёс. Значит, иногда на озеро заезжают машины. А вот и из-за стройных елей и пихт светится голубым зеркало озера. Останавливаемся на удобной площадке в истоке реки. Здесь стоит катер, который потащит нас на северный конец озера. Ждём моториста. А пока любуемся красотой озера. Цвет водной глади трудно передать. Я пробовал сделать этюд – никак не могу найти подходящий цвет. А Орлов дал чёткую характеристику, сказав, что будто автол разлит по воде. Он уже приготовил свою удочку, уселся на камне и замер. Вдоль берега не спеша курсируют огромные рыбины, подходят к крючку с малиной, насмешливо смотрят на незадачливого рыбака и не спеша продолжают своё плавание. Но наш рыбак не так прост. Он закинул удочку, сам спрятался за камень и наблюдает. А маринка, убедившись, что рыбака нет, жадно хватает ягодку малинку. Торжествующий вопль известил нас, что добыча у Орлова на крючке. Огромная, килограмма на два, диковинная, с тёмно-серебристыми боками, с буровой спинкой, с желтоватым брюшком, зелёно-оливковой головой и тёмно-оранжевыми глазами рыбина. Рвётся из рук Володи, открывая большой рот с мелкими острыми зубками, а в уголках рта – по паре небольших усиков. Перехитрил, значит, эту хитрую рыбину Володя. Наш рыбак порадовал – поймал ещё нескольких небольших мариночек. Уха будет славная, и говорят – хотя мясо костлявое, но очень вкусное. Скоро узнаем. В конторе заповедника сказали, что ловить маринку в озере можно на удочку, но только при готовке ухи обязательно убирать внутреннюю чёрную плёнку, а то можно отравиться.

Приехал моторист, мы грузимся на посудину-катер. Какой-то катер неказистый, ржавый, с помятой будкой. Но ничего, лучше, чем огибать семикилометровое озеро по прибрежным кручам. Не перестаём восторженно любоваться красотой этой диковинки природы. Признаться, немало я видел озёр в стране, но это выше похвал, это надо видеть не на картинках глянцевого журнала, а наяву. Почти отвесные скалы уходят в сине-зелёную глубину, местами до 200 метров, острые пики елей и пихт зеркально отражаются в прибрежных водах. Поднимешь голову и кажется, что могучие горы со снежными шапками сторожат это спокойствие и тишину. На берегах нет ни одного селения, ни одной палатки или костра, сюда не попадает праздный люд. Редкие группы альпинистов и горных туристов, после трудных восхождений и переходов стараются попасть сюда. А всего два места, где можно сделать стоянку: это когда идёшь из Аркита на южный берег, или в устье реки Сары-Челек, но надо пройти сложными перевалами. Не каждой группе это под силу. А почему же озеро названо местными киргизами «жёлтым»? Да дело в том, что осенью берега его покрыты жёлтой листвой лиственных деревьев и кустарников.

Благополучно отстучав свои семь с половиной километров, наша посудина ткнулась в галечниковую косу устья реки. Отсюда начнётся самая основная часть нашего маршрута, первое колечко «восьмёрки». Сделав половину пути, мы вернёмся сюда, чтобы отдохнуть и пойти на вторую петлю. А чтобы не тащить все продукты, моторист (он же и охранник) предложил оставить часть продуктов в ветхом сарайчике. Уловив наше смущение, он заверил, что другие команды не посмеют – ведь им нет пути мимо кордона, а киргизы никогда ничего чужого не тронут. Мы

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

так и сделали - нам предстоит делать сложную «пятёрку», а и сейчас с трудом отрываем свои рюкзаки от земли. А пока удобно, разбили лагерь в дельте галечниковой реки, на ужин у нас будет первая уха из этой экзотической рыбы – маринки.



Вот так выглядит рыба с красивым женским именем МАРИНКА



Лучше привал, чем перевал!

Прощайте, щедрые дикие фруктовые леса из грецкого ореха, яблонь, алычи. Надо же, какое природное богатство пропадает. Ну, сколько-то государство и заготовляет. А в основном питаются кабаны, овцы, козы, грызуны. А местные селения находятся вниз по долине. У каждого жителя полно возле дома всяких фруктовых деревьев. Взвалив рюкзаки, медленно набираем высоту вверх по долине реки Кызыл-Су. Тропа каменистая, хорошо пробита скотом на высокогорные пастбища. Богатая сочная трава высоко в торах – отличный корм. Вот видим уже стада овец, лошадей, коз, а неподалёку стоят жилища пастухов – юрты. Пастухи – мужчины в белых войлочных шляпах и женщины в цветастых халатах с любопытством рассматривают нас, качают головами: куда же это прутся с такими тяжёлыми рюкзаками эти непонятные молодые русские. Они приветливо угощают нас зелёным чаем, лавашами, айраком (кислым алкогольным коровьим молоком). А мы в ответ угощаем их конфетами, пряниками, сгущенкой. На дорогу нам суют кульки с каким-то желтым, вроде бильярдных шаров, кушаньем, кивая: «брынза... брынза». Попробовав, мы едва сдерживаем отвращение к этим вязким, кисло-солёным шарам. Есть невозможно, но и выплюнуть и отказаться тоже неудобно. Видя наше замешательство, юркие девочки, хихикая, набивают карманы наших рюкзаков. Ладно, думаем, отойдем подальше от стойбища и выкинем.

Дальше от высокогорных пастбищ тропы нет, камни в русле реки (вернее – ручья), становятся крупными, а на склонах, как лепёшки, прилепились кусты арчовника (из семества можжевеловых). А впереди всё отчётливее стоят горы с пятнами снежников и ледников. С самым большим на Западном Тянь-Шане вскоре нам пришлось познакомиться очень близко. Он лежит на пути к Перевалу Советских Географов и по альпинисткой классификации относится к категории 3-А. Существуют перевалы Н-К (некатегорийные-скотопрогонные), 1-А (есть тропа и можно верхом на лошади или ишаке преодолеть перевал в летнее время), 1-Б и 2-А (нужна страховка верёвками и ледорубами). А наш перевал – 3-А, имеет отвесные стенки, кроме верёвок, ледорубов нужны ещё и горные ботинки. Когда подошли к леднику перед перевалом – дух захватило. Этакая громада льда облизала и отполировала крутые склоны, а язык ледника метров на 15 имеет склон около 70 градусов. Капитан Володя Скутин командует: снять рюкзаки, будем рубить ступени на ледник. Но рубить лёд ещё бы ничего, но надо всё время быть начеку. Камни, что лежали на леднике от камнепада, подтаяли за день и начинали скакать, как зайцы, по леднику прямо на нас. Наблюдавшие за ними Скутин и Шумков то и дело выкрикивали: - Берегись! Камень! Кто рубил ступени, должен плотно прижаться к леднику и прикрыть голову ледорубом. А над головою со свистом летел камень величиной с голову. Ну, наконец все благополучно выбрались на тело ледника и начали подъём. А солнце быстро падало за скалистую гору, а потом и совсем стало быстро темнеть. Стало ясно, что ночевать придётся на леднике, на крутых отполированных склонах не растут даже травы. Поступила команда готовиться к холодной ночёвке. На ледорубах натянули

ТЯНЬ-ШАНЬ – ГОРЫ НЕБЕСНЫЕ

палатки, вытряхнули рюкзаки, их и всякие мягкие вещи подстелили на дно. А холодный ветер стал по леднику трепыхать наши палатки. По леднику, оттаявшему за день, ещё текут небольшие ручьи талой пресной воды. Вот тут-то и пригодились шары брынзы. Пресная талая вода с кисло-солёной брынзой и холодная тушёнка восстановили силы. Но спать было холодно!



Утром мы продолжили путь по леднику и вскоре вышли к огромному цирку, чаша которого была заполнена огромной массой снега. Она-то и питает этот ледник. Обогнув по краю цирк, мы вышли на столовую гору около пика Чаткал. Огромный разлом под названием Чаткальская Стена с отвесными стенками простирается вниз метров на 400. Тропы, естественно, и спуска явного нет. Кое-где по каким-то признакам определили, что это

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

и есть Перевал Географов. Первым послали с верёвкой, без рюкзака, Володю Орлова. Как гимнасту, ему легче подтягиваться на зацепках и налаживать страховку. Он должен найти подходящий уступ, до которого бы доставала верёвка 40 метров. Потом спустили его рюкзак и пошли все остальные участники похода. От этой полки вьётся вниз по стене узкая тропа, ширина которой полметра, не более. Рюкзак правой стороной трётся о стену, а влево и глядеть страшно. Если закружится голова или не выдержат нервы и оступишься, полетишь вниз без парашюта. И так постепенно, с одного уступа на другой, благополучно спускаемся вниз. А солнце неуклонно скатывается за хребет. Когда стали спускаться с последнего уступа на каменистую осыпь, стало совсем темно. Первым сделал прыжок в неизвестность Толя Шумков. Но веревка не достигла осыпи. Посветив фонариком, он увидел, что верёвка не достаёт всего метров 5-6. Он прыгает на осыпь удачно и командует спуск. И вот каждый в темноте болтается на верёвке, отпускается, а внизу Шумков ловит туриста. Последним шёл Володя Скутин, уже без страховки. Хотя он и значкист «Альпинист СССР», но, признался, было жутковато, больше не за себя, а за товарищей. Когда спустились на последнюю полку, оказалось – негде ставить палатки. Решили спускаться вниз по осыпи и вскоре нам повезло: наткнулись на кусок земли, который, видимо, после землетрясения сполз вниз и застрял. Да ещё радость – на нём огромный куст арчи. Значит, будет горячий ужин. Правда, вода только во фляжках. Кое-как сумели закрепить палатки, вскипятили чай, ужин с тушёнкой и уснули. Ведь так устали от нагрузок и нервного напряжения. А тут под тобой не лёд, а твёрдая земля и камней на голову не предвидится.



Утром, отдохнувшие и бодрые, стали спускаться без страховки вниз по каменным осыпям, как на лыжах, притормаживая ледорубами. Вот где ещё сослужили горные ботинки! Их толстая подошва из крепкой кожи с шипами, нестигаемая кожа сверху и высокая шнуровка были для ног нечувствительны к огромной массе камней, острых, зазубренных, величиной в основном с подошву. И какое счастье было приникнуть к холодному хрусталу горного ручья, сварить настоящий обед, хорошо отдохнуть.

После недавнего землетрясения русло речки было завалено огромными камнями, еще не обомшелыми, на солнце сверкают в граните брызги слюды. Вскоре появились редкие ёлочки, небольшие голубые запрудные озера. А потом мы оказались у довольно большого Синего Озера,

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

как обозначено на картосхеме. Всё голубые озера, а тут – Синее. Мы, географы, объяснить этого не могли. Дно, что ли, выстлано голубыми породами? А ещё ниже по речке Кара-Су ели стали гуще и крупнее. А на озере Голубом, самом крупном из голубых озёр, нас поразило вот что. В голубой воде стоят нежно-малахитовые ели. Даже хвоя на ветках не осыпалась! Видимо, после недавнего землетрясения часть берега с ёлочками съехала в русло реки, а холодная чистая вода без всяких микробов сохранила эти ёлочки. Ведь во всех этих голубых озёрах и Синем нет не только рыбы, даже лягушек, насекомых нет. Ну, со временем, появится и там живность.

Речка Кара-Су впадает в более широкую Ишенкуль. Следов пребывания киргизов или туристов нигде не видим. Мы будем в подходящем месте переваливать в реку Кара-Токо, чтобы выйти к одноименному перевалу через



Чаткальский хребет. Что интересного поразило нас в долине Ишенкуля, так это небольшие рощицы берёзы. Как-то сразу и не узнаешь, что это берёзы. Вместо нежно-белых стволов, прямых и гладких, искривлённые, под прямым углом, то растут вверх, то снова вниз. А кора совсем чёрная, шероховатая. Вспомнили из литературы, что это и есть каменные берёзки на Тянь-Шане. Только по листочкам и узнаешь, что это всё же берёзки. А ещё на пологом склоне наткнулись на целые плантации зелёного лука. По виду – ну как домашний лук. Попробовали выдернуть – головки-репки нет. На вкус – лук как лук. На привале сообразительные девы быстро соорудили салат, но он оказался жестковатым. Тогда стали заправлять этим дикарём суп, получилось хорошо. На каменной площадке разбили бивак. Орлов предложил мне ночевать под открытым небом. Из плитняка соорудили ветрозащитную стенку, натаскали несколько охапок лука, и когда друзья полезли спать в тесную палатку, мы на месте костровища настелили лук, прикрыли одеялом, легли свободно на спины и стали разглядывать чёрное небо с огромными лохматыми звёздами. А между тем нагретые камни от костровища стали поджаривать лук. – Как домашними пирогами с луком пахнет, сказал Володя. А мы изучаем чёрное небо, вспоминаем и ищем созвездия, которые учили по астрономии. И вдруг видим, что из-за горизонта появилась светящаяся точка, принимает вытянутую форму и летит над нами. Что же это такое? Потом, в Ташкенте, узнали из газет, что с Байконура запущена космическая ракета.

Перевалив через невысокий водораздельный хребет, мы спустились в долину Кара-Токо и по ней круго стали подниматься вверх к перевалу. А недалеко от перевала, с левого отвесного берега - каскадный водопад высотой

около 100 с лишним метров. Как узнали потом, наверху горы есть большое озеро, оно днём от таяния снегов переполняется и падает через край в реку.

А вот, наконец, и сам перевал Кара-Токо, что в переводе означает «чёрный козёл». Его категория 2-Б. Очень крутой спуск, местами гладкие многометровые плиты. При разведке обнаружили вбитые в стенки заржавевшие скальные крючья. Или альпинисты поленились выбивать сильно застрявшие крючья, или специально оставили для других. Конечно, нашей верёвки не хватит на 120 метров спуска, пришлось страховать по участкам, а это заняло много времени. Забегая вперёд, скажу, что когда я со школьниками-старшеклассниками из школ города, которые занимались у меня в Клубе Юных Туристов в городском Доме пионеров, подошли к перевалу и стали думать о безопасной переправе школьников, к нам подошли трое альпинистов из Ташкента. Они шли на сборы альпинистов, которым руководил наш земляк. – Нас будет учить сам Валерий Першин – заслуженный мастер спорта по альпинизму, с гордостью заявил Малик Трифонов. И, заметив улыбки на наших лицах, спросил: - А что, вы его тоже знаете? Я объяснил, что очень хорошо знаем, так как я учил его географии и туризму в школе №11, занимался у меня в кружке с 6-го класса и в институт он ушёл младшим инструктором по туризму и с третьим разрядом. А в институте он сразу пошёл в секцию альпинистов. Мы как-то сразу нашли взаимопонимание с пришельцами, а Малик дал адрес и рекомендацию своей матери в Ташкенте. Потом мы этим воспользовались – ждать билетов на поезд пришлось несколько суток.

Очень кстати к нам пришла подмога. У Ташкентских альпинистов оказались две основные сорокаметровые



*На снимке: я с заведующим ГОРОНО Г.М. Некричом
у водопада Кара-Токо*

верёвки и одна вспомогательная. Связав теперь вместе с нашей, мы точно знали длину спуска с перевала – 120 метров. Закрепив страховку, мы сначала спустили рюкзаки, а потом с грудной обвязкой, с карабином начали спуск. Мои ученики это всё усвоили на занятиях в Доме пионеров и самостоятельно, грамотно провели спуск. Как они выросли в своих глазах, приобщившись к азам альпинизма. А команда у нас была большая - 11 учеников, окончивших 9 классов. Это Эля Кашперко, Люба Карпова, Зина Зайнулина, Серёжа Гладких, Миша Степанов, Игорь Федосов, Юра Фадеев – из школы №2, Люда Юшкова – из школы №6, Саша Торопов, Дима Рукомойкин – из школы №12, Дима Лощинин – из школы №1. А помогали мне инструктора-разрядники по туризму, Володя Свалов с машзавода, Василий Втулкин – физрук школы №2, Анатолий Корелин – журналист. После этого перевала мои ребята уверенно брали перевалы Туюк-Тур (1-Б), Сары-Челекский (1-А), переправлялись вброд через ледяные горные реки, лихо скатывались по снежникам, брали крутые и скальные склоны. Забегая вперёд, скажу, что с этой командой поход третьей категории сложности мы начали в 1979 году с севера, из Казахстана, пересекли Тянь-Шань и закончили в Ферганской Долине в Узбекистане. А первый перевал Чиим-Таш через Таласский хребет был в начале похода очень трудным. Интересный эпизод – когда подымались по реке Ур-Морал к перевалу, услышали в кустах жалобный вой. Остановились – видим растянуты по земле кишки, валяются клоки шкуры и кости. Ясно, волки зарезали овцу или козла. Игорь Федосов в кустах нашёл щенка, очень похожего на волчонка, взял к себе за пазуху, весь поход тащил этот груз, делился с ним походным пайком и привёз домой. Он назвал его (её!) Чимкой. Оказалось, что

ТЯНЬ-ШАНЬ - ГОРЫ НЕБЕСНЫЕ

это не волчонок, а овчарка. Она выросла большой красивой собакой, очень предана своему хозяину, охраняла его дом, а когда он уехал работать на Север, взял её с собой. Ну, это отступление. Вернёмся к нашим походам в 1961-1962 годах. После перевала Кара-Токо через перевал Сары-Челек мы вышли на одноимённое озеро, откуда начинали маршрут и вернулись в Аркит.

И СНОВА ТЯНЬ-ШАНЬ



*Здесь у рек другие берега,
По-другому тут шумит река,
В озерах там хрустальная вода,
Да и горы не такие, как у нас...*

М. Владимиров

Тянь-Шань нас заморозил. И когда Толя Шумков стал собирать группу из старых друзей в 1962 году, откликнулись сразу Володя Орлов, Таня Скутина, Анжелика Шумкова и я. Да, прежняя команда поредела: Володя Скутин служит в армии, у Нэли Батмановой какие-то проблемы в семье, у Григория Некрича путёвка на курорт. Зато в команду включен Виктор Костромин. Мы вместе занимались спортом, он отслужил во флоте, он – филолог, хорошо знаем его – 4 года жили в обжигитии. Итак – команда 6 человек, категория сложности - высшая (пятая). Руководитель – Толя Шумков. Он предложил нам новый маршрут по Тянь-Шаню. Если в прошлом году мы начинали маршрут с юга, из Ферганы, то теперь – с севера, из Казахстана, в Узбекистан. Но в начале маршрута мы едем в Центральный Тянь-Шань, на главное озеро – Иссык-Куль, где находится могила всемирно известного русского путешественника, учёного, исследователя неизвестной до него Центральной

ТЯНЬ-ШАНЬ – ГОМ. I НЕБЕСНЫЕ

Азии. Он завещал похоронить себя на берегу любимого красивого озера Иссык-Куль.



И снова на озеро Сары-Челек

Перевалив через два самых крупных хребта – Чаткальский и Таласский и преодолев ряд категорийных перевалов на малых хребтах и отрогах хребтов, набрав нужный «багаж» для защиты похода на пятёрку, мы уже через знакомый Сары-Челекский перевал опять спустились к озеру. Да и, сколько я знаю маршрутов самостоятельных туристов на Западном Тянь-Шане, все старались попасть на Сары-Челек. А вообще-то за 4 сезона путешествий в этих горах мы не встретили ни одной группы туристов не считая «троицы» из Ташкента. Да и у них был тренировочный поход перед альпинистским сбором. Решили, на сколько хватит продуктов, отдохнём на озере. В озере полно маринки, порыбачим вволю. Кто-то занялся стиркой и штопкой дыр на одежде, Шумков возится с кинокамерой, Костромин всё пишет и пишет, Орлов сооружает коптильню для рыбы, а я облюбовал небольшой плотик из двух бревёшек и отплыл с удочкой подальше от берега. Но хитрая рыба боится меня и не клюёт. Я поплыл к скале, где вижу небольшую каменную полочку. Возле неё в воде лежит коряга. Плот по инерции медленно плывёт к берегу. Вдруг вижу, на коряге отдыхает большая черная змея и подняв голову, смотрит на меня. Вот так встреча. Лихорадочно работаю шестом, чтоб не познакомиться с гадом. Осторожно уплываю дальше. Лучше рыбачить с берега. Смотрю в прозрачную воду, да где же рыба? Вдруг в воде вижу огромную змею, которая вцепилась за хвост крупной маринки и плывёт к берегу, толкая рыбину. Кричу: - Змея! Змея! От

ТЯНЬ-ШАНЬ – ГОРЫ НЕБЕСНЫЕ

палатки бежит Костромин с ледорубом, Шумков с кинокамерой и палкой. Подумали, что на меня напали змеи. Тем временем змея выползла на берег, отпустила маринку и стала сворачиваться в бухту. А в прошлом году в музее заповедника я узнал, что есть крупные змеи. Они перед нападением сворачиваются в бухту, пружинят и прыгают, стараясь укусить в шею или в голову. Вот и наша змея решила отомстить, что ей помешали пообедать. Шумков лихорадочно снимает на кинокамеру, как выползла змея, как сворачивается в бухту, но, раздумав нападать, уходит в воду и проплывает под моим плотиком. Я снимаю на фотоаппарат, но глубина до неё около метра, рябь от плота, снимок получился неважный.

На другой день я решил сделать этюд озера. Но тучи собираются окатить нас водой. Дай, думаю, поднимусь к той скале, на ней темнеет провал, заберусь в укрытие и буду рисовать. А подниматься пришлось по старой осыпи, местами проросшей травой. Я поскользнулся и падая, ударил рукой по земле. А оттуда как выскочит в воздух змея! Да что такое – я мешаю жить им, или мне нет от них житья и в озере, и на суше. Писать этюд мне расхотелось.

На одном участке берега росла большая развесистая берёза, наклонившаяся над водой. Я увидел в тени, что отбрасывала берёза, большую стаю крупной рыбы. Осторожно ползу по стволу в крону, устраиваюсь поудобней, вешаю ведро на сук, осторожно спускаю леску с наживкой в воду. Моментальный рывок и рыбина в ведре. А стая «не заметила потери бойца». Я не могу нарадоваться, ведро скоро будет полным. Но всё же чем-то я спугнул стаю рыб. Спускаюсь по стволу, а на стволе около земли поджидает опять змея. Я чуть не заревел от досады: за что же меня подкарауливают змеи? Удилищем хлещу по траве, змея

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

уползла. После этого я не стал купаться в озере, не ловить рыбу и не ходить далеко на этюды. Потом в областном музее в Намангане я увидел чучело моей «любимой» змеи. Это оказалась не ядовитая змея, а «Полоз Карелина». Но укусы его очень болезненны.

Мы дождались катера, но плыли по озеру под сильным дождём и холодным ветром. Из Аркита небольшим автобусом в Караван, а оттуда в Ташкент, где изнывали от страшной жары. И вот поезд отстукивает прекрасную мелодию: - «До-мой, до-мой, до-мой...».



Тянь-Шань. Первый перевал. Высота - 3000 метров. 1979 год

ТЯНЬ-ШАНЬ – ГОРЫ НЕБЕСНЫЕ



Тянь-Шань, Михаил Кириллович Владимиров, с кинокамерой, 1979 год

ПО ЛЕСИСТЫМ
КАРПАТАМ



*Пеше-горное спортивное путешествие
третьей категории сложности
сборной команды области из учителей-географов
в июле-августе 1963 года*

Автор не успел закончить данную главу.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

ПО ЗЕМЛЕ ОГНЕДЫШАЩИХ ГОР



*Путешествие пятой категории сложности
по Камчатке артёмовских туристов
в июле-августе 1966 года*

Автор не успел закончить данную главу.



В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

ПО ТАЁЖНОМУ ПРИМОРЬЮ И УССУРИЙСКОМУ КРАЮ



*Пеше-водное путешествие
пятой категории сложности команды
артёмовских туристов летом в 1968 году*



В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Обзорная карта района путешествия по Дальнему Востоку

(сплав по реке Бикин)

(пешеходная часть)



Справочные сведения :

Масштаб 1 : 1 000 000
(1 см – 10 км)

Начало и конец пешего



маршрута

(пос. Тахобе - пос. Улунга)

Начало и конец сплава



на плоту

(до д. Федосеева)

Ориентация карты

С



Ю

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК



*По субботам, вечерами,
Всё маршруты выбирали -
Даль да ширь – Союз велик.
Только думка зародилась,
Как тайга ни велика,
Глухоманью обольстила
Уссурийская тайга.*

Н. Кожемякин

Куда же мы направились в этот раз? На Дальний Восток! А что мы знаем об этом крае? Никто из нас там не бывал. Только на Камчатке в 1966 году я руководил походом артемовских туристов, Г.М. Некрич в 1969 году путешествовал по Камчатке, да директор школы №12 Леонид Ананьевич Кокорин нёс там службу. Но это совсем другой край. А мы же задумали пойти в Приморье и Уссурийский край, известный нам по книгам великого географа-путешественника Н.М. Пржевальского («Путешествие в Уссурийском крае», 1869 г.), исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева («Дерсу Узала», «Встречи в тайге»), писателя Александра Фадеева («Последний из удэге»). Кстати, название «Уссурийский край» от первой книги Н.М. Пржевальского. Нам надо прежде всего изучить всё, что найдём в разных

источниках. Ведь знаменитые путешественники описали в прошлом и позапрошлом веке только мизерную часть громадной территории, в основном Южного Приморья и Уссурийского края, а средняя и северная часть меньше освоена и заселена. Здесь поместились бы несколько европейских стран. Конечно, в наше время есть подробное описание географов, геологов, топографов, гидрологов и других экспедиций, но всё это за семью замками.

И так, что же это за Приморье? Ведь морей у нас сколько, приморскими считали бы и жителей Чёрного, Каспийского, Балтийского, Белого, Баренцова, Карского, Азовского морей. Ан нет. Только Приморье – Японского моря. Не звучит – «Прияпонье», да и непатриотично. Административно, это территория Приморского Края, то есть земли от восточных хребтов Сихотэ-Алиня до Японского моря. А Уссурийский край? Да его не найдёшь ни на одной карте! Это условная земля, расположенная по правобережью пограничной с Китаем реки Уссури – притока великого Амура. Это к западу от Сихотэ-Алиня и всех притоков реки Уссури. Самые крупные из них Иман, Бикин, Хор, Хунгари. Чем интересен и своеобразен этот район? Это удивительным сочетанием природы севера с югом: «... поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, но тут же рядом можно встретить тигра, не уступающего по величине и силе обитателю джунглей Бенгалии», - писал Пржевальский.

Мы выбрали район похода в бассейнах рек Кхуцина и Бикина, между 46 и 47 градусами северной широты и 136 и 134 градусами восточной долготы. Чем приглянулся этот район?

ПО ТАЁЖНОМУ ПРИМОРЬЮ И УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

*«Край земли Дальневосточной,
Утонувший в сопках край,
Даже тигра встретить можно –
Что же больше выбирать?»*

– так писал участник похода Николай Кожемякин. Кроме тигра, который живёт только здесь в нашей стране, много и других экзотичных животных и растений: два вида медведей (бурый и гималайский), лоси, изюбры-пантаци, кабаны, кабарга. Горал, или горная антилопа, обитает только в скалах Приморья. Из птиц, кроме рябчика, глухаря, тетерева, уток, гусей, цапель – водится фазан. Только здесь обитает красавица утка-мандаринка, за свою удивительную расцветку названа местными жителями «огоньком», гнёзда делает в дуплах деревьев. Живёт



Утка-мандаринка

особый вид рябчика (чёрный), названный почему-то «дикушей».

Уссурийский край не зря называют краем богатых возможностей, страной чудес. Здесь сочетаются высокие горы, бурные полноводные реки, суровая природа на севере и тёплая бесснежная на юге, где есть настоящие субтропики. Богаче природа на западных склонах хребтов Сихотэ-Алиня, она защищена горами от холодных ветров. Край находится на широте Одессы. Поэтому здесь растут липа, дуб, клён, бук, граб, дикие груша и яблоня, дикий жасмин, тисс, абрикос, лимонник, виноград, «чёртово дерево» - кустарник с длинными острыми шипами. Из экзотических животных, кроме тигра и белогрудого медведя, можно встретить красного волка, кабаргу, леопарда. Серны и пятнистого оленя в диком виде не стало (истребили!), живут только в заповеднике. Даже речная черепаха, в отличие от своих других сородичей, очень быстро бегают и плавает.

Так какая же команда собралась путешествовать в этих далёких и заманчивых местах? Самый старый (42 года) – Григорий Михайлович Некрич, заведующий ГОРОНО, опытный надёжный турист. Ходил в сложные походы по Уралу, Тянь-Шаню, Карпатам, Камчатке. А самому молодому – Николаю Исакову 19 лет. Но это мой ученик не только по школе, но и по туризму, отличный спортсмен, турист-разрядник, студент геобиофака Свердловского пединститута. Николай Кожемякин, комсомольский вожак на Артёмовском машзаводе, инструктор туризма, турист разрядник, заядлый охотник, гитарист и поэт. Владимир Чичкин, инженер, Председатель Клуба туристов на радиозаводе, занимался туризмом ещё в институте, инструктор туризма, член Правления городского Клуба туристов,

гитарист. Александр Логинов - техник АртЭС, охотник и друг Николая Кожемякина (даже служили в одном полку), инструктор туризма.

А единственный «варяг» и рабочий - Михаил Левченков (из посёлка Северского) хорошо знаком мне: вместе участвовали во Всесоюзных сборах инструкторов-водников в Забайкалье, прошли школу плавания на байдарках пятой категории сложности по реке Ингоде в 1965 году. Он органично влился в наш туристский коллектив. Это исключение – я в любые походы любой сложности ходил только со своими земляками. И наконец, Леонид Ананьевич Кокорин – директор школы №10, хотя большого туристского опыта не имел, но очень хотел пойти с нами в поход. За него поручился Г.М. Некрич. Правдами и неправдами мы утвердили его в областной МКК и не ошиблись в нём. Руководить походом опять «высунули» меня, ибо всякая инициатива наказуема. Да и кому охота принимать на себя все хлопоты в утверждении похода в Свердловске, а меня там знали и доверяли. Как видите, в команде нет ни одной женщины. В таком сложном походе так надёжнее. Ведь у нас будут огромные рюкзаки – всё необходимое для пешей «пятёрки» и сплава на плоту из камер колёс грузового автомобиля. Одна камера весит больше пяти килограммов. А ещё насос, резина на заплаты, ремонтный набор.

Всю зиму собирались, облегчали тяжёлые брезентовые палатки, думали о спасательных средствах. Стандартных спасжилетов у нас не было, только у Левченкова, но он - резиновый, надувной - нам показался тяжёлым. И тут Саня Логинов предложил свою конструкцию: надувные детские шарики вставить в карман сатиновой жилетки. Вначале мы все дружно «оборжали» Саню, но когда он

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

расстелил свой жилет на полу и прошёлся по нему и даже попрыгал – все сомнения были отброшены. Весил такой жилет всего 300 граммов. Предложили сделать к нему ещё отдельный спасательный карман, где должны были находиться в герметической упаковке спички, соль, плитка шоколада, документы, деньги, рыболовные крючки с леской, немного дроби, свинцовых пуль, карта, бинт, синтомицин. Это на случай аварии на воде. А при сплаве по реке наши охотники – Саня Логинов со своей «пукалкой» 28 калибра и Коля Кожемякин со своим бельгийским короткоствольным «мушкетеном» не должны были расставаться в любой ситуации. Кожемякин не уверовал в спасжилет Логинова и решил опоясаться двумя мотоциклетными камерами. Так, говорит, надёжнее! А когда собрали свои рюкзаки, вес оказался под 30 с лишним килограммов. Мы ещё должны взять на месте некоторые продукты. Охотники заверили нас, что свежее мясо у нас на столе будет всегда. Заядлый рыбак Миша Левченков обещал, что была бы вода, а рыбу он найдет и возьмёт всегда.

- Даже из унитаза? - ехидно осведомился Чичкин.

Мы сшили по проекту Володи форму – красные вельветовые рубахи с голубыми «лампасами» по рукавам, с эмблемой «ГОРИЗОНТ». Нас принимали за команду футболистов Чимкентского «Металлурга», или за команду городошников, или за представителей Всесоюзного Радио. Смехота! Но зато в городской толпе мы далеко узнавали друг друга.





*Режет небо самолёт,
Мутит воду теплоход...*

Наконец, все дорожные сборы и хлопоты кончились, летим на ТУ-104 во Владивосток. Посадка промежуточная в Иркутске чуть не закончилась плачевно. Плачевно для родных, а нам уже было бы всё равно. Когда наш самолёт разогнался по взлётной полосе и вот-вот должен был оторваться от земли – вдруг резко затормозил и остановился. Через несколько минут в салон вошёл взволнованный командир и объявил:

- Дальше не полетим. Отказал один двигатель.

Да-а! А их на нашем самолёте всего два! Если бы взлетели – братская могила всем пассажирам и команде была бы обеспечена. В стране не спустили в траур флаги, а родным бы не выплатили по миллиону рублей, как сейчас. Буксир приволок нас обратно к аэропорту. Пришлось вновь оформлять билеты, ждать попутный рейс во Владивосток, делать утомительную перезагрузку, на что ушло больше суток. Вместо 9 часов мы затратили на полёт... 49 часов! Во Владивостоке вновь томительное ожидание: когда-то пойдёт грузопассажирский теплоход «Тобольск» по каботажной линии, с остановкой в каждом селении на берегу Японского моря. Я с Некричем пошёл в Краевой Совет по туризму к Романову, который на наш запрос из Свердловска дать информацию о районе похода, ответил отказом. Его на месте не оказалось. Хорошо, что познакомились с двумя местными туристами. Олег Тула, эстонец, окончил наш УПИ, спортсмен, занимался боксом. Его товарищ –

инженер «Дальзавода» Юрий Садиков. Олег дал перекопировать картосхему рек Кхуцин и Бикин, дал ценные советы. Он бы даже пошёл с нами, да отпуск кончился.

Олег:

- Мошкары в тайге пропасть. В палатке спать невозможно – нужен полог из бязи.

Юрий:

- Мошкары мало. Её нечего бояться, она сама людей боится. Разожги костёр и спи спокойно.

Мы всё-таки склонны были верить Олегу. Он рассказал интересную историю про учёного, профессора Семёнова, который в своих скитаниях по Уссурийской тайге открыл новый вид крупной мошки-пеструшки. Но она не поняла его и чуть не заела до смерти. Опухшего, голодного, полуживого - его случайно подобрали геологи.

Вернувшись к команде, мы узнали: у нас ещё оказалась неувязка. Михаил Левченков забыл дома оформить разрешение в пограничную зону. Но Левченков умеет разговаривать с чиновниками. Я, говорит, за два часа паровоз уговорю. А людей уговорить – пустяк! Он заверил местных чиновников, что придёт из милиции заверенная телеграмма на его имя. И правда, через день он получил телеграмму и ему выписали пропуск во Владивостоке.

Пока ребята закупали необходимые продукты, получили билеты на теплоход, знакомились с городом, мы с Некричем снова пошли в Краевой Совет по туризму. Романов оказался невежественной в туристских делах сволочью, трусливым перестраховщиком. Недавно он отправил новосибирских туристов домой из-за какой-то пустяковой подписи в путевых документах.

- Дуб морёный! - дал ему характеристику Некрич. Нам ничем не помог, карт не дал, отчётов о походах не показал,

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

ничего дельного не посоветовал. У нас в Свердловской области побольше закрытых городов и территорий – но там в областном Клубе туристов даже рады познакомиться с туристами из других городов. В библиотеке пользуйся отчётами, картосхемами. Всегда помогут, чем могут. Жаль, что никто из свердловчан не ходил по нашему маршруту – не стали бы унижаться перед трусливым чиновником.

Порт Владивосток – порт трёх океанов. Так написано на стенке морского вокзала. Хотя по расписанию это экспрессная линия, но мы-то знаем – это каботаж, прибреговое плавание с заходом почти во все прибрежные селения. Коммерческая скорость не более 15-20 км.

Проплывают острова: Русский, Петра Первого, небольшой остров, похожий на крепость.

- Здесь жил граф Монте-Кристо, - воскликнул Коля Исаков.



Фото: рисунок теплохода

Красоту и своеобразие морской волны описали многие, не стоит соперничать с Гончаровым и Станюковичем, с художником Айвазовским. Но здесь рождаются особые чувства и настроения – что-то великое, необъятное, единое в природе. Позади переливается огнями большой город Владивосток. Наконец, плывём. Сопки нависают молчаливо над морем. Слева по ходу судна - берег, а справа восток, а в гавани разноцветными огоньками мигают пассажирские и грузовые суда, военные корабли. Жаль, что за два дня мы так и не познакомились толком с городом. Суета с документами, с продуктами, с билетами на теплоход. Наши места – каюта 4-го класса, это верхняя палуба, рядом с трубой. Свежий ветер днём и ночью, солнце, туман, дождик – всё наше.

Подходим к Находке. Здесь все названия даны людьми с романтической душой: Владивосток (Владей Востоком), бухта Золотой Рог, порт Находка, река Объяснения, бухта Преображения, бухта Светлая. Остались и китайские названия. Правда, в 1970-е годы горе-издатели выпустили административную карту, переименовав реки, посёлки, бухты на русский язык. Так бухта и посёлок Пхусун стал Преображением, Кхуцин – Кусуном, Бачелаза – Глубоководной и так далее. Тогда у нас был с Китаем крупный пограничный конфликт. Но эти названия не прижились у населения и всё осталось прежним. Вспоминается, что в Одессе главную улицу переименовывали три раза. Но пришлось оставить название Дерibasовской: население не поняло революционный порыв партийцев. Раньше думали, что улица названа в честь некоего купца Дерibasа, а это, оказывается, француз Де Рибас, основатель Одессы.

Пока судно оставляет за кормой буруны, в нашем уголке образовался самодеятельный хор. На звуки гитар Володи

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Чичкина и Коли Кожемякина собираются бездельные слушатели. Вот «Синильга» сменяется сказкой про нечисть Высоцкого. А романтическая и несколько сентиментальная «Ёлочка» переходит в задумчивую «Париж». Потом гремит залихватская песня про опального стрелка. В одной из наших песен есть слова: «Каждый вахлак – Бетховен», но всё же – «страдают в бродячих душах Бетховенские сонаты»... И пошли песни нашего производства. Коля Кожемякин со своей экстравагантной бородой и влихо заломленной ковбойской шляпе прекрасен. Девочки, окружившие нас, просят чего-нибудь весёленького. Явно, наша популярность растёт.

Волны однообразны. Но под их мнимой мертвенностью кроется много тайн. А тут ещё неожиданно всё море затянул сине-белесый туман. Теплоход стал непрерывно давать гудки – чтобы не столкнуться со встречным судном. Масла в настроение подлил матрос Борис, плывущий в Ванино. Он рассказал:

- Два с половиной месяца назад возвращался из южных морей эсминец «Вольный». Море было затянуто туманом, по правилам положено подавать сигнал раз в две минуты. Командир эсминца Попов только стажировался и это правило упустил. На юг шёл танкер «Дербент», он на полном ходу врезался в эсминец, в районе матросского кубрика. Двое матросов погибли сразу, двое были тяжело ранены. Я спал в этом же кубрике. Нос «Дербента» не дошёл полметра до моей головы.

Ребята приумолкли. Над морем опустились сумерки. Первая ночь у нас на «Тобольске» прошла по-разному. Наиболее сообразительные устроились в читальном зале на креслах, другие – в коридорах на диванах, а большая часть - на верхней палубе. И пожалели: на ветру и в тумане при-

ПО ТАЁЖНОМУ ПРИМОРЬЮ И УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

ятных снов не увидишь. Физиономии у них были утром помятые и взгляд блуждающий.

На другой день пришли в бухту Пхусун (Преображения). Причала нет, остановились на рейде. Среди расплывающихся в дымке и тумане горных хребтов прорывается река. Кубики домов рассыпаны по побережью, а некоторые карабкаются вверх по склонам. К нашему «Тобольску», переваливаясь с боку на бок, почти черпая носом морскую волну, чихая и кашляя, шлёпает от берега буксир. А потом и приползает пассажирский катер «Церера». Пассажиров сходит много, за один рейс не увезёшь. А свежий ветер поднимает волну. Катера, мешая друг другу, долго маневрируют. Наконец, начинается спуск пассажиров. Дети и женщины испуганно хватаются за поручни: нос «Цереры» то взлетает вверх, то опускается вниз. Какой-то сердобольный дядька с катера стал добровольно принимать представительниц прекрасного пола, хватая под мышки женщин, задерживая в руках наиболее симпатичных и молодых. А вот и все пассажиры и груз на берегу.

Отходим. Снова монотонно гудят двигатели «Тобольска». Делать абсолютно нечего. Развлечений никаких, «чтива» тоже нет, петь надоело. К вечеру заходим в бухту Ольги. Здесь есть деревянный причал. Пограничники проверяют документы: паспорта, пропуска, маршрутную книжку. В это время предприимчивые люди вроде Левченкова ловят головастых бычков, бородавчатую плоскую камбалу, «кочегаров» (вроде терпуга), желтобрюхих ленков. Вечером на корме толстый усатый дядька-матрос успешно ловит кальмаров. Кальмары вызвали живейший интерес у всех. То и дело стремительные моллюски появляются в кругу света от прожектора и жадно кидаются на приманку. Пойманные, они извиваются всеми десятью щупальца-



ми-змейками, веретенообразное коричневое тело то сжимается и разжимается, издавая хрюкающий звук. Чёрный круглый блестящий глаз укоризненно смотрит на тебя. Брошенные в бак с водой, кальмары сначала выпускают облачко и вода становится чёрной. Выгашенные из воды на палубу, они по мере смерти из коричневых меняют цвет от сине-зелёного до сиренево-красного. Чистить их легко: достаточно засунуть в «рот» палец, оборвать какую-то мышцу и внутренности сами вываливаются наружу. Зажаренное или сваренное, тело кальмара похоже на белок куриного яйца, только более плотного и жёсткого. Миша Левченков жадно выпытывает у матроса секрет приманки. Оказывается, это жёлтая латунная гильза от ружья, в открытом конце закрепляются несколько крупных рыболовных крючков, а через капсульное гнездо протянута толстая жилка. Матрос одолжил такую снасть и наши рыбаки быстро наладили производство. Дело пошло на лад. А тем временем в кругу света на воде показалось

какое-то длинное тело – похожее на громадного червяка или змею. Попытки вытащить из воды не удались. Одни матросы говорят, что это морская змея, другие – морской червь. Зацепили, но страхолюдина разломилась пополам. После вкусной ухи и жареных кальмаров спали долго. Теперь наш «экспресс» стоит на рейде Тетюхе. Погода неважная – ветер, небольшой туман, прохладно. На берегу экскаватор грузит свинцовую руду. Баржи перевозят её на наш теплоход. На барже «работают» пять человек: один таскает, а четверо режутся «в козла». При таком темпе погрузки теплоход простоял сутки. На наш вопрос, почему всё делается так медленно, матрос ответил:

- А куда спешить? Столько платят, разве за один раз пропьёшь?!

Наконец, наш «Тобольск» снова тупо бороздит воды Японского моря. Тянутся унылые скалистые берега, то и дело их закрывают тяжёлые тучи. Тут ещё море накрыл густой туман, видимость не более ста метров. Теплоход непрерывно даёт гудки, чтобы не столкнуться с каким-нибудь судном. За бортом холодные зеленовато-синеватые волны с гребешками, нудный морозящий дождь. А из кают-компания доносится визжащий смех подвыпившей женской обслуги и дошлых пассажиров, да пьяные песни мужиков. Скорость не больше пяти узлов. На открытой палубе кутаемся кто как может. Скучно!

Ночью прошли мимо нашей цели – в Кхуцине теплоход не сделал остановки – большая волна помешала. В 4 часа показалось селение в бухте Светлой. За пассажирами пришёл плашкоут - мы выгрузились на берег. Хоть погода и неважная, но приятно чувствовать под собой землю – ведь целых пять суток то летели, то плыли. Нас уже встретили пограничники, проверили документы, пропуска. В посёл-

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

ке несколько десятков домиков. Как же нам добраться до начального пункта похода – посёлка Кхуцин? Есть плохая грунтовая дорога, но машины ходят изредка и нерегулярно. Нам повезло – уговорили попутный катер довезти хотя бы до посёлка Тахобе. Опять надоевшая по морю дорога. Чтобы расшевелить команду, прогнать скуку, Володя Чичкин закричал:

- Смотрите! Смотрите! Дельфин!

- Да какой большой! - подхватил я. Все ринулись на корму, но потом поняли, что их надули. А когда позже матрос позвал посмотреть на стаю дельфинов, ему не поверили сначала. Матросы сказали, что здесь их всегда сопровождают дельфины. Особенно они хорошо играют в ясную погоду. А вот и посёлок Тахобэ. Сделали, наконец, настоящий туристский обед на суше. А до этого кормил...





Первые шаги по Приморью

От Тахобе до Кхуцина

28 мерных вёрст...

Что ж, бери рюкзак на спину

И вдоль берега – вперёд!

Н. Кожемякин

Посёлок Тахобэ похож на все небольшие селения вдоль Японского моря. Названия их разные – то китайские, то японские, то корейские, то русские. Разные народы в разное время селились здесь. Только удэгейцы, нанайцы, орочи обитали по глухим лесам в верховьях рек и горных долинах. В посёлке есть магазинчик, почта, на окраине – пограничная застава. Население занято рыболовным промыслом, заготовкой ценных пород дерева. В верховьях левого притока Тахобе – по речке Кудия, проложена тракторная дорога к лесоучастку. Само устье Тахобе находится в одном километре от посёлка. Удобного причала для теплоходов нет, нет и удобной бухты. Даже катера в волну не могут пристать к берегу. Закончив свои дела, катер обещает подбросить нас дальше, до посёлка Кузнецовой. Туда даже грунтовой дороги нет – тропа идёт в одном-двух километрах от берега моря. Да и особой нужды нет жителям-промысловикам ехать в Кхуцин или Светлую по дороге. Лучше и дешевле по морю на катерах. А вот в Усть-Кхуцинский ГосПромХоз (ГПХ) ездить приходится чаще: там школа, больница, большой магазин, контора ГПХ, сельсовет, отделение колхоза. Изредка, нерегулярно, по грунтовой дороге жители едут по нужде на грузовиках или на

тракторах. Мы прыгаем по пояс в воду и тащим рюкзаки на берег.

Перейдя вброд речку Кузнецовку, выходим на самый берег моря. Выглянуло солнце и природа показалась во всей красе. Прежде всего, бросилась в глаза пышная флора. Берега многочисленных коротких речек и ручьёв обильно заросли кустами краснотала, смородины, жимолости, черёмухи, ольхи, ореха, барбариса. Обилие ириса, выше человеческого роста растут зонтичные – медвежья дудка. Даже у шиповника цветы большие как у розы. И хотя с большим трудом под тяжестью рюкзаков преодолеваем спуски и подъёмы, взгляды невольно тянутся на такое ласковое сине-зелёное море, то на голубеющие в дымке горные хребты. Ну как не полюбоваться на грациозные прыжки дельфинов – они тоже радуются прояснившейся природе. А это что за черные усатые шары выныривают в прибрежных водах? Да это же нерпы! Они питаются у берегов богатой пищей. Корм для них - это моллюски и стаи рыб. А рыбам корма тоже обильно: в тёплых водах возле берегов много водорослей, кишат всякие крупные насекомые.

Километров через десять нам удаётся поймать грузовик, который идёт в Кхуцин. Как приятно сбросить тяжёлые рюкзаки и вздохнуть свободно. Каждый подумал, каково нам будет брести через таёжные дебри 180 километров? А вот и устье большой реки – вернее дельта. Здесь Кхуцин разбегается на многочисленные ручейки и протоки. Они сплошь заросли кустарниками, лиственными деревьями и высокими травами. В малую воду броды мелкие, лишь у протоки Колхозной есть шаткий мостик.



Нерпа

ПРИМОРЬЕ



Кхуцин. Название посёлка китайское и названо, как и все приморские посёлки, по именам рек. На русском языке звучит как «бешеный». Впрочем, у реки и было другое название (наверное, с языка местных народов) – Кусун. Так на карте В.К. Арсеньева обозначено. Когда мы готовились к походу – на мелкомасштабной карте посёлок обозначен на берегу моря. Оказывается, до моря ещё 4 километра. Это от того, что устье реки имеет широкую, заболоченную дельту и люди выбрали для жилья правый берег, на одной из протоков Кхуцина – протоке Колхозной. Ясно, когда было дано имя этой протоке. На берегу моря стоят два сарая. К ним – грунтовая дорога. Такая же дорога идёт от левого берега до Кузнецовой, а через мелкие протоки к посёлку машины идут вброд. По реке Кхуцин и её крупным притокам находятся избушки - колхозные пасеки, а в тайге редкие (их и не найдёшь!) избушки промысловиков ГПХ (госпромхоза). К ним можно добраться только в сухое время года (осенью) на вьючных лошадях или по зимнику. В Кхуцине есть сельсовет, школа, отделение Тернейского ГПХ, магазин, клуб, больница, отделене колхоза. Нам любезно предоставил ночлег в сельсовете Председатель Михаил Кирьянович Панков, в отличие от краевого Романова, принял хорошо, оказал живейшую

помощь в подготовке к походу. Его советы нам очень пригодились.

Сегодня 28 июля. Мы вышли из графика похода в связи с задержкой заброски в Кхуцин. Но всё равно решили затратить день на подготовку и отдых перед пешим маршрутом. Ближе к вечеру нам бросили вызов местные парни – поиграть в волейбол. К сожалению, мы проиграли. Сказалась несыгранность наша, когда-то кто и играл, но это было давным-давно. Вечером решили пойти в Клуб, для чего помылись, побрились, одели свои «фирменные» красные рубахи, взяли гитары - Кожемякин, Чичкин. Пели свои туристские песни, плясали, танцевали. Конечно, произвели впечатление на местную молодёжь, особенно на девиц. Кожемякин пришёл домой только на рассвете. Мы серьёзно беспокоились за судьбу нашего похода. Но он общался с местной «моряночкой», даже стихи ей написал. Но нас это не растрогало. Пришлось прочитать ему мораль – местным парням палец в рот не клади, ружьём и ножом владеют с детства. А если бы избили или искалечили, что мы смогли бы сделать? Здесь закон – тайга, винных местная милиция не утруждалась бы искать.

Председатель Панков, критически оглядев наше снаряжение и набор продуктов, сделал свои замечания: зря мы взяли ботинки, а не сапоги. Вы, говорит, пойдёте дремучей тайгой, болотами, каменистыми бродами, в густой траве немудрено наступить на змею. Ноги у вас будут вечно мокрыми, грязными. Что нам было делать? В борьбе за лишний вес решили поступиться здоровьем. А гнус? Ну, ладно, пауты, слепни, мошка, комары – сетка спасёт, а мокрец? Да он умудряется забраться под одежду, ему никакая палатка не страшна. Тут я вспомнил, что не зря В.К. Арсеньев в своих путешествиях по Уссурийскому краю за-

готовил своим спутникам по три смены дегярного белья. Михаил Кирьянович говорит: зачем вы тащите такие тяжёлые брезентовые палатки? Наши охотники берут только комарник (полог из марли и бязи) да кусок полиэтилена от дождя. А все эти репудины, демитилфтолаты, кремы мало помогают, это как гарнир для гнуса. А зачем столько банок тушёнки? У вас два ружья. А в тайге зверя полно будет. Вместо сахара возьмите лучше мёд, у нас он дешёвый и хороший. Да на пасеке вам и так дадут бесплатно. Купите копчёного сала дикого кабана. Рыболовные снасти есть? В реках полно ленка, хариуса, тайменя, лосося. Без рыбы не будете. Вместо хлеба и сухарей возьмите больше муки – она не раскиснет. Мы смущённо возражаем, что мы идём не на охоту, а по маршруту строго по графику и промыслом особо заниматься нам некогда.



*Куда же идём мы
И что же нас гонит,
Куда же ведёт нас
Шальная тропа.
«Синильга»*

Сегодня, 29 июля, конец месяца. Мы начинаем пешую, самую грудную часть маршрута. Нам пока опять повезло: с медового склада колхоза пойдёт грузовик за мёдом на ближайшую пасеку в долине Кхуцина. Нас обещают подбросить на десяток километров вверх по реке. Глупо было бы отказаться от такого предложения. Мы уже сделали «сверх плана» 10 километров, так нас никто не сможет упрекнуть в том, что мы не весь маршрут прошли пешком. Да с нами поедет на пасеку Председатель Панков – у него какие-то дела там есть. Таким образом, самый заболоченный, непривлекательный участок нижнего Кхуцина будем обозревать с машины. Попробовали медку на складе. Грузовик ползёт, ныряет по рытвинам, канавам, берегам бесчисленных речушек, продирается через густые заросли кустарника, трав, нависших деревьев – всё вверх, сначала по правому берегу, а потом – по левому. В густых зарослях Кхуцина не видно, только доносится рёв воды в порогах. «Бешеный» то грызет лавовые потоки, то растекается по протокам в осадочных глинисто-песчаных горных породах. Панков остановил машину между двумя бывшими когда-то посёлочками Русское Адо и Корейское Адо. В этом месте река делает крутой поворот. Видны с правого берега – скалы, на левом берегу – залом. От водоворотов и бурунов рябит в глазах.

- Вот здесь, на берегу, могилка туриста – киевлянина. Потонул в этом месте. Сплавлялись на плоту, в заломе плот перевернулся, а одного туриста затянуло под залом. А ведь был мастером спорта по плаванию.

Михаил Кириянович многозначительно посмотрел на нас. Да мы и так всё поняли. Собрали букет полевых цветов и возложили на могилу. Остальную дорогу до пасеки команда молчала – переваривали всё увиденное. Вскоре тайга расступилась, и мы выехали на цветущую поляну. Пасека! Несколько десятков ульев, хибара пчеловода. Седобородый дед приветливо встечает нас.

- А что, дед, мёд-то у тебя вкусный? - подъезжает с умыслом к нему Левченков.

- Так попробуйте, сынки, тогда и скажете.

Этого-то нам и надо. Появляется ведро с золотистым тягучим мёдом. Моментально обнажили кружки, но никто так и не смог проглотить и половины кружки. Пчеловод, усмехаясь, предлагает наполнить фляжки. Некрич, завхоз отзывают меня в сторонку и предлагают одну фляжку освободить от спирта, перелив его в стеклянную бутылку, и разлить мёд в две фляжки напополам со спиртом. Так мы в 1963 году на Карпатах сделали «медовуху» на день рождения Володи Шавкунова. У нас на днях Коле Кожемякину исполнится 25 лет. Договорились провести эту «операцию» тайно, пусть «медовуха» будет сюрпризом.

Дальше пасеки машина не пойдёт – надо впрягаться в рюкзаки. Тропа постепенно ведёт всё вверх, местами теряется в траве, кустарниках, путается со звериными тропами. Часто отходим от берега, огибая горелый лес, непроходимую чащобу. Трудно ориентироваться по картосхеме – на ней обозначены не все речки. Да и устья притоков не разглядишь в густых зарослях. Не везде можно перейти

ПО ТАЁЖНОМУ ПРИМОРЬЮ И УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

на другой берег ревущего Кхуцина в порогах и заламах. Лишь там, где он разбегается на протоки, страхуя друг друга, переходим с одного берега на другой.





*Привела неведомой дорожкой
В дебри беспокойная судьба,
Там стоит почти на курьих ножках
Старая охотничья изба*
М. Владимиров



Измученные, промокшие от дождя и бродов, выбираем сухой остров, благо на нём много сушняка. Ломаю голову над картосхемой – надо определить своё местонахождение. А ещё надо сделать кроки (зарисовки) своего пути за день и техническое описание (для отчёта).

На другой день опять трудный переход, опять надо выбирать правильное направление, тропа на высоких каменистых склонах, выбитая копытами лошадей, ходивших когда-то охотников и экспедиций, теряется в густых зарослях трав и кустарников. Надо следовать направлению вдоль Кхуцина и не уйти по зверовой тропе. В густых зарослях тальника, черёмухи, ольховника по берегам реки трудно определить, где на противоположном берегу устье реки Биамо.

К обеду мы неожиданно вышли на поляну и к нескрываемой радости увидели избушку. Неужели изба Сальникова, о которой говорил пасечник? На картосхеме я пометил её место между двумя левыми крупными притоками Кхуцина – Шабяли и Биамо. Избушка стоит на чистом берегу реки. Мы могли и пройти сто метров по тайге и не заметить её. А вдруг это избушка не Сальникова, а какого-то другого охотника? Вопросы, вопросы...

Избушка старая, но внутри порядок. Видно, что промысловик готовился к зимнему сезону. В избе везде развешаны вялиться связки красной рыбы – кеты. Это запас корма для охотника и собак на долгую зиму. Размышляем, вертолётной площадки нет, дороги - тоже нет, на себе столько рыбы от моря не унесёшь. Значит, где-то есть места на реке или протоках, куда идёт на нерест кета. Левченков загорелся желанием поискать нерестилище или перекат, ищет себе помощников. А между тем мои друзья хищно поглядывают на связки аппетитной рыбы. Разрешаю взять две рыбины, но по обычаю путешественников взамен оставить что-нибудь. Жертвуем банкой тушёнки и банкой стущёнки. Ночевать остаёмся в избе: надо разведать, где же устье Биамо. Дело в том, что на картосхеме показаны четыре одинаковых по полноводности левых притока: Улунга, Биамо,

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

Шебяли, Чиинка. Кожемякин с ружьём отправится вниз по Кхуцину, попытается найти устье Биамо (по схеме оно где-то в километре от избы). Мы с Саней Логиновым идем вверх и через два километра должны увидеть устье Шебяли, а пройдя ещё два километра, должны увидеть Чиинку. Если всё совпадёт с нашими предположениями, мы точно будем знать, который из четырёх притоков Биамо.

Пробираясь через заросли и валёжник, мы с Логиновым медленно движемся вверх, натываясь иногда на тропы зверей – кабанов, медведей, копытных, которые ходят из тайги на водопой. Хотя у Сани и ружьишко (гладкоствольное 28 калибра), что-то не хочется встречи с медведем.

После недавнего дождя высокая трава, кустарник, деревца обрушивают на нас потоки воды. Как говорится, на нашей одежде нет сухой нитки.



Начинает смеркаться. Уже на подходе услышали выстрелы: кого кто убивает? Но что-то там случилось. Оказывается, когда дежурный Леонид Кокорин приподнял полусгнившее бревно нижнего венца конюшни или сарая, в пазу оказались клубки змей. У них – брачная пора.

- Да как же я буду спать рядом с этим гадюшником?! – возмутился Кожемякин и вдарил по змеям из своей «бельгийки». Часть их изрешетила дробь, а часть попрыгала в траву. Спать друзья все забились на четырёхместные нары – шесть нехилых мужиков. Есть поверье, что если обидеть змею, она отомстит обидчику. Нам с Саней досталось место на полу у порога. Я спал очень плохо: чудилось, что через порог ползут змеи.

К ПЕРЕВАЛУ БИАМО



*Вновь тропинка к перевалу
Серой змейкой сквозь кусты
Потянулась, побежала
Чу! - пропала, не найти...*

Н. Кожемякин

Сегодня 1 августа, последний месяц лета. В августе везде бывает хорошая погода. Но только не в Приморье. Вот осень – да, золотая пора. А летом летний муссон несёт массу осадков с моря. Пока погода пасмурная, но без дождя. Хватит! И так три дня мокли не просыхая. Вчера ночью остановились прямо среди тайги, у ручья. Всё промокло, даже палатки, даже наши «фирменные» рубахи. Уставшие, безразличные ко всему, уныло сушим свои шмотки на костре. Маленький эпизод развеселил всех. Все смотрят на свои красные рубахи и вдруг замечают, что одна рубаха начинает дымить.

- Чья-то рубаха горит, - равнодушно говорит один. Он уже прикинул, что это не его рубаха.

- Да, хорошо горит, - роняет другой.

- Раз горит, значит – высохла, - резюмирует подошедший Коля Исаков.

- Ай, да это же моя рубаха! – закричал Коля, рассматривая огромную дыру на груди.

Утром следующего дня тронулись в путь и через двести метров – опять мокрые до самой груди. Высокая трава и кусты окатывают холодным душем. Попалась черёмуха, на неё набросились, как звери, и мигом обчистили куст. Да-а, сказывается недоедание. С надеждой поглядываем на наших охотников. Нет, не балуют они нас мясом. Да это и все понимают, какая охота, когда напролом прётся банда мужиков, всё живое от нас убегает или прячется. А что наш знаменитый рыболов Левченков? Зря, что ли тащит, через всю тайгу удочку? Но он оправдывается: здоровенные рыбины оборвали четыре крючка. Леску, говорит, надо было поставить потолще.

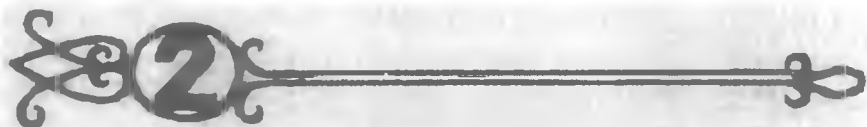
Кожемякин с Исаковым нашли устье Биамо. По описаниям совпадает и направление реки и пороги в устье. Да и тропа идёт на тот берег. Через Кхуцин решили перебраться со страховкой: натянули верёвку – перила. Глубина по пояс. Хорошо, что рюкзаки тяжёлые, тянут ко дну, а то бы-



строе течение сбивает с ног. Вдруг страшный грохот разорвал тишину. Это рывкнула «бельгийка» Кожемякина.

- Это ты в кого?
- Во-о-т такая рыбина!
- Где?
- Ушла, сволочь!

Через полкилометра мы подошли к устью Биамо. Направление реки, пороги в устье, тропа – всё говорит о том, что мы на верном пути. Берега состоят из базальтовых глыб. В реке через них катятся холодные потоки. Неужели лососи берут такие преграды? Судя по описаниям, кинокартинам – да. Они, пробираясь к месту нереста, прыгают.



Медвежье царство

*Возьму ружьё и нож стальной,
В Приморскую пойду тайгу.
Не страшен мне медведь шальной -
Охотник я – убить могу...*

М. Владимиров

Этот день стал для нас поистине медвежьим. Прошли мы несколько километров и увидели в омутке реки что-то лежит чёрное. Подошли и разглядели: это распластался в воде мёртвый чёрный медведь. Его ещё зовут белогрудкой или гималайским медведем. Видно, смертельно раненый охотником, он нашёл свой приют здесь. А может, убили браконьеры ради медвежьей желчи (она дороже золота!), а снимать шкуру или брать мясо не стали. Куда девать в такую жару, всё сгниёт.

Идём бодро пока, но подъём уже стал ощущаться. Всё чаще сухие места чередуются с влажными лощинами, где царствуют гигантские лопухи и другие травы, скрывающие человека. В местах, где реку перегородили упавшие деревья, в омутах много рыбы – ленков, хариуса, гольцов. Сидеть с удочкой некогда, а через поставленную сетку рыба быстро перескакивала... Левченков даёт команду: каждому наловить по спичечной коробке «скачков» (кузнечиков), а на привале, говорит, рыба будет.

Подъём становится круче и мы выходим на плечо открытой сопки. Под ногами каменистая осыпь. Разгибаем спины и видим: выше нас метров на сто сидящего медведя. Наши охотники что-то подозрительно долго роются

в рюкзаках в поисках патронов с «жаканами», а медведю надоело ждать их, и он спокойно ушёл дальше и выше. Отдохнув, опять спустились в долину Биамо, опять рыскаем в поисках тропы, то и дело натываемся на зверовые тропы, уходящие в сопки. Изнурительный это труд – искать в траве исчезающую из-под ног тропу. Лучше всех «нюхает» тропу Саня Логинов. Дело к вечеру. Пора подумать о сытном ужине. Охотники идут метров на тридцать впереди, в надежде что-нибудь подстрелить. За ними – Миша Левченков с длинной удочкой. Остальные бредут позади. Начинает смеркаться, а удобного места для привала нет. Левченков потерял из виду охотников, но увидел, что метрах в двадцати справа шевельнулись ветки ёлочки. Он подумал, что туда свернули охотники и сделал несколько шагов. Вдруг из-за ёлочек выскочил медведь, поднялся на дыбы и взревел. Наш рыбак от страха тоже взревел и метнул как копьём в медведя удочкой. Видно, прашуры Миши охотились копиями на такого зверя. Гены! Вдруг басисто ухнул мушкетон Кожемякина и взлаяла «пукалка» Логинова. Теперь испугался медведь и скрылся за ёлочками. Отставшие товарищи, где и силы взялись, быстрехонько доскакали под защиту ружей. Вдруг медведя не убили и он ломает тебя! Когда вся команда и охотники подошли к Левченкову, он стоял за берёзой, в руке блестел нож и лицо у него было белее берёзовой коры. Он был в шоке и не мог вначале вымолвить ни слова. Хорошо, что охотники отпугнули медведя, а может, смертельно ранили и он лежит спокойно за ёлочками. Решили посмотреть. Команда построилась «свиньёй» - в голове охотники наперевес с ружьями, за ними четверо мужиков, ошетилившихся ножами, в хвосте Левченков со своим «копьём», Коля Исаков с топором наголо – рубить тушу неубитого медведя.



И что же мы увидели. Лежит туша лоса со вспоротым брюхом. А рядом вырыта яма. Медведь полакомился внутренностями, а остальное мясо решил закопать в яму, завалить хворостом и приходите кормиться, когда оно немножко протухнет. Так, говорят бывалые охотники, поступают эти хитрые звери. Лось погиб ещё недавно, тём-

ный с фиолетовым оттенком глаз ещё как бы с укором смотрит на нас:

- Где же вы были раньше?

Дальше двигаться вперёд было опасно: медведь обиделся, что у него отобрали добычу и может устроить засаду. Надо же, за один день повстречали трёх медведей. Правда, один был неопасен.

- Один охотник вперёд, другой в арьергард, не растягиваться, - отдаю команду.

Уже становится темно, надо искать удобное место для ночлега. Облюбовали развилку реки, место сухое, много топлива. Быстро поставили палатки, развели большой костёр. Поужинав и отдохнув, наконец, ослабились и все события дня стали обсуждать с юмором. Первый вопрос охотникам – как они так быстро среагировали на рёв медведя. Оказывается, они наткнулись на изрытую землю на полянке, пахнувшую навозом. Подумали, что тут поработали кабаны и взяли ружья наизготовку. А это медведь тут напал на лося, разодрал брюхо и уволок метров за двадцать, где и вырыл яму.

- А как же вы промазали по такой крупной мишени?

- Дураки мы что ли? Ведь если бы ранили его, вам всем пришлось бы хреново!

- Миш, а Миш? За что ты так невежливо поступил с медведем? Он поздороваться с тобой хотел, а ты его оскорбил! Удочкой в него ткнул!

Один байку рассказал, как одного охотника поймал медведь и «обнял» его когтями. Он кричит: - Никола! Я медведя поймал!

- Саня! Так веди его сюда.

- Так он не пущает!

Другой рассказывает: медведь напал на группу туристов – с кого скальп снял, кого лапой погладил, кого сломал, кого улетает. Потом за рюкзаки взялся, выпотрошил, считает: рюкзаков восемь, а я угробил шестерых. Задумался, давай проверять по паспортам: этого съел, этому башку оторвал, этому ноги переломал. А где же ещё двое? Поглядел вверх, а там два туриста с ружьями сидят и не шевелятся. Ладно, думает медведь, буду я ещё за вами по деревьям лазить. Сами свалитесь. И улёгся под соснами спать.

Так за шутками-прибаутками весело просидели у костра. Но кто-нибудь всё-таки с опаской поглядывает на чёрную стену глухого леса. Разожгли большой костёр позади плотно поставленных друг к другу палаток. Охотников положили по краям – у них же ружья! Если медведь ночью перейдёт неширокую протоку, он первым делом задерёт того, кто с краю в палатке. Шкурнический интерес!



Перевал Биамо

*Ноги хлюпают устало,
Выше плеч шумит трава...
Вот отроги перевала –
Круто вверх идёт тропа.*

Н. Кожемякин

Сегодня начался последний месяц лета – 1 августа. Сегодня мы должны взять перевал. Конечно, это не перевал где-нибудь на Алтае или Тянь-Шане, но сам подход к нему очень трудный. Всё время надо искать в густой траве исчезающую тропу, да ещё зверовые тропки задают вопрос – по какой пойти. Наверное, великому путешественнику и исследователю Приморья и Уссурийского края В.К. Арсеньеву было легче, с ним были всегда казаки и основной груз тащили они. Да и свежим мясом обеспечивали всегда – шутка ли, у каждого казака боевой многозарядный карабин. Арсеньев со своим верным проводником гольдом Дерсу Узала шли этим перевалом глубокой осенью 1907 года в бассейн Бикина, гнуса в тайге не было, травы повяли и подмерзли, грязи под ногами было мало.

Идём вверх по правому берегу Биамо, надо нам найти переправу через бурлящий поток на левый берег. А вот и толстая сосна без коры лежит поперёк реки. Ширина реки около 10 метров. Но пройти с тяжёлым рюкзаком опасно, можно потерять равновесие и рухнуть в кипящую глубокую воду. В воде торчат полузатопленные и затопленные деревья, над берегами нависает тальник. Если сорвёшься

ПО ТАЁЖНОМУ ПРИМОРЬЮ И УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

и даже тебе удаётся освободиться от рюкзака, все равно тебя будут держать цепко деревья в воде. Решаем наладить страховку: обвязанный верёвкой, без рюкзака, Коля



Исаков переходит на другой берег и прочно закрепляет верёвку. Придерживаясь за перила, команда благополучно перешла на левый берег. А вскоре наткнулись на тропу и примерно через два километра вышли к охотничьему зимовью. Надпись на дюралевом листе (это останки разбившегося самолёта) гласит, что зимовье построено студентами-охотоведами второго курса Иркутского института. Ещё запись, что здесь проходила группа туристов из Днепропетровска. Что-то студенты построили убогое зимовье – крыши нет, пол земляной. На дюралю оставили свою эмблему «Горизонт» и надпись, откуда мы и когда здесь прошли. Двигаемся дальше тяжело – подъём все круче, Биамо всё меньше и меньше. Метров 400 очень крутой подъём, обливаемся потом, и мы на перевале. Вида с перевала никакого – растут небольшие берёзки и корявые лиственницы. Короткий отдых и вниз по тропе. Вскоре началось верховое болото. Ноги утопают в грязи, высокие кочки с осокой не держат ног и то и дело проваливаешься в грязь. Сбросить рюкзак и отдохнуть негде. И так километра два. Да что же это за окаянный перевал!

Вот и выбрались на тропу, позади проклятое верховое болото. После ночёвки на речке, стекающей с Острой сопки, погода установилась тёплая, сухая. В долине реки, среди берёзово-лиственничного леса появилась ель, в подлеске - черёмуха, рябина. Тропа ныряет в высокую траву с шиповником. Переходим с одного берега на другой вброд, благо Биамо (Бикинское) шириной 2-2,5 метра. Нас окружают безлесные сопки. На низменных глинистых местах тропы видны следы кабанов. А вот и за поворотом слышим какой-то непонятный шум. Подходим - в глинистых водяных ваннах ещё кружится мутная жижа. Мы спугну-



ли кабанов – вот уж поистине сви-
 нья грязи везде
 найдёт. Тропа то
 спускается в не-
 большие долинки
 ручьёв, то сно-
 ва ползёт вверх.
 Охотники, как
 всегда идущие
 впереди метров
 на 20-30, с пригор-
 ка подали рукой
 условный знак
 – что-то они выс-
 ледили. Мы плюх-
 нулись прямо на
 тропу. Слышу, как
 шедший за мной
 Г.М. закричал, за-
 стонал, а вокруг
 стали кружиться
 осы. Все накинута
 капюшоны, повяз-
 ки и пригнулись
 к земле. Впереди
 услышали выстре-
 лы и рёв медве-
 дя. Чёрт возьми,
 опять встреча с
 медведем! Г.М. со-
 рвался с воплем с

места и ринулся в чащу, спасаясь от роя преследующих ос. Оказывается, он сел прямо на осиное гнездо и мужественно терпел муки, надеясь, что на этот раз охотники убьют кабана или на худой конец – медведя. Уж очень рацион питания у нас скудный. А когда мы подбежали к охотникам, вид у них был весьма унылый. Вот что они нам поведали. Когда они взошли на пригорок, увидели, что по тропе навстречу идёт чёрный медведь-муравьятник. Он раза в два меньше бурого медведя, ему непод силу одолеть взрослого лося, он питается шишками, травой, ягодами, лакомится муравьями. Вот и этот идёт, переворачивает колодины, слизывает червяков, а то засунет лапу в муравейник и облизывает её.

- Вот до той ёлочки медведь дойдёт, Саня, стрелять будем, - шепчет Коля. А сам думает: я-то пальну в воздух, а вот как бы Саня не зацепил ненароком. Гималайский медведь, в отличие от самого крупного камчатского медведя, раненый не убегает, а даже смертельно раненый, кидается на охотника. Уж на что таёжные следопыты-охотники удэгейцы, нанайцы, орочи, вооруженные пятизарядными охотничьими карабинами и винчестерами, стреляют медведя в упор и только в голову. Вот и наше «мясо» взревело обиженно и умчалось с испугу в тайгу. В это время раздаётся треск в чаще и кто-то ломится на поляну.

- Ещё медведь, Никола, берём на прицел!

А это несчастный Г.М., спасаясь от ос, ломится на поляну, прямо на охотников.

Опять уныло бредём по верховому болоту, размышляя о том, что ужин будет опять из каши размазни, горстки сухарей да брусничного чая. Очень жарко, на привалах заедает мошकारа. Кажется, сам воздух состоит из этой мельчайшей летающей пакости. Вспоминаем – то ли дело наш

уральский комар – убьёшь, так немного удовлетворения, что-то раздавил. Наконец, после слияния ручья Биамо и левого притока Салибезы долина становится шире, горы синеют где-то вдаль за Салибезой. Снова длинные подъёмы и спуски. Снова мари, кустарники, широколиственный лес. Тропа идёт километрах в двух от реки, чистой воды нет, пора останавливаться на ночлег, не будем же мы лакать воду в ямах, где купаются дикие свиньи. Ну, наконец, попалась речка с чистой проточной водой, с россыпями мелких камней. Здесь останавливались геологи или туристы: висит котелок с надписью: - «Растеряха, борода»!

После ужина беру свой алюминиевый ковшик и делаю пробы на золото. Глядя на меня, мои товарищи, вооружившись тарелками, тоже пытаются разбогатеть, но – тщетно! Мелкие кусочки слюды выдают себя за благородный металл.

А какие открываются горные дали! Но всё портит проклятая мошкара, не даёт покоя даже в палатках. Сегодня мы прошли 28 километров. Рекорд за эти дни.

Утро началось с того, что Кокорин и Логинов тревожно кричали: - Григорий Михайлович! Утром он ушёл умыться на речку, а полчаса его всё нет. Что с ним? Напал зверь – вон сколько медвежьих троп в траве. Заблудился? Так до речки всего метров 50. Орём что есть силы, стреляем. Наконец, слышим вдалеке слабый голос. Наш винтовник, сконфуженный и растерянный, появился в лагере. Он ушёл от ручья по медвежьей тропе и заблудился, ушёл в другую сторону. А медведей ночью мы слышали из палаток – они ели медвежью дудку, борщевник...



У л у н г а

*И когда осточертела
Глухомани тишина,
Кто-то крикнул:
- Люди слева! Люди, братцы!
Улунга!*

Н. Кожемякин

Этот день был для нас радостным. По хорошей тропе, по левому берегу Биамо Бикинской спускаемся вниз и вскоре наткнулись на кошенину и стог сена. Значит, жильё близко. Левченков даёт приказ: ловить «скачков» по пять штук «на рыло», если желаем пожрать хорошей ухи. Через час ходьбы увидели пасеку. Нас встречает «настоящий, нешутейный, пусть он даже беспартийный, но живой советский дед». Жадно спрашиваем об Улунге, о Бикине, о продуктах. Он напугал нас: по Бикину на плотках не пройти, страшные заломы. Даже на моторном боте плыть большой риск. Охотники поинтересовались, как здесь промышляют кабана. Он предложил сходить на ночь в засаду на солонцы, но у нас времени нет – мы и так выбились из графика. Отдохнув, мы через час были в посёлке Улунга, что стоит в устье одноимённой реки и полноводной реки Бикин. Это с десятков стоящих разрозненно домиков, некоторые заброшены. Но по здешним таёжным местам посёлок – настоящая столица. Как же! Есть радиоузел, лесник Черепанов, есть магазин, почта, в двух километрах в устье Чиинки – аэродром. Сюда раз в неделю садятся самолёты – «кукурузники». Нас приютил лесник, сделал

нам баню, из парилки ныряли прямо в холодную Улунгу. У нас будет праздничный ужин: сегодня Коле Кожемякину исполняется 25 лет. Что бы ему подарить эдакое оригинальное. На заборе у радиостанции я заметил медвежью шкуру с головой и когтями. Радист любезно разрешил вырубить когти. Из них я тайком сделал ожерелье. Ужин и в самом деле получился праздничным. Левченков поймал несколько крупных ленков, на столе стоит картошечка с луком, глазунья, простокваша и... настоящий свежий хлеб! Вот тут и пригодилась наша с Некричем медовуха. Столько дней мёд взаимодействовал со спиртом. Напиток богов! Сюрпризом для именинника было и ожерелье из медвежьих когтей.

- Это тебе, охотник, со смыслом,- многозначительно поглядев на именинника, - изрёк Некрич. Пришли местные гости, долго сидели у костра, пели песни, беседовали мирно и с интересом. После ужина состоялся «военный совет» - решался вопрос о дальнейшем передвижении группы. Черепанов и другие охотники серьёзно предостерегали нас плыть на плоту. Тут, говорят, опытные рыбаки и охотники с мотором переворачиваются и тонут, а вы...? На реке бурное течение, водовороты, карчи, заломы. И на берег не выползешь - тальник стоит в воде. А проток множество, даже местные каждый год уточняют, по какой можно проплыть, а какая забита деревьями. Черепанов предложил подбросить нас на 60 километров вниз, до гидрометеостанции (ГМС) Ганцанза. А там, хоть и с большим риском, может, говорит, и доплывёте до Бурлита. Геолог Верещагин дал подробную картосхему Бикина, но предупредил, что она бесполезна. Вы, говорит, не сможете правильно сосчитать все речки, ручья, ключи, впадающие в Бикин, вы их просто не увидите с плота. Черепанов сде-

лал подробное описание ориентиров нужных протоков: то шалаш или изба на берегу, то сломанное молнией дерево, то скала, то коса. Я всё подробно записал и зарисовал в свою тетрадь. Но очень опасен участок от Улунги до ГМС Ганцанзы. Помочь бы, говорит, вам я рад, да сенокос не ждёт. Посоветовавшись, мы решили отработать на сенокосе три дня. Разделили группу пополам: первая группа - Владимиров, Левченков, Кожемякин, Некрич. Вторая (сенокосники) – Логиков, Исаков, Кокорин, Чиркин - еду на сенокос. Первая группа на ГМС Ганцанза должна собрать и оснастить плот. Все договаривающиеся стороны были довольны: за трое суток убрали сено, построили плот. Изголодавшихся «батраков» лесник кормил досыта. А поездка на длинной охотничьей тяжело гружёной лодке (шесть мужиков, четыре рюкзака) запомнилась надолго. Бикин оказался действительно нам не по зубам. Мощный мотор натужно ревел даже по течению, крутые повороты: откажи двигатель или наскочи на топляк – амба! А надевать спасательные жилеты было стыдно перед Черепановым и геологом Верещагиным. Скажут, ну и трусы собрались путешествовать по нашим краям.

ПО БИКИНУ



*Режет, рвёт реку Бикин,
В протоках кружит хлипкий плот...
И куда ты взгляд ни кинь –
Деревья, сопки, неба свод.*

М. Владимиров

Гидрометеостанция Гапцанза стоит на берегу одноимённой протоки, недалеко от устья левого притока Бикина. Нас приветливо встретил начальник Кузнецов, поместил в половину большой избы. Он оказался нашим земляком, учился в Гидромете в Свердловске. Вот здесь уже тринадцать лет. Сам строил станцию и жильё, сюда же привёз жену-украинку. Уж очень поглянулись ему эти места: зверя, рыбы полно. И хотя у него по локоть нет левой руки, он стреляет лося, медведя, кабана, изюбря одной правой рукой. У тайги отвоевал кусок для хозяйства и вертолётной площадки. Вертолёт прилетает только два раза в год – забрать детей в школу, оставить продовольствие, горючее для движка и лодочного мотора.

Задача нашей четвёртки – сделать остов-раму для плота из автомобильных камер. На речке Дунгузе находим отличные сухие сосны. Вяжем раму, накачиваем и привязываем камеры, делаем гребни. Через три дня прибыли

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

наши сенокосники. Вместе с Кузнецовым, геологом и лесником обсуждаем наш самостоятельный маршрут дальше по Бикину. Я делаю записи, зарисовки в блокнот. Потом Кузнецов берёт меня и Кожемякина на разведку первого опасного места где-то в четырёх километрах от ГМС. Когда моторная лодка выскочила из-за поворота, Кузнецов показывает на какие-то сухие сучья в заливе. Он объясняет: это рога изюбрей, которые по самые ноздри стоят в воде, спасаясь от гнуса. Передохнуть остановились на песчано-глинистой косе. И что же мы увидели: чёткие отпечатки тигра, который ходил на водопой. Увидеть самого тигра нам в походе не удалось, но он, наверное, наблюдал за нами. Кузнецов говорит, что зимой его собаки отгоняют от усадьбы то медведя, то тигра.

Пора собирать рюкзаки, спускать плот на воду. К великому удовольствию, он хорошо держит нас и груз. По тихой



протоке выходим на быстрое течение Бикина. Первая вахта – мы с Кожемякиным на носовой гребни, Левченков и Логинов – на кормовой. Пока чувствуем себя неуверенно: а что если лопнет камера, а если лопнут «мыльные пузыри» - наши самодельные спасательные жилеты? К вечеру достигли опасного места - тут много проток, заломов. Перед сложным заломом хороший ориентир – на косе шалаш из коры. На тихой воде много уток, но охотники стабильно бьют мимо.

- Да они просто боятся сделать уткам больно! - ехидничает Чичкин. Но охотников можно понять – у Кожемякина полружья, мало какая дробина долетает до цели. А у Логинова калибр в два раза меньше обычного. В первый день прошли всего 12 километров, но немного освоились с плотом и обстановкой на реке.

На другой день прошли трудный залом, за ним на берегу избушка. Удэгеец Канчуга предупреждает нас о сложном заломе впереди. Ему 65 лет, воевал, имеет две медали, знает китайский, корейский языки, был переводчиком, а по-русски писать не умеет. За охотничий нож он согласился показать нам протоку Куйтун мимо опасного залома, где потоплено много моторов и погибли люди. Протока мимо этого залома всего 10-12 метров шириной, вам, говорит, её не найти. Кто из местных знает, плавает по ней безопасно. А на следующий год может и она будет забита лесом.



Эх, заломы, заломы

Да я, говорит, провожу вас на своей лодочке. Действительно, лодочка-оморочка, выдолбленная из толстого ствола тоболя. Лучше бы её назвали не ОМОРОЧКА, а ОБМОРОЧКА, непривычный городской житель легко может упасть в обморок. И вот Канчуга, не спеша, попыхивая трубочкой, плывёт впереди метров за двадцать. Берега сплошь закрыты высоким тальником, а где посуше – сосенки, берёзки, черёмуха. Вдруг удэгеец поворачивается к нам и делает жест - тише, мол, смотрите вправо. Когда мы поравнялись с большой разлапистой черёмухой, увидели на вершине, меж крупных сучьев, маленького чёрного медвежонка, который с испугом или удивлением тарачит на нас круглые пуговики-глазки. Коля Исаков говорит:

- Давайте пристанем и поймаем медвежонка. На что Саша Логинов резонно ответил, что тебя самого скорее обнимет мамаша-медведица.

А вот и показалась неприметная тихая проточка метров 10-12, наполовину закрытая упавшим в неё деревом. Это и есть протока Куйтун, по которой в этом году все выходят на Большой Бикин. Ни за что бы не догадались! Тепло распрощались с Канчугой и медленно, петляя, но поплыли на сильную струю слева, которая оmyвает высокую сопку. Вскоре ещё несколько протоков сливаются вместе, река имеет большую скорость. Волн нет, а крупная ветка в воде режет воду с бурунчиком. Отдыхаем, вахты меняем с Левченковым. Он, однако, авантюрист, не обращает внимания на крутые повороты, не отгребая заблагобре-

ПО ТАЁЖНОМУ ПРИМОРЬЮ И УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

менно к противоположному берегу. И только когда плот скоро врежется в берег, командует аврал, все усиленно начинают работать гребями, шестами. Но это нравится моей вахте, шутя они говорят, что у Левченки можно много отдыхать, а у Кирилыча только и знай – гребни от одного берега к другому. Но жизнь показала другое: наша вахта ни разу не врезалась в залом и не села на карчу посреди широкой реки. Но впереди нас ждёт неожиданный сюрприз. Бикин разбегается на две большие протоки, какой идти – не знаем. Повернули в правую и вскоре влетели в вековой залом. Большая протока превратилась в узкую, метров 6-8, а остальная вода ушла под громадный вековой залом, которому не видно конца. Что делать? Разбиваем лагерь, на плоту нам ни за что не выгрести против сильного течения. Надо ждать оказии. Посылаю Колю Ивано-



Вот эта и есть протока с заломом, по которой мы должны были плыть

ва и Сашу Логинова на остров, караулить, не пройдёт ли мимо какая лодка. Кожемякин с Кокориным отправились берегом исследовать маленькую протоку, может она выведет нас на большую воду. Я с Чичкиным пошёл по берегу, посмотреть, нельзя ли нам перетащиться берегом метров 400, но берег оказался затопленным. Продираться по пояс в болотной воде, сквозь упавшие деревья, коряги, и когда ноги с трудом вытягиваешь из болотины – нереально. Вернулись наблюдатели с острова. Шла моторная лодка и, несмотря на наши призывы пристать, и даже Саша стрельнул в воздух, но лодка, наоборот, поддала газу. Вернулись и Кожемякин с Кокориным – там по протоке на плоту не пройти. Ну, что ж, будем ждать okazji, но отдыхать в неведении – тяжкий труд.

На другой день повезло – слышим шум мотора, кажется, кто-то плывёт в нашу сторону. И точно, из-за поворота выскакивает лодка, мы призывно и отчаянно машем руками, а для верности красноречиво размахиваем фляжкой со спиртом. В лодке нестарый удэгеец, пристает к нам и смеётся:

- Зачем сюда ходил? Залом же.

- А ты?

- Я еду на корнёвку, жень-шень искать. Мне везде дорога.

Мы за обедом уговорили корнёвщика помочь нам, вывезти плот до того места, где река раздваивается. Мы уйдём левой протокой. Удэгеец согласился, мы быстро стали разбирать плот и по частям увозить вверх по реке. Пока команда собирала плот, удэгеец взял нас с Кожемякиным показать очень страшный залом в левой протоке. Действительно, мотор «Вихрь» натужно пересек струю – вода с такой силой тянула под залом, что становилось жутковато. Удэгеец показал нам, где можно обойти залом, есть про-

тока, там надо распилить несколько лесин и можно протащить плот. А сюда не суйтесь: сколько моторов и людей лежит здесь. Можно, говорит, на скорости направить лодку с высоко поднятым носом, лодка и люди могут остаться на заломе, а мотор – под заломом. Мы поблагодарили доброго человека за помощь, и он уехал в тайгу за очень дорогим корнем. А по его совету мы легко разобрали плот, благо у нас была пила, два топора и восемь мужиков.

Далее река была широкая, с хорошим течением, и мы опять перешли на вахтовый метод. Но опять «разбой» - Бикин разбежался на несколько протоков. На вахте был Левченков, он направил плот в протоку возле правого берега, она оказалась глубокой и чистой. А упавшую поперёк громадную сосну было плохо заметно в пенистой воде. Я чувствовал, что наш плот перевернётся и скомандовал не зевать и выбрасываться на сосну. Но к нашему удивлению плот не перевернулся – вот что значит плот на автомобильных камерах. Выгрузив рюкзаки, стали решать, как плыть дальше. Левченков заявил, что раз моя вахта – я набираю себе команду и мы попытаемся пройти соседней протокой. У нас был большой риск залететь в очередной залом. Левченков взял Кожемякина, Кокорина, Логинова и они успешно перегнали плот и пристали к берегу. А дальше до первого посёлка на нашем пути – Красного Яра, мы плыли спокойно и отдыхали. Все предвкушали купить в фактории свежих продуктов и других деликатесов. А вот по правому берегу мы заметили признаки обитания людей, и вскоре показался высокий берег. У берега стоит несколько лодок, а на берегу – люди. Мы решили лихо пристать, бросили на пень в воде верёвку, а пень-коряга вдруг поплыл, все сгрудились на один борт и плот на глазах любопытных людей перевернулся.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

- Фангули делай! – радостно кричат зрители сконфуженным туристам.





До свиданья, Дальний Восток!

Жители этого небольшого таёжного поселения связаны с миром Бикином – сюда поднимаются мелководные катера и лодки с моторами. Одно большое препятствие на реке – это вековой залом, больше половины которого с левого берега закрывает река. Течение здесь очень сильное, моторные лодки пересекают мощный поток под большим усилием. Будем осторожны. А пока Бикин течёт одним потоком, вислые тальники по берегам, местами то по одному, то по другому берегу не представляют угрозы. Скоро ли наш главный враг – Старый Шейтун. По приметам, о которых рассказал охотовед, скоро наступит час испытания. Вся команда наготове, все напряжены. И вскоре за поворотом донёсся мощный рёв реки. Кажется, Шейтун перекрывает весь Бикин. Волны бьются в белой пене, омывая мощные, в несколько рядов, брёвна. Справа остров, который мы должны обогнуть, не свалиться в утробу реки. Даю команду – к берегу! К берегу! И в этот момент ломается кормовое весло, Чичкин с обломком летит в воду. В одно мгновение была вставлена запасная гребь. Кокорин с Логиновым прыгают с чальными верёвками на берег, обматывают толстые стволы тала, а Кокорин умудрился даже палец примотать к стволу. Веревки натянулись, зазвенели и плот медленно идёт к берегу. А что же Чичкин? Он изо всех сил молотит руками по воде, чтобы попасть на плот, в глазах – ужас: понимает, что если не дотянет до плота – верная гибель в заломе. В протянутый шест он вцепился мёртвой хваткой и благополучно был вытянут на плот.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА

Часть команды стала придерживать наше судёнышко веревками, часть гребет и медленно огибаем острый нос острова и заводим плот на тихую воду. Только тогда внимательно посмотрели на Шейтун, где ждала нас смертельная опасность. Не Шейтун, а Шайтан! Отдохнув от переживаний, мы опять вышли на чистую воду, опасных мест не предвидится. А скорость реки большая: между Сиином и Олоном 14 километров, прошли за час. А тайга отступила, показались небольшие деревеньки Верхний Перевал, Красный Перевал, нанайские стойбища - Сиин, Олон. Плыть стало скучно. Наконец, пристали к большой деревне Федосеевка. У местного рыбака узнали, что отсюда ходят грузовики, на которых можно добраться до Бурлита, а там железнодорожная станция. Решено, бросаем якорь в



Вот как выглядят яйца речной черепахи

Федосеевке. Прощай, наш извозчик и спаситель, наш надувной плот. Ты оправдал свои надежды на выносливость, ёмкость, грузоподъёмность, непотопляемость. Последний костёр, летят в огонь изношенные штормовки, фирменные рубахи, рваные башмаки и прочая сбруя. О берег миролюбиво плещутся волны Бикина, которые недавно хотели нас потопить.

Идём с Колей Исаковым по приплёску, песок которого уступами лежит у берега. Вдруг под ногой Коли песок осыпается и показались круглые белые шары чуть больше бильярдных. А в раздавленном шаре оказалась... маленькая черепашка. Это яйца черепахи! Да откуда здесь черепахи, чай не Африка или Азия, - недоумеваем мы. Потом узнали, что здесь водятся речные черепахи. Вот для нас, географов, хороший урок.

А дальше – автомашины, автобусы, поезда – всё ближе и ближе к дому. Прощай, этот благословенный Дальний Восток – Приморье и бассейн Амура!

ЭТО ЗВОНКОЕ СЛОВО – БАМ!



*Пеше-водное путешествие второй категории сложности
по району строительства Западного участка БАМа
туристами Егоршинского отделения железной дороги
в 1975 году*

Автор не успел закончить данную главу.

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ



*Пешеходно-водное путешествие
четвёртой категории сложности по Полярному Уралу
туристами города Артёмовского в июле-августе 1974 года*

Автор не успел закончить данную главу.

КАТЕГОРИИ И ПОДКАТЕГОРИИ



ВВЕДЕНИЕ
1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ
2. ПОДКАТЕГОРИИ
3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

ПО ГОРНОЙ ЯКУТИИ И ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ



Спортивное путешествие высшей категории сложности через хребет Сунтар-Хаята и сплав на катамаранах по горным рекам Делькю Охотская и Охоте команды туристов города Артёмовского в июле-августе 1978 года

Автор не успел закончить данную главу.



Река Охота, Хабаровский край. Такая там водится хирбуша. 1978 год

ПО ГОРНОЙ ЯКУТИИ И ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ



На вершине горы Мус-Хая, Якутия, 1978 год

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

МАНЬ-ПУПЫ-НЬЁР - ГОРА КАМЕННЫХ ИДОЛОВ



*Лыжное путешествие четвёртой категории сложности
команды учителей Артёмовского туристического клуба
«ГОРИЗОНТ» в апреле-мае 1981 года*

Автор не успел закончить данную главу.

В РЮКЗАКЕ МОЕМ ДОРОГА

ПАМИРО-АЛАЙ,
РЯДОМ С «КРЫШЕЙ МИРА»



*Горно-пешее путешествие
третьей категории сложности
команды городского Дома Пионеров (старшеклассников)
по горам Памиро-Алая в июле-августе 1982 года*

Автор не успел закончить данную главу.

В РЮКЗАКЕ МОЁМ ДОРОГА



Памиро-Алай, 1982 год

Из воспоминаний дочерей Михаила Кирилловича.

Самым тяжёлым, но и самым интересным был поход на Памиро-Алай. Приходилось нести тяжёлые рюкзаки с палатками, продуктами и снаряжением. Всё делали самостоятельно: закупали продукты, чертили карты, прокладывали по ним маршрут, ориентировались на незнакомой местности, готовили еду на костре, переплывались через горные речки. Наташа и Света помогали отцу шить палатки и снаряжение.

В наследство от бабушки им досталась старинная швейная машинка «Зингер», вот на ней-то всё и строчили.

Из обычных плащей девчонки сшили красивые и удобные анораки.

ПРИЛОЖЕНИЕ (ПОХОДНЫЕ РАССКАЗЫ)

Автор не успел закончить приложение.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям	2
Вместо предисловия – или:	6
Как я стал туристом	
Раиса Борисовна Рубель	9
Моя работа по туризму в городе Артёмовском	15
На железной дороге	22
Снова в городском Доме пионеров	25
В техникуме точного приборостроения	28
Когда я стал пенсионером, то...	32
Через могучий Денежкин Камень к горной красавице Вишере:	48
- Северный Урал	49
-	59
- По Вишере	84
	116
В страну Югорию	122
- Свердловск-Полуночное	124
- Северный Урал	132
- Даёшь Чистопку!	149
- Домой!!!	165
- По следам умолкнувших голосов	172
Люблю я Алтай – золотой этот край	187
- Алтай – золотые горы	188

СОДЕРЖАНИЕ

- По Алтайской тайге	198
- По Абакану	211
Тянь-Шань - Горы Небесные	229
- Чаткальский хребет	231
- И снова Тянь-Шань	256
По Лесистым Карпатам	262
По земле огнедышащих гор	264
По Таёжному Приморью и Уссурийскому Краю	266
- Дальний Восток	269
- Приморье	288
- К перевалу Биамо	298
- По Бикину	315
Это звонкое слово – БАМ!	326
Полярный Урал	328
По горной Якутии и Хабаровскому Краю	330
Мань-Пупы-Ньёр - Гора каменных идолов	334
Памиро-Алай, рядом с «Крышей Мира»	336
Приложение (Походные рассказы)	339

Дизайнер - Е.А. Подоксёнов
Компьютерный дизайн и вёрстка выполнены
в редакции газеты «Всё будет!»
623780, Свердловская область,
г. Артёмовский, ул. Физкультурников, 14
Телефоны/факс: (34363) 2-55-08, 2-50-03
E-mail: reklama@vsebudet.info

Подписано в печать 20.07.2015 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура Swift1 OT
Печать офсетная. Бумага ВХИ-80. Усл. печ. л.
Тираж экз. Заказ №

addOp.

